VISIT…

Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт

Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение

OCR:Правка:Дополнительная обработка: Ноахег

«Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера»: М.: Посев; Москва; 1993

Аннотация

Об авторе: *Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт родился в 1897 году в Риге. Учился в Реформатской гимназии в Петербурге и окончил ее в 1915 году. В том же году вступил добровольцем в русскую армию, получил офицерское звание, воевал до конца первой мировой войны. В 1918–20 гг. участвовал в освободительной борьбе против большевиков в Прибалтике и под Петербургом. Затем в течение четырех лет работал по мандату Международного Красного Креста и Нансеновской службы по оказанию помощи голодающим в России. После этого учился (экономика, право). В 1924–39 гг. представлял в Риге германские и английские предприятия. В 1941–45 гг. – переводчик и офицер германской армии. Ближайший сотрудник и друг А. А. Власова. Скончался 7 сентября 1977 года в Оберштауфене (южная Бавария).*

Strik-Strikfeldt Wilfried Karl

Gegen Stalin und Hitler

Штрик-Штрикфельдт Вильфрид Карлович

Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение

Памяти жертв Освободительного Движения Народов России 1941–1945 гг. и их немецких друзей.

Важно не только то, что совершается явно и бесспорно. Важно также, и в неменьшей степени, что таится в мыслях и мечтах, в надеждах и опасениях людей и народов. Действительно содеянное можно устранить; несвершенное же может вновь ожить, когда придет его неведомый час.

Вернер Бергенгрюн

I. В штабе группы армий «Центр»

Призыв в армию

В январе 1941 года в мое инженерное бюро в Познани явился офицер германского Генерального штаба. После краткого предисловия он сказал мне, что ему известна моя служба в императорской русской армии, а также моя работа при Международном Комитете Красного Креста после первой мировой войны. Он знал, что тогда я, со многими друзьями, организовал широкую кампанию помощи голодающим в России, еще до того, как за это дело взялись Фритьоф Нансен и Герберт Гувер. И, наконец, он заявил мне, что, поскольку я знаю русский язык, фельдмаршал фон Бок хотел бы взять меня в свой главный штаб как офицера-переводчика.

Сперва я был поражен точностью сведений о моей деятельности. Затем у меня возник вопрос: Зачем фельдмаршалу понадобился русский переводчик? Разве Гитлер и Сталин не поделили по сговору добычу от своих походов, приведших к уничтожению Польши и государств Прибалтики? Разве Советский Союз и Германия не стали союзниками? Офицер Генерального штаба любезно ответил, что на все вопросы фельдмаршал ответит мне лично. Вскоре после этого разговора меня вызвали в главный штаб фельдмаршала фон Бока.

Федор фон Бок был образцом хорошего прусского офицера старой школы: скромный, любезный, – без монокля, – и лишенный той надменности, которая нам, немцам, воспитанным в России, была столь неприятна.

Бок разговорился со мной о первой мировой войне, о русской революции и о разных балтийских ветвях «Боков» – немецких и

шведских (к последним принадлежала моя мать). Фельдмаршал рассказал мне о своем двоюродном брате, также фон Боке, морском атташе императорского русского правительства в Берлине.

– Я не могу сказать вам ничего больше, – заявил он потом, – но, может быть, нам в близком будущем понадобятся ваши услуги.

Я был призван на военную службу в качестве «майора для особых поручений», но пока мог заниматься своими обычными делами.

Вскоре после этого я должен был держать в Берлине экзамен на звание переводчика. Когда председатель экзаменационной комиссии спросил меня, какую школу я окончил, и я назвал мою немецкую школу в Санкт-Петербурге, председатель сказал:

– Господа, экзамен излишен. Этот кандидат владеет русским языком лучше, чем мы с вами.

Я получил удостоверение переводчика класса А и был зачислен в германскую армию в чине капитана. То, что я так и не получил звания майора, как оказалось впоследствии, было мне же на благо.

Главная квартира фон Бока в Вартегау была как бы оазисом в пустыне. В этой пустыне, то есть в оккупированной нами части Польши, были перевернуты понятия права и справедливости, нравственности и порядка, правдивости и верности. Польское имущество конфисковали. Поляков свозили в так называемое генерал-губернаторство. Евреев отправляли еще восточнее. На место выселенных евреев и поляков селили немцев из Прибалтики.

«Домой в рейх» – гласил лозунг для переселяемых из-за границы немцев. «Богатыми домой» – звучал этот лозунг для авантюристов всех оттенков, хлынувших из рейха во вновь занятые области. Честные люди, как исключение, лишь подтверждали правило.

Очень скоро, однако, новые колонизаторы увидели, что они не могут отказаться от широкого использования работников польской национальности, так как рушилась вся экономика. Но «польские

роботы» и в будущем не должны были получить те же права, что и немцы. Преступления и террор стояли у колыбели нового германского порядка в Вартегау, строить который было поручено рейхсфюреру СС Гиммлеру.

Представители старших поколений переселенцев из Прибалтики видели всю творившуюся неправду и все вытекающие отсюда последствия. Молодежь поддавалась мечтаниям о новом и славном будущем. Фюрер строил новый мир. «Лес рубят – щепки летят.» Поляки и евреи – враги, и враги побежденные. (Правда, в то время еще не было никакого представления о предстоящих ужасах.) О темных делах властей можно было открыто говорить лишь с пожилыми людьми, а также, слава Богу, в главной квартире фельдмаршала фон Бока.

Однажды в июне 1941 года, после обеда, начальник разведывательного отдела штаба группы армий «Центр» майор барон фон Герсдорф вручил мне листовку. Тут я прочел черным по белому: германская армия выступит на борьбу с Красной армией за освобождение народов России от большевизма.

У меня перехватило дыхание. Итак, мы стояли перед новой действительностью, о которой раньше я не хотел и думать. Мы были, следовательно, в преддверии войны на два фронта, что ранее решительно отвергалось Адольфом Гитлером. Когда она начнется? В ближайшие недели? В ближайшие дни? У меня не было никаких данных, так как я бывал в штабе редко и большую часть времени работал, как и раньше, в своем инженерном бюро.

Листовка содержала обращение к советскому населению и к солдатам Красной армии, призывала не оказывать сопротивления и приветствовать немцев как освободителей от большевизма. В то же время красноармейцев и население призывали разделываться со своими угнетателями и убивать всех комиссаров, коммунистов, комсомольцев…

Герсдорф просил меня лишь проверить русский текст с точки зрения правильности языка и перевести его на немецкий. Я выполнил эту просьбу. Затем, все еще под впечатлением только что пережитого,

пошел с женой в театр.

Шла оперетта Легара «В стране улыбок», никак не соответствовавшая моему настроению. Я был весь захвачен известием о близкой войне с Россией, а также и роковым содержанием листовки. Людей там, в Советском Союзе, призывают не оказывать немцам сопротивления. А тех, кто это сопротивление должны возглавлять, обрекают на смерть.

О чем думали составители этого обращения? В своем ли они уме? Ведь оно было и нарушением божественных заповедей, и противоречило здравому смыслу: обреченные на смерть станут не только сами оказывать ожесточенное сопротивление, но сумеют заставить бороться и подчиненных им людей.

Я не видел и не слышал ничего, происходившего на сцене. В антракте я сказал жене, что должен вернуться в главную квартиру, а к концу представления приду за ней.

В главной квартире я высказал Герсдорфу все, что было у меня на сердце. Стоит лишь представить себе обратную картину: все состоящие в СС и СА, все члены партии, Германской рабочей службы, Гитлерюгенд и члены всех прочих нацистских организаций – обрекаются на смерть! Каждый будет защищаться! Герсдорф тотчас же меня понял. Мы составили нашу первую совместную докладную записку, которая в тот же вечер была представлена фельдмаршалу. Герсдорф сказал:

– Записка должна быть не больше, чем на полстраницы. Никаких ссылок на божественные заповеди, на гуманность или что-либо подобное – это не убедит. В ней должен быть упор на неизбежное ожесточение сопротивления врага, которое, без сомнения, вызовет листовка.

Когда на следующее утро я пришел в главную квартиру, меня тотчас вызвали к Боку. Он поздравил Герсдорфа и меня с успехом нашей докладной записки, переданной им, за своей подписью, дальше по телетайпу: члены партии и комсомольцы вычеркнуты из листовки!

Комиссары, однако, остались!

Так один росчерк пера спас жизнь множеству русских людей, и многим немецким женщинам сохранил мужа или сына, детям – их отца. Но сама мысль о том, что вечерний разговор между молодым офицером германского Генерального штаба и коммерсантом из Риги мог привести к столь важному решению, зародила во мне первое сомнение в германском военном руководстве. Неужели никто на верхах не задумался еще над политическими проблемами?

Первые впечатления в Советском Союзе

Когда началась вторая мировая война, я с семьей жил в независимой и нейтральной Латвии. Мы скоро увидели, что договоры о нейтралитете и о ненападении, заключенные между Сталиным и балтийскими государствами, были аннулированы и сменились нацистско-советским пактом. Берлин отдал три балтийские государства Сталину. Прибалтийские немцы были эвакуированы в Вартегау, и железный занавес опустился над эстонцами, латышами и литовцами. Элита этих народов была частью уничтожена, частью вывезена в Сибирь. Так Гитлер предал Западную Европу.

22 июня 1941 года, без объявления войны, немецкие войска перешли границы Советского Союза. Теперь Гитлер, как он сам официально заявил, мог сбросить маску и выполнить свою миссию защиты Запада. Бывшее – пакт между Берлином и Москвой – будет сделано небывшим. Он приказал начать поход против Кремля с целью освобождения народов Советского Союза от большевистского ярма.

Главная квартира группы армий «Центр» была поначалу перенесена в район Варшавы.

– Примерно через 5–6 недель мы должны быть в Москве, – заявил

начальник штаба генерал фон Грейфенберг в своей речи перед офицерами главной квартиры. – Оба офицера из России улыбаются (это были ротмистр Шмидт и я), я прошу вас явиться ко мне, – сказал генерал.

Ни ротмистр, ни я не заметили, что мы улыбались. Эти улыбки возникли, конечно, из глубины наших юношеских воспоминаний. Шмидт был, как и я, офицером императорской русской армии и адъютантом Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге. На русской стороне мы оба пережили празднование 100-летия Бородинской битвы и первую мировую войну. Мы знали трудности преодоления бесконечного русского пространства. Это мы и высказали генералу.

Генерал был очень любезен с нами:

– Может быть, я могу рассеять ваши сомнения, – сказал он. – Дело в том, что со времен Наполеона огромные успехи техники изменили проблему преодоления пространства. Я думаю, вы недооцениваете технические средства, имеющиеся сегодня в нашем распоряжении.

Ну, об этом мы, конечно, мало знали. Однако, мы оба спросили:

– Но будет ли война закончена в Москве?

Грейфенберг улыбнулся:

– Над этим мы не будем ломать голову сегодня.

Первым русским пленным, доставленным в штаб группы армий «Центр», был командир батальона, то есть, по нашим понятиям, офицер.

До вступления в командование он был комиссаром. Об этом он и заявил откровенно, не подозревая, что по вермахту был отдан приказ о расстреле всех комиссаров. Война началась менее двух суток назад, и он никак еще не мог об этом знать.

Пленный с удивлением рассматривал германских штабных

офицеров, одетых в белоснежную летнюю форму. Он тихо спросил меня:

– Видно, всё это графы и князья?

Непроходимая пропасть лежала между привычной ему бедностью и миром этих «блистательных существ».

– Мир этот, – сказал он, – много красивее и, наверное, лучше.

Всё, что он видел, – это хорошо одетые солдаты и офицеры, автомобили и дома по дороге, везде чистота и порядок. Но самое сильное впечатление произвело на него, видимо, корректное обращение и человечное отношение со стороны немцев.

Батальонный командир был отпущен после короткого опроса. Офицер Генерального штаба сказал ему:

– Никому не говорите больше, что вы были комиссаром.

Пленный поблагодарил, может быть и не поняв, почему немец сказал это, но почувствовав благожелательное к себе отношение.

Штаб фронта был перенесен сперва в Барановичи, а затем в Борисов на Березине. Всюду позади прорванной линии фронта Красной армии мы наталкивались на небольшие, а порою и на крупные, отряды из разбитых красных частей, бродившие по окрестностям, иногда еще с оружием в руках.

Так, однажды ночью, заблудившись с моим шофером под Барановичами на лесной дороге, я наткнулся на группу, примерно, из сорока красноармейцев. Когда я заговорил с ними по-русски, они бросили оружие. Это были первые военнопленные, которых я взял почти в одиночку. Я сдал их комендатуре в Барановичах.

Однажды ротмистру Шмидту, вместе с другими квартирмейстерами штаба, пришлось заночевать в одном селе. Германские танковые соединения прорвались на пятьдесят километров вглубь за линию

фронта, оставив позади себя разбитые полки и батальоны советской пехоты. Жители села знали, конечно, об этом, и они выставили вокруг, в значительном отдалении, наблюдательные посты, чтобы предупредить ротмистра и его спутников в случае готовящегося нападения красноармейцев.

В эти первые недели войны я объехал в легковой машине множество сёл, большею частью один, иногда с шофером. Фельдмаршал фон Бок поручил мне докладывать ему о положении в городах и сёлах, о пожеланиях населения и о его настроениях. Я изъездил сотни километров; однажды даже проехал до главной квартиры группы армий «Север» и обратно. Бесконечные леса и ширь просторов тогда еще не таили опасности. Везде в городах и сёлах люди нас дружески приветствовали и принимали, как только было преодолено первое смущение. Тем, кто, как я, говорил по-русски, очень быстро открывались двери и сердца. Русское гостеприимство было прежним, несмотря на лишения двух последних десятилетий. На столе появлялось всё, что хранилось в чуланах и погребах, появлялся и самовар, если он еще сохранился в семье. И тогда начинались расспросы о чуждом для них мире – о нашем мире, о котором они не знали почти ничего.

«Вам, конечно, уже рассказывали о зверствах фашистов?» – этот контрвопрос я ставил довольно часто. Но сельское население было мало затронуто советской пропагандой о зверствах гитлеровцев. Когда пропаганды слишком много, она так и остается пропагандой. Ей перестают верить. Однажды, помнится, крестьяне подтолкнули на разговор одного старика, и он рассказал, что во время «первой империалистической войны» он был в плену в Германии и работал у крестьян. Немцы хорошо к нему относились. Дома у них чистые и красивые, сельскохозяйственные машины образцовые. Одним словом, – «культура». Поэтому он не верит пропаганде о «немецких извергах». Он и своим товарищам советовал бросать оружие и сдаваться. Самому ему повезло: он смог вернуться в свое село.

Позже я много раз слышал то же самое: целые части складывали оружие по совету своих товарищей, в первую мировую войну испытавших на себе хорошее обращение в лагерях военнопленных, на

фабриках, у крестьян Восточной Пруссии и Баварии.

При занятии Смоленска в наши руки попал архив местного НКВД. Один из списков содержал имена, адреса и биографии всех военнопленных первой мировой войны, вернувшихся в Советский Союз и проживавших с Смоленской области. Эти люди, по оценке НКВД, были ненадежными. Они находились под постоянным наблюдением, хотя со времени их возвращения из Германии прошло уже 20 лет.

Мы использовали этот материал для докладной записки, в которой подчеркивалось, что в хорошем обращении немцев с пленными советская власть видит для себя серьезную опасность.

От переводчиков и офицеров разведки при дивизиях, корпусах и армиях в штаб фронта ежедневно приходили сообщения о скверном размещении и недостаточном снабжении военнопленных. Герсдорф и его ближайшие сотрудники, майор фон Шак и старший лейтенант Конрад, проверяли эти материалы и посылали доклады по своей служебной линии. (Но тогда еще не было никого, кто сумел бы, подобно тому, как позже это делал генерал Рейнхард Гелен, оценить влияние сказанного в этих докладах на ход военных действий.) Эти доклады «падали на каменистую почву». Их где-то собирали и, очевидно, просто подшивали в папки. До нас не дошло ни сведений о получении этих докладов, ни подтверждений об их получении в действиях Верховного командования.

В бесчисленном множестве случаев советские командиры со своими солдатами ставили себя в распоряжение германских частей. В одном случае, помню, артиллерийский офицер перешел к нам со всем личным составом батареи и с четырьмя орудиями. Они хотели сразу же бороться, вместе с немцами, против Сталина и его «своры палачей». И они не могли понять, почему немцы их разоружают и отправляют в лагеря военнопленных. «Вы же сами призывали нас выступить против нашего общего врага, – протестовали они. – Что же, это были пустые слова?»

Что мог ответить германский офицер в таком случае? Гитлер объявил, что немцы идут как освободители. В городах висели на стенах

и заборах портреты Гитлера (по десятку и более наклеенных подряд) с надписью: «Гитлер – освободитель!»

А перебежчики и пленные, антикоммунисты и безразличные, должны были идти горьким путем военнопленных. Правда, были немецкие командиры, привлекавшие русских как проводников через болота и леса при боевых и разведывательных операциях, а после оставлявшие «своих русских» при части для разного рода работ. Как мы увидим позже, другие немецкие командиры еще больше опирались на эти потенциальные силы.

На дороге Минск-Смоленск я встретил однажды бесконечную колонну одетых в лохмотья людей. Они брели на восток. Их вожаки рассказали, что эти пять или шесть тысяч крестьян и рабочих были осуждены за мелкие проступки на принудительные работы. Использовали их на расширении Минского аэродрома. Затем пришли немцы. Почти все советские самолеты, находившиеся на этом аэродроме, германская авиация уничтожила еще на земле. Германские танки и пехота освободили заключенных. Но большинство их были из промышленных районов вокруг Москвы, из Ярославля, с Волги. Куда им деться теперь?

Они заявили немецкому коменданту, что охотно стали бы работать для немцев. Но тогда еще не «набирали» «остарбайтеров». А через несколько дней начальником аэродрома был назначен новый офицер, и эти люди были отпущены на все четыре стороны. Теперь они надеялись пешком, идя следом за «освободителями», добраться до своих далеких сёл, до Москвы, Ярославля, до Волги.

Конечно, фронтовые части не могли заботиться о них. Но неужели не было запланировано использование такой вот рабочей силы?

* * *

Россия – огромна. Нельзя было отказываться ни от лишней рабочей силы, ни от техники. А вдоль дороги всюду валялись трактора. Было еще по-летнему тепло и сухо. Без особых трудностей можно было бы доставить эти машины в ремонтные мастерские. Крестьяне еще не успели демонтировать запасные части. Несколько немецких специалистов и умелые русские руки сохранили бы ценные машины. Но в штабе фронта подобные предложения встречали также лишь с улыбкой сожаления. А когда поздней осенью германские танки и орудия безнадежно застревали в грязи и снегу, недоставало именно этих, хотя и грубо сработанных, но годных и для зимы советских тракторов.

На дорогах встречались мне бесконечные колонны германской пехоты, весело и самоуверенно устремлявшиеся на восток, по жаре и пыли, вытаскивая, когда нужно, вручную застрявшие на разбитых дорогах орудия и грузовики. Вперед, только вперед! Я вспомнил слова генерала Грейфенберга и подумал, что Гитлеру следовало бы познакомиться с русскими просторами не с самолета, а в рядах своей пехоты. Только здесь, на русской земле, ощущаешь ее неизмеримую ширь, и только отсюда рождается понимание трудности преодоления русского пространства.

А навстречу, с востока на запад, текли серые колонны пленных красноармейцев. Безмолвно и безропотно брели они в немецкий плен. Какая судьба ожидала их? Может быть, они надеялись, что под немцами не будет хуже, чем под Сталиным?

Я часто беседовал с ними на дорогах и в проходных лагерях. Их надежды и сомнения отражены в моих тогдашних заметках:

«Я был ранен. Немцы меня перевязали. Как-нибудь я доплетусь до лагеря или лазарета… Большая она, ваша Германия? Русские тоже там живут?»

«Скоро нас отпустят на родину? А отпустят самарских, а ростовских, а из Одессы, из Горького?»

«Может, война скоро кончится. Тогда будет одно большое

государство и одно правительство – и, наконец, мир для всех людей».

«А если будет мир и не будет Красной армии, тогда мы сможем вернуться к нашим семьям?»

(Почти все говорили о своих семьях.)

«Сколько вам лет?» – «Сорок девять». – «Солдат?» – «Нет. Они забрали меня на земляные работы. Там я и попал в плен. У меня жена и дети… Жену с детьми они погнали из села, когда подходили немцы. Я бы хотел теперь пойти искать мою семью. Чёрт бы побрал Сталина! Он отобрал у нас наше хозяйство… уже несколько лет назад. А вы дадите нам обратно землю?»

«Правда ли, что немцы отдадут крестьянам землю?» – «А вы откуда?» – «С Урала». – «Ну, до Урала еще очень далеко». – «Но если вы туда дойдете… Нас этот вопрос сильно интересует… А вы, верно, придете и к нам на Урал».

Видел я и кошмарные сцены вспышек ярости, граничащих с озверением, когда пленные дрались из-за хлеба и табака, и отчаяние переутомленного немецкого лагерного персонала, которому, даже при доброй воле, из-за невероятного количества всё прибывавших масс пленных, недоставало самого необходимого. А и добрая воля не всегда была.

Эти первые недели и месяцы в России были для меня временем открытий, временем знакомства с неведомым. Что мы знали о русских – их радостях и горестях, их желаниях и надеждах? Я знал старую Россию. Моей обязанностью было правдиво докладывать фельдмаршалу о новой России. Я старался полностью освободиться от моих воспоминаний. В моих записях тех дней еще нет ни одной политической мысли. И русские, которых я тогда встречал, были аполитичны. Они были охвачены новизной и значительностью переживаемого: с них спал гнет террора. Я разделял их надежды на лучшее будущее, их веру в несомненную победу их освободителей и, наконец, их стремление к миру и к достойному человеческому существованию.

Тем временем мои начальники были полностью заняты событиями на фронте, хотя Герсдорф, Шак, а также и другие, понимали, что между этими моими наблюдениями и происходящим по ту сторону фронта существует взаимосвязь. Фельдмаршал фон Бок неоднократно вызывал меня, требовал личной информации, делал свои выводы. Однажды вечером фон Бок, его офицер для поручений граф Лендорф и я посетили один колхоз. Во главе его продолжал стоять советский председатель колхоза. Он был, очевидно, честным человеком, так как крестьяне высказались за него, когда пришли немцы. Немецкий офицер временно оставил председателя на его должности. Ведь колхозы должны вскоре быть распущены. Так думал этот немецкий офицер, так думали все мы.

Случаю было угодно, чтобы незадолго до нашего приезда в колхозе появился немецкий офицер-артиллерист для реквизиции лошадей. У него не было удостоверения на право реквизиции, дать расписку на взятых лошадей он также отказался.

– К чему это? – заявил уже «проинструктированный» офицер. – Есть указание, по которому с этими унтерменшами нужно обращаться иначе, чем, скажем, с бельгийцами или французами. А собственность не имеет для русских никакого значения.

И тут приехал фельдмаршал фон Бок. Он сам расследовал этот случай, распорядился взять лишь действительно необходимое количество лошадей и приказал выдать на них расписку. Потом он сказал нам:

– К сожалению, есть приказ, что Женевская конвенция не распространяется на советских граждан и военнопленных, поскольку Советский Союз не примкнул к ней. Жаль! Ведь именно здесь, где право попиралось годами, нам следовало бы его восстановить и поддерживать. Мы – солдаты, и наша задача победить врага, но мы должны придерживаться общепринятых правил ведения войны.

Так впервые узнал я о различных установках по ведению войны на западном и восточном театрах военных действий.

В Борисове германская армия восстановила русскую православную

церковь, превращенную большевиками в склад. Армия передала храм для использования по назначению, и не в качестве распространения «опиума для народа», а потому, что действовать таким образом, слава Богу, всегда входило в традиции всех армий. Храм украсили свежей зеленью и цветами, дорожки посыпали песком, а люди надели свои лучшие одежды.

Фельдмаршал фон Бок и его офицеры присутствовали на освящении храма и на молебне. Тысячи людей заполнили площадь перед церковью и прилегающие улицы. Население видело, что и победитель склонился перед Господом, повелителем вселенной.

В тот же день один офицер составил и отправил в Берлин сообщение для прессы о состоявшемся торжестве и о его глубоком воздействии на русское население. Через несколько дней он получил ответ, что о церковных делах писать не следует. Его статья помещена не была.

По вопросу о религии мне хочется добавить, что посещение населением церквей было интенсивным. Многие приносили или приводили крестить детей. Повсеместно не хватало священников, так как большинство их было выслано или уничтожено. Требы частично исполнялись католическими священниками восточного обряда, которые двигались вместе с германской армией на восток.

С переходом штаба фронта в Борисов я уже меньше мог разъезжать. В мою работу входил теперь просмотр фронтовых донесений и опрос военнопленных более высокого ранга. При этом я убедился, что родившиеся в России немцы и пожилые балтийцы, владевшие русским языком, как своим родным, очень быстро входили в подлинный контакт и с военнопленными, и с населением.

Русские не знали, что эти «посредники»-переводчики могли лишь точно передавать дальше наверх то, что они видели. Русские не могли, естественно, даже подозревать, как страдали эти «посредники», когда видели, что «другие немцы» пренебрегают их предостережениями, когда право и человеческое достоинство попирались, когда торжествовали невежество, высокомерие и эгоизм.

Читая донесения, я часто встречал знакомые имена. Это были школьные товарищи или деловые друзья, служившие теперь переводчиками при штабе какой-либо армии, корпуса или дивизии. Некоторые из них писали лично мне, думая, что я, находясь при штабе фронта, могу добиться улучшений. Я понимал их, хлопотал об их делах, но мы, переводчики при штабе фронта, не имели права голоса и почти ничего не могли изменить. В Третьем рейхе посредники были ничто, поскольку стоявшие у власти не желали посредничества.

Я постепенно убеждался, что усилия наших солдат будут напрасными, пока не будет найдено правильное решение политических, экономических и человеческих проблем для оккупационной зоны с ее населением в 50–70 миллионов человек.

Беседы с сыном Сталина и красными командирами

Это убеждение подкреплялось у нас беседами с наиболее видными военнопленными.

Однажды в штаб фронта был доставлен майор Яков Иосифович Джугашвили. Интеллигентное лицо с ярко выраженными грузинскими чертами. Держался он спокойно и корректно. Джугашвили отказался от поставленных перед ним кушаний и вина. Лишь когда он увидел, что Шмидт и я пьем то же самое вино, он взял стакан.

Он рассказал нам, что отец простился с ним, перед его отправкой на фронт, по телефону.

Крайнюю нищету, в которой русский народ живет под советской властью, Джугашвили объяснял необходимостью вооружения страны, так как Советский Союз со времени Октябрьской революции окружен технически высоко развитыми и прекрасно вооруженными империалистическими государствами.

– Вы, немцы, слишком рано на нас напали, – сказал он. – Поэтому вы нашли нас сейчас недостаточно вооруженными и в бедности. Но придет время, когда плоды нашей работы будут идти не только на вооружение, но и на поднятие уровня жизни всех народов Советского Союза.

Он признавал, что время это еще очень далеко и, может быть, придет лишь после победы пролетарской революции во всем мире. Он не верил в возможность компромисса между капитализмом и коммунизмом. Ведь еще Ленин считал сосуществование обеих систем лишь «передышкой». Майор Джугашвили назвал нападение немцев на Советский Союз бандитизмом. В освобождение русского народа немцами он не верил, как и в конечную победу Германии. Русский народ дал выдающихся художников, писателей, музыкантов, ученых…

– А вы смотрите на нас свысока, как на примитивных туземцев какого-нибудь тихоокеанского острова. Я же за короткое время моего пребывания в плену не видел ничего, что побудило бы меня смотреть на вас снизу вверх. Правда, я встретил здесь много дружелюбных людей. Но и НКВД может быть дружелюбным, когда хочет достичь своей цели.

– Вы сказали, что не верите в победу Германии? – спросил один из нас. Джугашвили помедлил с ответом.

– Нет! – сказал он. – Неужели вы думаете занять всю огромную страну?

По тому, как он это сказал, мы поняли, что Сталин и его клика боятся не оккупации страны чужими армиями, а «внутреннего врага», революции масс по мере продвижения немцев. Так был затронут политический вопрос, который Шмидт и я считали исключительно важным, и мы спрашивали дальше:

– Значит, Сталин и его товарищи боятся национальной революции или национальной контрреволюции, по вашей терминологии?

Джугашвили снова помедлил, а потом кивнул, соглашаясь.

– Это было бы опасно, – сказал он.

По его словам, он на эту тему никогда не говорил с отцом, но среди офицеров Красной армии не раз велись разговоры в этой и подобных плоскостях.

Это было то, что и мы со Шмидтом думали. Теперь открывалась возможность довести эти мысли до высшего руководства. Ведь с тем, что говорили мы, – не считались! Но взгляды сына Сталина Верховное командование вооруженных сил, генерал-фельдмаршал фон Браухич и даже Ставка фюрера могли принять во внимание.

Герсдорф, понимавший больше нас в этих делах, согласился с нами.

«Сталин, по мнению Якова Джугашвили, сына Сталина, боится русского национального движения. Создание оппозиционного Сталину национального русского правительства могло бы подготовить путь к скорой победе» – такова была основная мысль нашего доклада, который фельдмаршал фон Бок переслал в Ставку фюрера.

Пленный командир корпуса, занимавший руководящий пост в Генеральном штабе Красной армии, свидетельствовал о появлении «нового русского национально-патриотического движения»: хотя этот новый патриотизм открыто еще не признан советской властью, но с некоторого времени он звучит подспудно в речах и выступлениях, в высшей школе и даже в театральных постановках. Комкор подчеркивал, что патриотическая пропаганда, особенно в армии, после нападения Германии на Советский Союз, падала на плодотворную почву.

Это было для нас новостью.

Когда через несколько месяцев я вновь увидел этого офицера, он был разочарован и озлоблен всем пережитым в лагерях военнопленных. Он говорил об «унижающем человеческое достоинство» обращении и о высокомерии немцев.

– Что вы, слепые, что ли? – сказал он. – Так вы и войну проиграете и обречете на страдания многие поколения человечества.

В течение этой осени много командиров и комиссаров высокого ранга были доставлены в штаб группы армий «Центр». Фронтовые части в большинстве игнорировали «комиссарский приказ» Гитлера – и оставляли комиссаров в живых. Один из них рассказал нам свою биографию. Перед первой мировой войной он был учеником в почтенной аптекарской фирме Штолль и Шмидт в Петербурге; затем ротным писарем в интендантстве. Он искренне и активно участвовал в Октябрьской революции, затем был интендантом большой красноармейской части. По окончании гражданской войны он учился в разных школах и на курсах. Ему было нелегко. Пробелы своего образования он восполнял трудолюбием и служебным рвением. В последнее время он был интендантом одной из советских армий. О такой карьере он никогда и мечтать не смел. Он знал, что советский режим жесток, даже безжалостен, и что в советской системе сегодня нет ни следа подлинного коммунизма. Но он остался все же убежденным коммунистом. Он делал всё, чтобы быть полезным народу, и он готов и теперь служить народу, если немцы дадут такой шанс коммунисту.

И еще один человек. Полковник Генерального штаба. Бледное одухотворенное лицо. Начитанный, умный, с благородными манерами и взглядами. Он выглядел аристократом – этот сын уральского шахтера. Он также окончил несколько специальных военно-учебных заведений. Он был замешан в дело Тухачевского и отбывал тюремное заключение, но в начале войны без разбирательства выпушен и отправлен на фронт командиром воинской части. По его словам, Сталин объявил «изменниками родины» всех военнослужащих, попавших живыми в руки врага. Он, как и многие другие, ненавидел советское правительство и любил свой народ. Свой долг он выполнил до конца, в плен попал раненым. От него мы услышали подробности о внедрении агентов НКВД в армию и о заградительных отрядах, размещенных за линией фронта и безжалостно расстреливавших красноармейцев в случае их отступления. Мы знали об этом и из других источников. И надо признать, что в результате этих драконовских мер сопротивление Красной армии заметно усилилось. Высшее наше руководство должно было бы это учесть.

Генерал Михаил Федорович Лукин, командовавший 19-ой армией,

был взят в плен, когда его армия при наступлении на Москву была полностью разбита. Он потерял одну ногу. Теперь нужно было ампутировать и вторую. Лукин, стоически переносивший свое ранение, боролся со смертью.

Герсдорф доложил о Лукине Боку, и Бок приказал оказать русскому генералу всяческую помощь. Лукин был переведен в немецкий лазарет, где за ним был самый лучший уход. По желанию Лукина, в немецкий лазарет был помещен и его друг, тяжело раненный полковник Прохоров.

Когда миновала острая опасность для жизни Лукина, он стал проявлять живой интерес к внешнему миру. Он не любил немцев, но был им благодарен за то, что они сделали для него и его друга.

Мы с ним часто беседовали. Он говорил, что если это действительно не завоевательная война, а поход за освобождение России от господства Сталина, тогда мы могли бы даже стать друзьями. Немцы могли бы завоевать дружбу всего населения Советского Союза, если они всерьез стремятся к освобождению России, но только равноправный партнер может вступить в дружественный союз. Он был готов, невзирая на свою инвалидность, стать во главе пусть роты, пусть армии – для борьбы за свободу. Но ни в коем случае не против своей родины. Поэтому бороться он стал бы только по приказу русского национального правительства, которое (он всегда это подчеркивал) не должно быть марионеточным правительством при немцах, а должно служить лишь интересам русского народа. При этом немцы не должны беспокоиться: население оккупированных областей выберет, безусловно, лишь такое правительство, которое будет национально-русским и в то же время непримиримо антисталинским.

От него не ускользнуло, что не всем немцам нравились эти высказывания. Он улыбнулся и сказал далее:

– Ваш Гитлер – задолго до того, как пришел к власти – выставлял подобные же требования, не правда ли?

Я позволил себе заметить, что если в качестве высшего принципа

принять необузданный национализм, то народы и дальше будут грызть друг друга. Может быть, решение лежит в союзе народов, в Соединенных Штатах Европы?

Генерал напомнил мне, что большая часть России лежит в Азии, где проведена большая культурная, и цивилизаторская работа. Однако развитая мною мысль о возможностях евразийской федеративной политики равноправных народов его захватила.

Я видел Лукина еще раз в 1943 году. К этой встрече я вернусь в связи с другим вопросом.

Народная революция и «военно-политические цели» Гитлера

Со времени создания советского государства мировая общественность, втайне или открыто, жила надеждой на переворот в России. Вначале «мировая совесть» была потрясена размерами истребления человеческих жизней. Гражданская война и беспощадное осуществление постулатов марксистско-ленинской доктрины методами государственного террора стоили народам Советского Союза огромных жертв. Уничтожались и духовные и материальные ценности. К началу войны 1941 года в России не было почти ни одной семьи, не пожертвовавшей Молоху большевизма хотя бы одного из своих членов. Уничтожение ведущих слоев народов Советского Союза, коллективизация, чистки в армии и в партии, гонения на Церковь, подавление свободного творческого духа – всё это достигло своей высшей точки при усовершенствованной системе режима насилия у преемника Ленина – Иосифа Джугашвили-Сталина.

Однако, параллельно с развитием узаконенного террора как фундамента советской государственности, постепенно шел и процесс консолидации последней. Советский Союз, по мере его признания как

суверенного государства некоммунистическими странами мира, шаг за шагом, на основе международного права, становился равноправным партнером некоммунистических стран. Следствием этого было, хотя и медленное, но всё дальше идущее успокоение «мировой совести». Народы России были изолированы от всего мира и предоставлены гнету как утонченного аппарата психологической индоктринации, так и физического угнетения и запугивания. Дезинформация, страх и развращающий оппортунизм создали в целых поколениях народа беспримерную в истории атмосферу недоверия и безнадежности. Становилось очевидным, что переворот мыслим лишь при толчке извне, который разрядит силу отчаяния широчайших народных масс и вызовет этим подлинную народную революцию, которая была задушена ленинским переворотом в ноябре 1917 года и дальнейшим режимом насилия Ленина и Сталина.

В июне 1941 года этот толчок извне пришел, и подлинная русская революция вспыхнула. Не в Москве и не в городах и сёлах, всё еще находившихся под властью Сталина, а в занятых немецкими войсками областях с населением почти в 70 миллионов человек.

Эти миллионы интересовались не мировоззрением немцев, а их политическими целями; всеми ими руководило одно стремление: с помощью хорошо вооруженных оккупантов сбросить гнет террора, насилия и нужды в России.

Революция шла всюду там, где офицеры и солдаты Красной армии складывали оружие и изъявляли готовность бороться с угнетателями на стороне своих освободителей, кто бы они ни были.

Революция захватила, в первую очередь, лишь в 1940 году закабаленных советской властью латышей, эстонцев и литовцев. Эти народы еще хорошо помнили свою свободу и политическую самостоятельность за 1919–1939 гг. По вступлении советских войск на территорию этих стран они пережили подавление свободы, аресты и депортации. С другой стороны, они еще не знали оборотной стороны национал-социализма, тем более, что Гитлер обещал уважать независимость малых народов. В Ковно, при вступлении германской армии, было создано национальное литовское правительство. Нацисты

его вскоре распустили. Латышские и эстонские патриоты, создав партизанские группы, поддерживали немецкие фронтовые части; бойцы латышского Охранного корпуса вместе с немцами регулировали движение, когда первые германские танки входили в Ригу.

Конечно, успехи германского военного командования и фронтовых частей заслуживали признания. Но даже и начальные успехи германской армии были бы невозможны без объективного наличия революционной ситуации в Советском Союзе. Эту революцию распознали лишь немногие.

Отсюда с неизбежностью следовало, что все дальнейшие военные успехи в большой степени будут зависеть от политической концепции германского руководства в отношении судьбы народов Советского Союза. Именно над этим задумывался фельдмаршал фон Бок. Он часто вспоминал слова своего двоюродного брата, бывшего царского морского атташе в Берлине: «Россию руками не возьмешь!»

Мы мало знали о планах Гитлера и ОКВ. Говорилось только, что еще до наступления зимы должны быть заняты промышленные области восточнее Днепра (то есть, примерно, до линии Харьков-Ростов), Кавказ (с его нефтью), Крым, а на севере – территория к востоку от Ленинграда.

«И что дальше?» – спрашивали мы себя.

В задачи Бока не входило, однако, решать политические проблемы. Как одаренный генштабист, он, естественно, видел, что самая первоочередная военная цель – занять Москву. И этой цели необходимо было достичь еще до наступления зимы. Бок думал, что затем можно было бы настаивать на разумном политическом решении; Гитлер не стал бы рисковать потерей столицы советской империи, завоеванной ценой больших жертв.

Само собой разумеется, что Бок мог обосновывать свои предложения лишь с чисто военной точки зрения. Москва – сердце советской мощи. Поэтому Москву необходимо было взять, бросив на это все имеющиеся силы. Таково было основное требование Бока.

Сталин видел столь же ясно, что Москву нужно было защищать всеми имеющимися силами. Бок непрерывно старался добиться признания своей концепции. Но борьба мнений в Ставке фюрера была нескончаемой. А время уходило.

Однажды главный штаб группы армий «Центр» в Борисове посетил особоуполномоченный Розенберга, министр по делам занятых восточных областей. Его сопровождал высокий партийный деятель. Бок пригласил их обоих к обеду. Из разговора при этом, как он рассказывал позже, у него создалось впечатление, что в отношении русской проблемы между Розенбергом, Гиммлером и другими министрами были большие расхождения. В одном лишь пункте они оставались, видимо, одного мнения: завоеванная территория должна быть оккупирована и колонизирована. Правда, еще до похода против СССР Гитлер выступил перед фельдмаршалами и говорил о своем намерении завоевать Россию, коротко упомянув при этом об особых задачах СС на русской территории, но его высказывания не были тогда приняты всерьез. К тому же, не было известно никаких подробностей. Поэтому думалось, что ввиду огромности такой задачи здравый человеческий смысл подскажет правильную политику (да и на плакатах везде стояло: «Гитлер – освободитель!»).

Однако то, что эти высокие гости наговорили Боку за обедом, настолько потрясло его, что он усомнился в психическом состоянии их и их начальства. Он сказал нам это совершенно открыто. Но, может быть, казалось ему, он их неверно понял, – так как то, что он понял, не могло быть политикой и целенаправленностью разумных людей. Оба особоуполномоченных излагали цели правительства Третьего рейха примерно в следующем виде:

Белоруссия (они называли ее Белой Рутенией) отойдет к Восточной Пруссии; обширные области Великороссии, до линии восточнее Смоленска (может быть, включая Москву и даже еще далее на восток), а также Украина и Кавказ будут оккупированы и колонизированы. Господствующим слоем здесь будут немцы, а русские и украинцы будут лишены возможности учиться и продвигаться, они обрекаются на участь закабаленных рабочих. (Подобные фантазии – но более

скромные – высказывались безответственными политиками и во время первой мировой войны.) Но и этот бред был превзойден утверждением, что русских на сорок миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть. «Каким образом?» – «Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей». – «А если удастся решить проблему голода?» – «Всё равно, сорок миллионов населения – лишние». – «А по ту сторону новой границы, на востоке?» – «Там будут влачить “степное существование” уцелевшие русские, евреи и другие унтерменши. И эта “степь” не будет больше никогда опасной для Германии и Европы».

Такова была, значит, программа освободителя!

Бок отказывался верить услышанному. Через несколько дней Герсдорф поручил мне лететь в Берлин, чтобы проверить у Розенберга правильность этих диких сообщений. Благодаря моему другу, инженеру Герберту Думпфу, мне была обещана личная и частная встреча с Розенбергом.

Несколько часов полёта – и я был в Берлине. (С самолета русские просторы кажутся не такими огромными!)

В Берлине мне сообщили, что Розенберг неожиданно должен был куда-то выехать. Поэтому меня приняли два руководящих сотрудника министерства. Думпф присутствовал при разговоре.

Голод? – Смертность от голода, конечно, возможна. Но, само собой разумеется, о предумышленном убийстве никто не думает.

Колонизация? – Да! Но взгляды еще сильно расходятся, насколько широко следует ее осуществлять.

Колхозы? – Сперва следует сохранить коллективное землепользование: во время войны нельзя решаться на эксперимент с возвратом к частному хозяйствованию, иначе было бы поставлено на карту снабжение армии и немецкого народа. Кроме того, нужно же ведь выгадать землю и для немецких крестьянских дворов на Востоке.

А впрочем, между министерствами (а в особенности между СС и

Розенбергом) еще много расхождений во мнениях. Приведенные объяснения не могут быть, поэтому, обязательными и предназначены лишь для личной информации фельдмаршала. Политические цели не до конца разработаны. Они будут еще обсуждаться с фюрером. Это вкратце то, что министр через меня хотел бы передать фельдмаршалу.

В заключение один из моих собеседников подчеркнул, что Имперское министерство по делам занятых восточных областей старается вести реалистическую политику. Фантазии, измышленные СС и некоторыми другими инстанциями, исчезнут, бесспорно, как дурной сон, в свете действительности и под влиянием требований действующей армии. Министр намерен выступать в пользу хорошего отношения к гражданскому населению и военнопленным.

Обе берлинских чиновника, со своей стороны, постарались использовать встречу со мной, чтобы расспросить о моих впечатлениях в оккупированных областях. Я рассказал о чрезвычайной нужде населения, особенно же военнопленных, и подчеркнул, что изменение обстановки в желательную сторону может быть достигнуто только проведением политики, приемлемой для населения.

Приземлившись в главном штабе фронта в Борисове, я почувствовал облегчение. Мои начальники были потрясены моим докладом, но успокоились на мысли, что и Берлин волей-неволей когда-то должен будет образумиться.

– В начале победоносного похода почти никто не склонен верить в возможность поражения по собственной вине. Но когда побед больше не будет, все они станут раскаиваться, – сказал майор фон Шак.

Политические посетители в штабе группы армий «Центр»

В штабе группы армий «Центр» каждый контакт с различными государственными инстанциями рейха использовался для того, чтобы постараться добиться изменения политической концепции. Хорошую возможность для этого, казалось, предоставляло посещение Гитлером штаба фронта, запланированное на первые дни августа, через семь недель после начала войны с Советским Союзом.

У Бока была четкая оперативная концепция: либо до наступления зимы взять Москву, либо укрепить позиции на подступах к Москве и держать их до весны. Наступление на Москву требовало стягивания всех наличных сил на участке группы армий «Центр» и временного пренебрежения другими оперативными целями на широком фронте от Балтики до Черного моря.

Осуществление этой концепции требовало обеспеченного тыла, а отсюда, если и не окончательного решения политических проблем, то, по меньшей мере, отказа от практиковавшихся до сих пор методов бесчеловечного обращения с гражданским населением, с перебежчиками и военнопленными.

Капитану Шмидту и мне было поручено составить на эту тему докладную записку, которая была затем переработана Герсдорфом и генерал-майором Хеннингом фон Треско, начальником оперативного отдела штаба фронта. Бок хотел даже, чтобы Гитлер выслушал Шмидта и меня. Мы, благодаря кругу своих обязанностей, многое видели и знали, а потому должны были получить возможность непосредственно доложить и обосновать наши соображения и предложения. Эта деталь, возможно и неважная сама по себе, характерна для духа, царившего в нашем главном штабе.

Так и сидели мы со Шмидтом, во время посещения Гитлера, в напряженном ожидании. Мы должны были быть готовыми к докладу в любое время. Около двух часов ночи Герсдорф отпустил нас спать, сказав, что доклад наш не понадобится.

На следующее утро Гитлер покидал наш главный штаб, и все офицеры должны были прийти на его проводы в парк. Когда мы собрались, появился какой-то подполковник, потребовавший у

присутствующих сдать фотокамеры и оружие. Какое неслыханное требование, предъявленное верховным главнокомандующим к своим офицерам, находящимся на фронте! Ряды тотчас же поредели.

У меня не было с собой пистолета, и потому я решил ждать Гитлера, чтобы при приближении его машины, вопреки всему, передать нашу докладную записку. Вооруженные до зубов телохранители заграждали автомобиль Гитлера, подойти к нему было невозможно, и я стоял, как окаменевший, когда Гитлер, с землисто-серым лицом, медленно проезжал мимо меня.

Через несколько недель после перехода штаба группы армий «Центр» из Борисова в Красный Бор, под Смоленском, сообщил о своем предстоящем приезде министр пропаганды Геббельс. Как будто бы открывалась возможность проинформировать влиятельного члена правительства о происходящем на оккупированной территории и о политических проблемах войны.

Фельдмаршал фон Бок, его начальник штаба Грейфенберг, а также Треско и Герсдорф намеревались поговорить с Геббельсом со всей откровенностью. Говорили, что именно Геббельс интересуется восточно-политической проблематикой и не скрывает своего отрицательного отношения к установкам Розенберга. Представитель министерства пропаганды намекал, что Геббельс составил меморандум, набросав в нем широко задуманную программу для «новой России» с целью привлечь народы России к политике Новой Европы под лозунгом «Свобода и равноправие».

Была установлена директива для разговора с Геббельсом: никакой лишней политики – только в рамках совершенно необходимого с военной точки зрения. Главная мысль фельдмаршала и его старших офицеров была, что невозможно держать 70 миллионов населения лишь силой и что восстание этих людей может создать огромную опасность для фронта. Мне поручено было набросать меморандум, из которого впоследствии вырос мой доклад о «русском человеке».

Мое главное утверждение гласило, что у нас есть, собственно, только две альтернативы:

– или мы привлечем население на свою сторону (военное командование считает это абсолютно необходимым);

– или мы не привлечем его (при продолжении нашего сегодняшнего к нему отношения).

Не привлечь население на свою сторону означало бы необходимость господствовать, применяя насилие. Привлечь население можно, рассматривая его как равноправного партнера в содружестве европейских народов.

На меня было возложено также сопровождение гостя по Смоленску, показ ему кремля, музея и других достопримечательностей города. Кроме того, я должен был организовать встречи с ведущими представителями местной интеллигенции и этим дать Геббельсу возможность ознакомиться с русской культурой и получить собственные впечатления о стране и людях.

Однако накануне назначенного дня Геббельс сообщил в штаб, что он должен отложить свой приезд. Он так никогда и не приехал. Как стало известно позже, Гитлер приказал ему «не вмешиваться не в свои дела».

«Каннибализм в лагерях военнопленных… На это способны только русские… Значит, наша теория об “унтерменшах” правильна!»

Чтобы еще укрепить эту теорию Гиммлера, в штаб нашего фронта, в Красный Бор, приехал из Берлина полковник СС – с задачей собрать соответствующий материал. Я должен был посвятить ему несколько дней. Эту возможность я использовал, чтобы хорошо информировать гостя, который, как он мне сказал, получил задание лично от Гиммлера. Молодой эсэсовец был любознательным и интеллигентным человеком. Он быстро понял, что действительной причиной потери человеческого облика людьми в лагерях были издевательства и голод. Он понял также, что корень зла – в стремлении руководства закабалить народы России. Он сказал мне:

– Я чувствую, будто пелена спала с моих глаз. Я был бы вам очень

благодарен, если бы вы изложили свои соображения в виде памятной записки, которую я приложу к моему отчету. Большая часть этих вопросов касается СС-группенфюрера Мюллера, который также получит копию отчета. Когда вы будете в Берлине, вы должны зайти к Мюллеру и лично изложить ему ваши соображения. Я полагаю, что Мюллер не имеет представления о том, что творится.

В то время я мало знал об СС и не подозревал, что речь шла о пресловутом «Гестапо-Мюллере». В своем отчете я изложил всё совершенно откровенно и передал документ гостю из СС. К своему удивлению, уже вскоре я получил от него из Берлина сообщение, в котором он писал, что Мюллер благодарит за мои «интересные соображения».

«Итак, даже в СС есть разумные и чуткие люди», – подумал я. Меня радовала мысль, что отчет полковника СС, а с ним и мои соображения, упали на благодатную почву. Но было ли это в самом деле так?

Я хотел бы упомянуть еще об одном посетителе, появившемся при штабе группы армий «Центр», так как этот случай показателен для образа мыслей, а особенно для невежества членов нацистской партии.

Молодой член партии, приехав к нам, спросил офицера штаба, работу в каком коммунальном управлении ему следует предпочесть – в Харькове или в Ревеле? Он не говорит ни по-русски, ни по-эстонски. Но в Берлине ему предложили вакантную должность бургомистра в одном из названных городов. У него нет еще опыта, и он не знаком ни с задачами руководства населением на русской территории, ни с историей страны, ни с другими проблемами. Потому он и прибыл в Смоленск, чтобы провести здесь несколько дней и изучить «весь комплекс вопросов». Отсюда он намерен проехать в штаб группы армий «Север».

Я позволил себе сказать ему:

– Если у вас есть дети, и если для вас, как вы только что сказали, Россия – книга за семью печатями, то я на вашем месте остановился бы на Ревеле. Эстония принадлежит скорее к западному культурному кругу, и нужно думать, что в Ревеле ваши дети могли бы посещать

немецкую школу. Безусловно, в Ревеле вы будете себя чувствовать ближе к условиям родины и сможете там успешнее применить ваши знания и опыт на благо населения.

Но это, казалось, мало интересовало молодого человека.

– Видите ли, – сказал он, – если я попаду в Ревель, я мог бы быть лишь бургомистром, а в Харькове я сразу стану обербургомистром. И это было бы для меня повышением. Бургомистром я служу уже с 1938 года, а, в конце концов, каждому же хочется продвинуться. Оказалось, что этот молодой человек был бургомистром одного местечка в Гарце – настолько крошечного, что я не смог обнаружить его на карте. Так в Берлине выбирали кандидатов на видные посты в занятых областях.

Смоленск и Русский Освободительный Комитет

В Смоленске установились оживленные связи между некоторыми офицерами главного штаба фронта и многими видными городскими семьями. Несмотря на крайнюю нужду, русские люди и в Смоленске были гостеприимны и сердечны. Разговоры, независимо от того, касались ли они вопросов образования или искусства, философии или политики, велись на высоком уровне. Очень скоро мы затронули самую актуальную тему:

– Вы, немцы, освободили нас от сталинского режима, который, если хотите, и к коммунизму уже не имел никакого отношения. За освобождение мы вам благодарны; да и наши коммунисты и социалисты будут вам благодарны… Но что же дальше? Чем дольше мы наслаждаемся благами принесенной вами свободы, тем более крепнут наши сомнения. С такими методами вам никогда не взять Москвы, и никогда не выиграть войны, не говоря уже о том, чтобы завоевать русский народ.

Один немецкий подполковник, в прошлом офицер императорской австрийской армии, пытался объяснить хозяину дома положение и сказал между прочим:

– Увы, пруссаки никогда не проявляли большого умения в обращении с другими народами. А уж нацисты тем более – это они уже показали в Австрии, в Польше и на Балканах. Конечно, надо было сначала посылать австрийцев.

К сожалению, я забыл имя этого офицера, который собрал под свое крыло многих еврейских ремесленников из Смоленска и его окрестностей и дал им работу в организованных им армейских мастерских. Благодаря этим мастерским ему удалось обеспечить евреям-ремесленникам работу и обслужить части вермахта. Русские говорили, что под Сталиным такое самовольство отдельного офицера было бы немыслимым. «У вас все же еще есть какая-то свобода действий».

Вскоре наши беседы приняли серьезный политический характер. Смоленский кружок был готов взять на себя инициативу по организации активного сотрудничества населения оккупированных областей в борьбе против Сталина. Мы ограничивались советами русским, исходя из нашего практического опыта, так как слишком глубока была пропасть между их представлениями и нашей действительностью; только при взаимопонимании можно было поставить себе реально достижимые цели.

Осуществление взаимопонимания и сотрудничества и было, собственно, как я уже говорил, задачей «посредника» между обоими мирами.

Так был совместно составлен адрес городской управы Смоленска «вождю германского государства». Кружок, принявший наименование «Русского Освободительного Комитета», изъявлял готовность призвать русское население на борьбу против Сталина и выставить Русскую освободительную армию в 1 миллион солдат. Условием с русской стороны было признание границ 1939 года, равноправное положение русского народа и образование независимого русского национального

правительства на демократической основе.

Текст этого адреса, в художественном оформлении, в папке из церковной парчи, был передан Боку, вместе с наполеоновской пушкой – в благодарность за освобождение города. Бок запросил Ставку фюрера о том, может ли он переслать туда адрес, и кратко передал суть последнего. Разрешение было дано. Мы с радостью посчитали это знаком надежды на возможность изменения нынешней политики в русском вопросе.

Но недели проходили, а ответа из Ставки всё не было. После повторных запросов нам сообщили, что ответа не будет, – политические дела не касаются штаба фронта.

Бок поручил тогда своему начальнику штаба генералу Грейфенбергу выразить его, Бока, личную благодарность за оказанную ему подарком честь и одновременно сообщить об отклонении фельдмаршалом Кейтелем адреса.

Я сопровождал Грейфенберга в этой поездке в Смоленск. По дороге мы обдумывали – в какой форме передать это членам управы, чтобы не испортить дело еще больше. По приказу Бока городской управе было передано два вагона медикаментов для больницы. Когда Грейфенберг, запинаясь, заговорил об адресе городской управы, русский представитель прервал мой перевод:

– Скажите, пожалуйста, генералу, что нам ничего не нужно объяснять. Если в этот решительный час рассмотрение нашего предложения заняло столько времени, ответом может быть только отказ. Ваше правительство, очевидно, еще не оценило серьезности положения.

Грейфенберг коротко поблагодарил его. Он был избавлен от необходимости лгать.

Русские держались очень тактично и не ставили никаких вопросов. Молча поклонившись, Грейфенберг вышел.

Русские добровольцы

В первые несколько месяцев войны офицеры и солдаты Красной армии, а также горожане и крестьяне, в большом количестве присоединялись к германским воинским частям. Они были им полезны во многих отношениях: как знающие местность – при разведывательных операциях; при постройке мостов, дорог и т. д. Они были незаменимы при перевозках военных и иных грузов.

Так как потери личного состава наших боевых частей уже к ноябрю 1941 года были очень велики (в группе армий «Центр» 18–20 %), командиры частей были весьма рады возможности использовать на подсобных работах русских. Каждый командир старался, как мог, пользуясь заведенной в германской армии практикой, усилить свою часть.

Фронтовики знали – в противоположность политикам в Берлине, – что человек, чтобы работать, должен есть. Офицеры и интенданты знали это тоже. Добровольцы питались при частях как бы «из-под полы». Если приходилось встретить на дороге военную повозку, то на вопрос, обращенный к вознице, можно было получить ответ: «никс понимай…» Русские надежно доставляли к месту назначения германские военные грузы за сотни километров. Сперва в частях добровольцев называли «наши Иваны», а затем за ними закрепилось обозначение «хиви». Среди них, наряду с желавшими бороться за свободу, были, естественно, и боявшиеся попасть в лагеря военнопленных или же из иных эгоистических соображений поставившие себя в распоряжение германской армии или гражданских немецких учреждений.

Так как высшие германские командные инстанции вначале не всегда доверяли бывшим офицерам Красной армии, на фронт были привлечены офицеры из старой русской эмиграции, главным образом добровольцы из Франции. Многие из них прошли через главный штаб группы армий «Центр», другие попали непосредственно в корпуса, дивизии и полки. По сообщению уполномоченного по делам русской

эмиграции во Франции Ю. С. Жеребкова, он, совместно с председателем французского отдела РОВСа генералом-профессором Н. Н. Головиным, зарегистрировал более полутора тысяч офицеров, изъявивших желание безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма.

Сперва было направлено около двухсот эмигрантов. Эти офицеры получили придуманную для них форму. На фронте были довольны ими. Многие из них были награждены знаками отличия за храбрость. Были и убитые и тяжело раненные. Я беседовал с эмигрантами-добровольцами, пережил их первоначальное воодушевление, а позже их разочарование и горечь: спустя несколько месяцев ОКВ отозвало офицеров-эмигрантов в Германию, им было запрещено ношение формы, многие раненые и инвалиды были предоставлены собственной безнадежной участи.

Скромный немецкий казначей Берлинского военного округа, на котором лежала забота о русских эмигрантах (к сожалению, я забыл его имя), еще несколько месяцев содержал многих русских офицеров, на свою ответственность, на особом бюджете, пока не лопнуло и это «частное предприятие».

* * *

«Политику мы не можем изменить, – рассуждали Треско и Герсдорф, – но мы можем попытаться создать в военной области фактор, повышающий боевую силу фронтовых частей, что, может быть, вынудит политическое руководство к пересмотру его нынешних установок».

Этот фактор видели они в создании сильных русских добровольческих соединений. Мне было дано поручение разработать соответствующие предложения. Численность соединений должна была поначалу достичь 200.000 человек. Они должны были быть сформированы и обучены к концу апреля 1942 года. Русским чужда

мысль о солдатах-наёмниках. Поэтому ошибочно было бы просто вербовать русских добровольцев для германской армии, к тому же, в условиях нацистской антирусской оккупационной политики. И наоборот, опыт показал, что русский народ и другие народы Советского Союза готовы бороться за освобождение своей родины от сталинской деспотии. Поэтому я в штабе группы армий «Центр» предложил формирование «Русской Освободительной Армии» под русским командованием. Необходимым условием для успеха намеченной акции было улучшение положения в лагерях военнопленных, а также разумное, хорошее отношение к населению со стороны военной и гражданской администрации в занятых областях. Это был мой основной тезис при составлении детального проекта формирования 200-тысячной армии добровольцев.

Треско и Герсдорф приняли живое участие в разработке моего проекта, стараясь придать тексту надлежащее военное звучание, то есть, чтобы политические моменты не превышали установленных военными соображениями границ.

Меморандум этот полностью отвечал взглядам фельдмаршала фон Бока, и он, с подтверждающей свое согласие с ним припиской, передал его дальше – главнокомандующему сухопутными силами фельдмаршалу фон Браухичу.

После войны американская, английская и немецкая стороны изображали меня единоличным автором этого меморандума, но я должен заметить, что в моих предложениях было лишь сведено то, на что надеялись тогда многие балтийцы и немецкие офицеры. Возможно, они уже и излагали эти мысли. Всё же я был горд, когда Браухич вернул Боку мой меморандум со своей резолюцией: «Считаю решающим для исхода войны».

Бок, Треско и Герсдорф поздравляли меня.

Только старый майор Шак качал головой:

– Лошадь с хвоста не взнуздаешь! Ничего из этого не выйдет!

Положение на фронте помешало немедленно приступить к осуществлению этого плана. А 19 декабря 1941 года Браухич был смещен Гитлером. Для Гитлера же, взявшего тогда на себя командование сухопутными силами, мысли, изложенные в меморандуме, не подлежали обсуждению и позже, когда в армии был уже почти 1 миллион добровольцев – русских, украинцев, кавказцев, латышей, эстонцев, литовцев, представителей тюркских народностей. Но эта его установка нам тогда не была известна.

Меморандумы и драматургия

Невероятно ухудшилось бедственное положение военнопленных. Как привидения, бродили умиравшие с голоду, полуголые существа, часто днями не видевшие иной пищи, кроме трупов животных и древесной коры.

Герсдорф и я посетили лагерь военнопленных под Смоленском, где смерть уносила ежедневно сотни жертв.

Смерть в пересыльных лагерях, в сёлах, на дорогах.

Нужны были немедленные и чрезвычайные меры, чтобы остановить это победное шествие смерти.

В двадцатых годах Герберт Гувер (президент США в 1929–1932 гг.) стал во главе разветвленной организации «Помощи голодающей России», АРА. Может быть, стоило бы послать просьбу о помощи Гуверу? Или президенту США?

Эта мысль пришла мне в голову потому, вероятно, что я в 1921 году принадлежал к кругу людей, которые старались привлечь мировую общественность к оказанию помощи голодающей России. Как скромный работник нансеновской организации помощи, я и позже в

течение многих лет поддерживал контакт с администрацией Гувера. В главном штабе группы армий «Центр» осенью 1941 года такие мысли не только выслушивали, но можно было предпринимать и попытки к их осуществлению.

Три офицера, уже ранее поддерживавшие отношения с Международным и с Германским Красным Крестом, подписали меморандум «Inter Arma Caritas». Пока шли военные действия, можно было сомневаться, что удастся смягчить хотя бы самую острую нужду. Но надо было думать и о том, что после окончания военных действий или после намеченного взятия Москвы и Ленинграда задачи помощи неимоверно возрастут: предстоит трудная борьба с голодом и эпидемиями.

Частным образом был подготовлен путь к американским друзьям. Бок, после тщательного рассмотрения, поддержал это начинание. Он указывал, что Гитлер дал руководству морскими силами ясный приказ: не предпринимать ничего, что могло бы побудить Соединенные Штаты отказаться от нейтралитета в отношении Германии. Хотя президент Рузвельт и поддерживал англичан в Атлантике, Гитлер хотел избежать открытого разрыва с США. В этом Бок видел шанс для осуществления наших намерений. В дальнейшем выяснилось, что меморандум может быть переслан лишь официальным путем. Так что первоначально намеченная «частная акция» отпадала. А официальным путем был путь через нацистскую партию, что давало очень слабую надежду на успех, хотя даже Советы в свое время не отвергли предложенной Гувером и Нансеном помощи. (Эту помощь Нансена-Гувера мы и привели в своем меморандуме в качестве примера.)

Когда Бок узнал, что призыв о помощи должен идти через нацистскую партию, он возвратил меморандум его составителям, выразив своё сожаление, что он не пойдет.

Через два месяца – 7 декабря – японцы напали на американский флот в Пирл-Харборе, а 11 декабря Гитлер выступил в рейхстаге со злобной речью, объявив в ней войну Соединенным Штатам.

* * *

В длинные осенние и зимние ночи я сидел над различными докладными записками. Разъяснять, убеждать, вновь и вновь разъяснять – такова была задача, которую я себе поставил.

Если меморандумы военного значения полагалось передавать по служебным инстанциям, то никто не мог мне помешать излагать волновавшие меня темы в форме рассказов, драм или картин (хотя до тех пор я лишь изредка выступал на этом поприще) и распространять эти произведения возможно шире.

Таким образом возник мой набросок для театра: «Бог, молот и серп». Я пересылал его по полевой почте в письмах жене, а она устроила перепечатку, а затем и размножение. Эта драма была закончена в январе 1942 года и разослана двумстам адресатам. Прежде всего, она попала к старшим офицерам германской армии. Но она предназначалась и для политических кругов, а в них я не имел вообще никаких связей. Поэтому мне пришлось прибегнуть к помощи друзей, пересылавших драму с нейтральной рекомендацией. Так получили свои экземпляры Эмми Геринг, Розен-берг, гаулейтер Грейзер, министр Франк, Альфред Ингемар Бернд (из министерства пропаганды) и другие лица. Из моей прошлой деятельности у меня сохранились контакты с промышленниками Рурской области. Через их связи в широких деловых кругах я мог действовать сам.

В другом произведении, написанном также в 1941 году и позже доработанном, я попытался критиковать политику нацистской партии в России под завуалированным заголовком «Недомыслие империалистов времен кайзера Вильгельма». Я цитировал высказывания 1915–1918 годов, почти полностью совпадавшие с языком самых бешеных нацистов.

«Если мы хотим построить новую Европу, – писал я, – мы должны очистить наше сознание от иллюзий империалистов кайзеровских времен… Недопустимо, чтобы тени прошлого стали между народами

Европы и германским фюрером, который 7 марта 1936 года заявил: «Европейские народы представляют собою теперь одну семью». Если новая Европа будет строиться старыми империалистическими методами подавления, разбоя и эксплуатации, то, даже обесправленная и подчиненная, Россия будет таить в себе большую опасность. Горе победителю, который должен бояться побежденного!»

И дальше был поставлен вопрос: как представляют себе «неисправимые империалисты», после «окончательной победы», управление страной с 4700 городов и 170 миллионами жителей?

Фельдмаршал фон Бок смещен

В лесном лагере «Красный Бор» я нередко сопровождал Бока в его прогулках, причем он посвящал меня в свои полные забот мысли. Они постоянно вращались вокруг начатой операции на подступах к Москве. Сможем ли мы держаться в этом огромном городе, если он будет занят? И еще более угрожающим представлялось ему положение, если город будет не занят, а лишь окружен, как Ленинград.

Бок предвидел катастрофические последствия, которые возникли бы в этом случае. Бок понимал, что Москва должна быть взята, прежде всего, не как военный узел, а как политический центр сопротивления. (Позже я узнал, что по категорическому распоряжению Гитлера возможная капитуляция Москвы должна была быть отклонена.)

Бок не был национал-социалистом. Происхождение и воспитание предопределили его отрицательное отношение к национал-социализму и к Гитлеру. С другой стороны, они же обуславливали его отталкивание от любой формы неподчинения и его уважение к конституции и к должности главы государства. Фельдмаршал фон Бок, как и многие другие немецкие патриоты, до какой-то степени приветствовал приход Гитлера к власти, не приемля в то же самое время идеологии

национал-социализма. Успешное занятие Рейнской области (вмешательства западных держав не последовало!), казалось, подтверждало правильность прогнозов Гитлера. Кампания 1940 года на Западе как будто давала дальнейшее свидетельство в пользу его прогнозов: Гитлер, а не немецкие генералы, говорил о военной слабости Франции. И генералы не могли этого забыть. Может быть, Гитлер прав и в отношении России?

Однако теперь Бок не только сомневался, он предвидел катастрофу. Оттого и терзали его заботы. И всё же он не видел иного пути перед лицом врага, как выполнение своего солдатского долга.

Офицеры и солдаты на восточном фронте постепенно осознавали порочность национал-социалистической политики на русской территории; но большинство немецкого народа поняло это слишком поздно, когда поход в Россию был уже проигран.

О намерениях уничтожить русскую столицу мы в штабе ничего не знали, пока не услышали однажды, что «вверху» решено «накрыть» Москву бомбами. Это необходимо якобы для того, чтоб» вывести из строя большие промышленные предприятия. В действительности же большая часть их уже была переведена вглубь страны.

Для каждого русского Москва – «священная матушка Москва», Москва – третий Рим, сердце России, сердце великого народа с тысячелетней историей. И вот взрывы бомб и пожарища должны были заставить перестать биться сердце России.

Люди никогда не примирились бы с таким актом «освободителей». Эта «анонимная» смерть с воздуха, конечно, не менее жестока, чем смерть в подвалах НКВД, от которой люди надеялись, наконец, освободиться.

Немцы – носители культуры – не могли же быть таким варварами, как их клеймила советская пропаганда.

«Граждане, мера ваших страданий переполнена! Мы не хотим вашей смерти, как и вашей нужды! Священная матушка Москва будет

нами объявлена открытым городом, и не будет налетов и разрушений, если вы не станете оказывать сопротивления!» – так гласил набросок обращения к населению Москвы, составленный офицерами штаба группы армий «Центр» совместно с офицерами 2-го командного штаба воздушного флота фельдмаршала Кессельринга.

Наше предложение Бок представил в Ставку фюрера. Оно осталось без ответа.

* * *

Наряду с «официальными» докладами и проектами, небольшие стихотворения порою давали возможность разъяснить политические «истины», события и картины из повседневной жизни занятых областей. Когда я дал однажды адъютанту фельдмаршала, графу Гарденбергу, короткое стихотворение на тему «Уважение к жизни и достоинству человека», тот пробежал глазами строчки и сказал:

– Вы должны тотчас же показать это фельдмаршалу. Вы тоже знаете, что произошло вчера в Борисове?

Я ничего еще не знал.

Борисов, где раньше находился наш штаб, отошел теперь к тыловой территории, может быть, даже к территории с гражданским управлением. Отряд эсэсовцев «очистил» еврейский квартал Борисова, выгнав за город все еврейское население – мужчин и женщин, детей и стариков. Несколько сот человек были злодейски перебиты огнем из, автоматов.

– Слабое утешение для нас, – сказал Гарденберг, – что мы, солдаты, носим другую форму, чем эсэсовцы, так что формально мы не ответственны за их преступления. Но Гитлер – глава немецкого государства. И так как мы – немцы, фельдмаршал не имеет права

смолчать…

С этими словами Гарденберг провел меня в кабинет фельдмаршала. Бок стоял у окна и нервно барабанил пальцами по стеклу. Снаружи густыми хлопьями падал снег.

Гарденберг передал Боку мое стихотворение, и тот несколько раз перечел его.

– Я знаю, – тихо произнес фельдмаршал, – но что мне делать? Гарденберг говорит, чтобы я подал в отставку. А что потом? Посмотрите на улицу! Лед и снег! Войска дерутся под Москвой из последних сил. Я начал эту операцию, я несу за нее ответственность. Если я уйду теперь, то я брошу моих офицеров и солдат в час величайшей нужды…

– Вы оставите их на короткое время, – прервал его Гарденберг, – потому что так продолжаться не может. Вы обязаны перед Богом и историей протестовать против этого преступления.

– …даже если это произошло вне территории, подчиненной моему командованию?

– Надежность фронта зависит от надежности тыла. Это дает вам возможность немедленно вмешаться…

– Нам следовало бы уже давно вмешаться… Вспомните Польшу, которая тоже была нашим тылом и, если хотите, остается им до сих пор. Подумайте и подальше… вспомните о Германии…

– Верно, совершенно верно, – заметил граф, – но на этот раз, господин фельдмаршал, необходимость вмешательства стала действительно обязательной.

– Она была обязательной до начала похода на Россию! Я ответствен перед Богом и историей, как вы только что сказали; перед немецким народом – тоже: за жизнь тех солдат, которые каждый день смотрят в глаза смерти в условиях русской зимы… Кто может взвесить тяжесть

моей ответственности? Я знаю, Гарденберг, что вы хотите сказать. Но я не знаю, что я должен делать. Если я сегодня уйду, завтра придет на мое место другой… Что этот другой будет делать, я не знаю. Но одно я знаю: эта смена командования будет нам стоить много крови. И я знаю, что здесь, под Москвой, мы либо выиграем, либо безвозвратно проиграем войну.

При этих словах фельдмаршал посмотрел на меня, как бы ожидая от меня молчаливого подтверждения. Я видел перед собой человека Бока – офицера старой школы, который с горечью серьезной ответственности думал о людях в ледяных окопах, в болотах и лесах, на дорогах и в больничных палатах, и о людях на далекой родине. Он чувствовал свое бессилие и не пытался его скрывать.

Гарденберг доложил о всеобщем возмущении среди офицеров, узнавших о подробностях погрома в Борисове. Бок молчал. Но затем он внезапно резко сказал:

– Я не буду молчать! Но я знаю, что всё это бесполезно.

Гарденберг сделал набросок заявления Браухичу и Гитлеру. Несколько офицеров доработали его. Возбуждение и смущенное молчание должны были воцариться в Ставке фюрера после получения этого протеста от командующего группой армий «Центр», содержавшего указания на угрозу положению на фронте из-за преступлений СС. После протеста Бока жестокости такого рода в тылу группы армий «Центр» были на время прекращены, но почти одновременно произошло то, что Бок и предвидел: «По собственному желанию и с учетом состояния здоровья» Бок был 18 декабря освобожден от должности. На его место главнокомандующим группы армий «Центр» был назначен фельдмаршал фон Клюге.

В то утро мы с Гарденбергом. были свидетелями душевной борьбы благородного человека и одного из высших германских офицеров; в этой душевной борьбе отразилась трагедия большой части германского офицерского корпуса.

* * *

Фельдмаршалу фон Клюге, новому главнокомандующему группы армий «Центр», я докладывал один-единственный раз. Он вполне соглашался с необходимостью «порядочного отношения к русским военнопленным». Казалось, что он, как солдат, принимает это близко к сердцу. Он резко критиковал также многие неправильные мероприятия германских оккупационных властей. Но его пугала мысль о создании Русской Освободительной Армии. Когда я упомянул в разговоре, что в свое время на полях моего меморандума об этом Браухич написал «Считаю решающим для исхода войны», он только коротко заметил:

– Об этом мы должны еще раз основательно поговорить.

Хотя Клюге соглашался с привлечением русских, как он сказал, в качестве помощников при второстепенных службах, но всю эту проблему он видел лишь с узкой точки зрения командиров частей. Глубокие проблемы, так занимавшие Бока, – вопрос мира, судьба русского народа и задачи Германии на русской территории, – его не интересовали.

Правда, этот разговор состоялся в первые дни января 1942 года, когда положение на фронте требовало полностью его внимания и всего его рабочего времени. Бок был прав. Германская армия не только понесла под Москвой самые крупные до тех пор потери в солдатах и офицерах, но по высшему командованию был нанесен роковой и непоправимый удар: 19 декабря 1941 года Адольф Гитлер, будучи уже верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Германии, взял на себя и верховное командование сухопутными силами, что создало совершенно парадоксальное положение.

Известно, что на солдатском языке слухи неизвестного происхождения обычно называют грубоватым словом «Latrinenparole».

В нашем главном штабе, личный состав которого обычно знал больше, чем фронтовики, в политическом отношении жили отчасти

такими слухами. В большинстве случаев они были противоречивы. Некоторые действовали угнетающе. Другие будили новые надежды.

Ниже я привожу некоторые из подобных слухов в том виде, как я их тогда записал.

«Абвер, под начальством адмирала Канариса, ведет энергичную борьбу против издевательств над военнопленными и против политики Гиммлера и Розенберга в занятых областях».

«Многие армейские офицеры на свой страх и риск отпускают по домам русских военнопленных, семьи которых живут в занятых областях».

«Русских военнопленных перевозят в Германию как рабочую силу и держат их в скверных условиях».

«Розенберг хочет обратиться к верховному командованию германской армии с просьбой отдать приказ обращаться с военнопленными “по законам человечности”».

«В Восточном министерстве у нас есть союзники в лице д-ра Отто Бройтигама, д-ра Рудольфа фон Кнюпфера и некоторых других».

В нашем штабе действительно циркулировал материал Восточного министерства с выдержками из общих директив по управлению занятыми областями, в котором мы могли прочесть, что министр по делам Востока осуждает эксплуататорскую политику, так как «она приносит еще большую нужду, чем созданная большевизмом».

«Хороший знак!» – думали мы.

«Русские школы, открытые армией после занятия населенных пунктов, немецкая гражданская администрация закрывает. Обоснование: “Русскому народу образование не нужно”».

«По мнению крупных нацистов, в занятых областях России медицинское обслуживание местного населения излишне».

«В Берлине отдел Министерства пропаганды, занимающийся листовками, плакатами и радиопропагандой для восточных народов, трубит на весь мир об “освободительных идеях”, в действительности попираемых в России ногами. По мнению этого отдела, большевизм и еврейство идентичны».

«Правительственных уполномоченных в оккупированных областях – так называемых “областных и прочих комиссаров” – уже спустя несколько месяцев население ненавидит больше, чем своих красных комиссаров».

«Хотя США заключили военный союз с Лондоном и Москвой, правительство Вашингтона недвусмысленно заявило, что для него “коммунизм так же неприемлем, как и национал-социализм”».

«Первоочередная цель германской хозяйственной политики – обеспечить поставки сырья для Германии. Сырье из восточных областей должно доставляться в Германию, которая потом будет давать туда промышленные изделия для населения “жизненный уровень которого следует держать на возможно более низком уровне”».

«Последний германский посол в Москве, граф фон дер Шуленбург, предложил создать русское и другие национальные правительства в занятых областях. Эти правительства должны рассматриваться как союзные».

«Рейхсмаршал Геринг, как “государственный уполномоченный по четырехлетнему плану”, намерен настаивать на радикальном изменении политики по отношению к населению восточных областей».

Баланс первого полугодия

В Смоленске в начале 1942 года мы часто обсуждали в кругу

земляков «полугодовой баланс» и виды на будущее. Говоря о «земляках», я имею в виду балтийских и русских немцев, которых глубоко волновала политическая судьба русских и украинцев, балтийцев и других народов Советского Союза. Были, конечно, и среди балтийских немцев сторонники теории «о превосходстве нордической германской расы». Розенберг был одним из возглавителей такой группы.

Когда я вспоминаю эти беседы в Смоленске, я вновь и вновь думаю о зондерфюрере в унтер-офицерском чине Андрике фон Сиверсе. Он напоминал тогда нам слова Наполеона, что выступая против мощной державы, можно выиграть битву, но не войну.

Наполеон был прав, Сиверс был прав, правы были и все, кто думал так же.

Сиверс постоянно предостерегал от недооценки русского солдата. Русский никогда не бывал наемником, но всегда был хорошим солдатом, нетребовательным и выносливым, особенно если он защищал русскую землю.

Дядя Андрика, генерал фон Сиверс, в первую мировую войну командовал одной из русских армий. Уже по этой причине мнение Андрика не имело веса у нацистов. Нередко военнослужащих подобного ему происхождения рассматривали даже как носителей «русской заразы» и, уж конечно, считали их суждения «недостаточно объективными».

Мы были одного мнения, что советская система, под диктатурой Сталина, в решительный момент обнаружила свою непрочность. Мы были свидетелями ее распада. Мы видели, что достаточно было внешнего толчка, чтобы разрушить структуру властвования, основанного на терроре. Летаргия советских граждан кончалась, когда обрывалась связь с начальством.

По окончании гражданской войны было еще много восстаний против советской власти. Все они были задушены. Теперь представлялась возможность, наконец обещавшая успех.

Шла нераспознанная еще тогда нами «русская народная революция» (о которой я уже говорил), движимая волевыми импульсами отдельных людей, слагавшимися в миллионы импульсов. Организованного движения сопротивления по ту сторону фронта не могло возникнуть, так как все попытки сопротивления захлебывались в крови. Но и здесь, по нашу сторону фронта, по воле нацистов не создалось организованного движения, к которому освобожденные от советской власти люди могли бы примкнуть.

Была непреодолимая тяга к свободе миллионов людей. И говорить о «коллаборации с Гитлером» и «измене» просто неверно. Это – ложь, и остается ложью. Если уж мы, немцы, не знали о гитлеровских целях войны, то как могли знать их русские? Они ведь обращались к немцам, которые, по их мнению, хотели освободить Россию от сталинской тирании.

Советская пропаганда продолжает обвинять людей, живших на оккупированных в 1941 году территориях в «измене родине» и в «коллаборации» с национал-социалистическим режимом. Эти утверждения абсурдны. В начале войны, повторяю, население ничего не подозревало о подлинных целях нацистов. Картина должна была измениться и действительно менялась, по мере того как население становилось жертвой преступных и глупых мероприятий нацистского политического руководства.

В связи с этим я не могу отказать себе в ссылке на то, что общественность США и Великобритании, ни в коем случае не настроенная прокоммунистически, не обвиняла же Уинстона Черчилля и Франклина Д. Рузвельта в «коллаборации со Сталиным».

Проблематика переплетения моральных и политических принципов так же стара, как история человечества. Несправедливо и бесполезно выносить огульные приговоры, а трафаретные представления о тогдашнем положении применять одинаково по ту и по другую сторону германского фронта.

В наших дискуссиях в Смоленске мы пришли к выводу, что эта война не может быть выиграна на полях сражений, но она может быть

окончена при честном сотрудничестве с освобожденным населением Советского Союза. И нас обнадеживало, что эта мысль постепенно все больше распространялась в германском офицерском корпусе. В конце концов, политические предпосылки для такого сотрудничества практически могли быть созданы только немцами, а не русскими.

Теперь, однако, после шести месяцев войны, мы должны были признать, что эти предпосылки созданы не были. Наоборот, то, что сперва, через завесу разрозненных «директив» и «установок», с трудом можно было распознать как цели войны, становились все очевиднее: захват, закабаление, грабеж.

Мы утешали себя мыслью, что поражение под Москвой отрезвит нацистское руководство. Мы хотели надеяться, что фельдмаршалы Браухич, Бок, Рунштедт, Лееб и генералы Гудериан, граф Шпоннек и другие – столь произвольно снятые с постов Гитлером – найдут средства провести свои взгляды в жизнь. Для стратега уже в неудаче и поражение, и стимул для пересмотра планов и исправления ошибок. Мы считали, что это должно было подействовать и на человека, который держал в своих руках и стратегию, и политику.

А если, несмотря на поражение под Москвой, идеологические фантазии одержат верх над голосом разума? Тогда можно лишь сказать, что это было бы сумасшествием. Бывает, правда, что и сумасшествие излечивается. В противном случае, пациента следует держать в психиатрической больнице.

– Имеете вы при этом в виду фюрера? – спросил молодой балтийский немец.

– Я никогда не называл Гитлера, – ответил Сиверс, – я говорил о сумасшедших.

* * *

С наступлением оттепели озёра и реки вновь стали препятствием для Красной армии. Вновь заработали нормально железные дороги, а с этим улучшилось и снабжение; можно было подвезти свежие дивизии. Но, с другой стороны, с весны 1942 года начали действовать партизанские отряды, доставлявшие как армии, так и гражданским властям много забот.

«Партизанские бесчинства» не были, конечно, просто проявлением беспорядка в тыловых областях, как сперва думали немцы. Напротив, это было политическое движение сопротивления, которое невозможно было взять под контроль лишь силами полиции. Вначале стихийное, а в большой степени и антикоммунистически направленное партизанское антинемецкое движение Сталину удалось постепенно, путем десантных групп, подчинить своему влиянию и, позднее, полностью взять под контроль. Базой для этого было пробуждение патриотических чувств и провозглашение Великой отечественной войны. Партизанское антинемецкое движение стало возрождением общенародной войны во время нашествия Наполеона, так мастерски описанной Толстым.

Генералов Красной армии награждали вновь учрежденными орденами Кутузова и Суворова; эти имена возбуждали в каждом русском воспоминания о героической борьбе предков. Мужчин и женщин, стариков и молодежь, членов партии и бывших царских офицеров – всех призывали к борьбе за Родину, за Россию, за стоящую под угрозой Москву.

Во вновь открытых церквях духовенство молилось о победе русского оружия. Священники, еще несколько месяцев назад подвергавшиеся гонениям, призывали народ нести пожертвования на армию.

Полученные позднее сообщения утверждали, что в критические дни казавшегося неудержимым германского наступления в Кремле обсуждалась мысль о временном роспуске ненавистных крестьянству колхозов в некоторых областях, близких к фронту. Это должно было отнять у немцев часть их возможных политических козырей.

Из штаба группы армий «Центр» в ОКХ

В начале 1942 года, после обморожения правой ноги, я получил короткий отпуск для восстановления здоровья. Отпуск я использовал, чтобы в Восточном министерстве, а также в кругах ведущих промышленников (фирмы которых я представлял в Прибалтике), вести кампанию за новую политику в России. В Восточном министерстве я вынес впечатление, что ни мои собеседники (д-р Бройтигам, д-р фон Кнюпфер и др.), ни сам Розенберг не могут ничего сделать в желаемом направлении.

Ингемар Берндт из Министерства пропаганды, ссылаясь на мой меморандум, пригласил меня для разговора, который продлился более двух часов. Мне казалось, что я привлек его на сторону «нашего дела». Берндт обещал добиваться у Геббельса и других его друзей «изменения курса». Он упомянул даже, что, может быть, ему удастся поговорить и лично с Гитлером. Я не был знаком с иерархией нацистов, и этот разговор вдохнул в меня новые надежды.

У промышленников я хотя и встретил интерес к политической обстановке в России, но одновременно обнаружил полное незнание положения, а у некоторых даже нечто вроде политической слепоты. Я оставлял повсюду свои докладные записки и меморандумы. (Только благодаря этому, между прочим, сохранилась часть моих записей военного времени.)

* * *

Через несколько дней после этой «экскурсии», главным образом по Рейнской области, я получил приказ на выезд, но уже не в штаб группы армий «Центр», а в Верховное командование сухопутных сил (ОКХ).

R восточнопрусском городе Ангербурге я явился к подполковнику Дицу, начальнику Отдела регистрации военной добычи при Генеральном штабе сухопутных войск. Трофейный сборный пункт! Я сразу вспомнил о танках и тракторах, массами брошенных русскими при немецком наступлении. Решили, наконец, теперь, через десять месяцев, использовать такие трофеи?

Оказалось, что под трофеями понимались здесь письма полевой почты, доклады, книги и газеты, опросы военнопленных и приказы по Красной армии, которые, после их обработки Отделом Генерального штаба Иноземные войска Востока, должны были давать сведения об организации, вооружении и настроениях в армии противника, а также и об оперативном положении.

«Сюда, значит, – думал я, – попадают и все доклады, отправляемые “наверх” полками, дивизиями и армиями. Здесь их обрабатывают и докладывают Верховному командованию сухопутных сил».

Подполковник Диц оказался любезным кавалерийским офицером. Он, однако, не знал ни слова по-русски и честно признался, что он тут «не на своем месте». Он добавил с сарказмом, что к нему поступает материал большей частью устаревший, в лучшем случае лишь военно-исторического значения.

Я был удручен. В то время как в штабе фронта я мог непосредственно участвовать в событиях, здесь я, очевидно, буду копаться в бумажных залежах.

Сотрудниками «трофейного пункта», который вскоре был переименован в «Группу III» Отдела Генерального штаба Иноземные войска Востока (ФХО) при ОКХ, были балтийские и русские немцы: инженеры, пасторы, адвокаты, коммерсанты, профессора, музыканты, журналисты и учителя – разношерстное общество, отличавшееся, однако, высоким образовательным уровнем, опытом и чувством ответственности.

– Мне жаль, – сказал Диц, – что эти способные люди погребают свои знания, работая на корзинки для бумаг.

До конца войны я числился в штате Генерального штаба как офицер Отдела ФХО, руководимого генерал-майором Рейнхардом Геленом.

Независимый образ мыслей, товарищеское взаимопонимание, верность убеждениям и готовность к откровенной дискуссии характеризовали атмосферу этого единственного в своем роде полувоенного «клуба». В нем могли не только созревать идеи, независимо от соответствия их партийным установкам, но создаваться и предпосылки для осуществления этих идей. Конечно, нужно было постоянно считаться с наличным в каждый данный момент «тактическим положением» в борьбе между множеством «компетентных» ведомств.

Вскоре Группа III была подчинена сотруднику генерала Гелена полковнику Генерального штаба барону Алексису фон Рённе. Рённе, родом из Курляндии, хорошо владел русским языком. Сжато, ясно и целеустремленно указал он нам новый курс, при помощи которого он наметил вывести Группу III из бумажного мелководья в открытое море действий.

На облик этого офицера и борца за свободу проливает свет один эпизод, происшедший в начале нашей совместной работы. Однажды, после общего ужина в офицерском собрании, Рённе, сославшись на мою статью в «Дойчес официрс-блатт», вдруг спросил меня: почему я во всех своих проектах и меморандумах постоянно стою на стороне русских. Я ответил:

– Во-первых, потому что я чувствую себя ответственным за это перед Богом; во-вторых, оттого, что я верю, что послужу этим немецкому народу; и в-третьих, так как русских я также…

Рённе прервал меня:

– Только не скажите, что вы русских тоже любите. И во-первых: Бог упразднен; во-вторых: один только фюрер определяет – как следует лучше всего служить немецкому народу, и, наконец, в-третьих: если бы вы сказали, что вы любите русских, тогда вам здесь было бы не место…

Я был глубоко задет и не находил слов для возражения. Но я и не успел бы ничего сказать: как стая голодных волков, набросились на полковника мои товарищи – капитаны Шаберт, Керковиус и Экерт. Капитан Экерт был пастором в Курляндии, и барон Рённе принадлежал либо к его приходу, либо к одному из соседних. Поэтому Экерт называл его не «господином полковником», а на курляндский лад – «бароном Рённе».

В течение часа, пожалуй, шла перепалка между остроумно нападавшим генштабистом и столь же четко парировавшими его аргументы «членами клуба». Когда мы в эту светлую лунную ночь прощались на старой городской площади Ангербурга, Рённе неожиданно заявил:

– Благодарю вас за дискуссию, господа. Я вообще-то разделяю взгляды Штрикфельдта и ваши, но мне доставило большую радость с вами поцапаться.

Так был скреплен наш союз, на горе и радость, с Алексисом фон Рённе, который сохранился до его трагической гибели после 20-го июля 1944 года.

* * *

Регулярно Рённе делал для своих офицеров обзор положения на фронте. Группы армий «Север» и «Центр» за это время стабилизовали позиции, тогда как группа армий «Юг», в нескольких сражениях, вновь захватила инициативу в свои руки. Несмотря на опыт зимы 1941–42 гг., когда Красной армии удалось добиться серьезных прорывов германского фронта, Гитлер никак не был склонен стабилизовать положение на Востоке. Наоборот, он всё расширял масштабы операций. Группа армий «Юг» перешла в наступление на Кавказ и на Сталинград. Целью было овладеть нефтяными промыслами Кавказа и перейти через ряд основных перевалов в Закавказье. Одновременно занятием

Сталинграда должна была быть прервана связь между югом и центром России.

Говорили, что фельдмаршал Лист и многие генералы – а также Верховное командование сухопутных сил – докладывали о своих соображениях против этой операции: наличные силы ни в коей мере не соответствовали заданиям, при которых наступавшей стороне приходилось занимать огромные территории. Дело шло о фронте протяженностью в 3500–4000 километров.(Лист, впавший в немилость и отстраненный Гитлером от командования 10 сентября 1942 года, рассказывал мне, уже в плену, о своих спорах с Гитлером и Кейтелем. К этому рассказу я еще вернусь ниже.)

В одном из своих фронтовых обзоров Рённе сказал:

– Я опасаюсь, что нам теперь будет недоставать двух миллионов человек русских и украинцев, то есть антибольшевиков. Ведь для них борьба против Сталина имеет смысл, и за это они стали бы воевать. А идти завоевывать Кавказ вместе с итальянцами, венграми и румынами должно казаться им совершенно бессмысленным делом.

– Столь же бессмысленным, барон Рённе, – заметил прямолинейный Экерт, – как и нам, немцам…

Рённе промолчал.

Ставка фюрера и ОКХ со своими отделами были за это время перенесены в Винницу. Наши рабочие помещения находились в здании бывшей больницы. В Ставке фюрера я никогда не бывал.

На Украину я попал впервые. Само собою разумеется, я, вместе с несколькими другими офицерами (Керковиус, Блоссфельдт, фон Раух и Герхард), использовал каждую возможность, чтобы составить себе беспристрастное мнение.

Мне было бы трудно обрисовать политические стремления украинского населения. Я был там короткое время. Я не знаю украинского языка и мог разговаривать только по-русски, поэтому я был

не в состоянии разграничить политические взгляды восточных украинцев или местных русских от стремлений украинских националистов, приехавших сюда с Западной Украины. Я вынужден ограничиться здесь указанием на разницу в настроениях по сравнению с летом 1941 года, сразу бросавшуюся в глаза.

В 1941 году большинство украинцев, как и русских, приветствовали «освободителей». Теперь они уже сомневались в том, что немцы захотят когда-либо уйти из занятых ими областей.

Они полностью признавали успехи германской армии и лояльное отношение армейцев к населению. «Где война, там неизбежны трудности и нарушения», – так они говорили. Солдаты делали свое дело и шли дальше. Но за ними приходили эсэсовские и полицейские части, чиновники Восточного министерства, партийцы. Как правило, они отличались заносчивостью и стремились в первую очередь к собственной выгоде. Их методы управления почти не отличались от большевистских. Но со своими можно было хоть разговаривать, с немцами же и не объяснишься.

Немцы реквизировали в городах лучшие жилые дома и здания. Но ведь шла война. И если за мерку принять требования к населению со стороны Красной армии, запросы немцев считались, в общем, умеренными.

Хозяйственная жизнь замерла. Хотя население и одобряло попытки немцев пустить в ход промышленные предприятия, отсутствие какого-либо экономического, правового и социального порядка пагубно сказывалось на всем. До сих пор эти люди были рабочими или крестьянами, служащими или учеными, деятелями искусства или учителями, они были украинцами или русскими, но все они были гражданами, пусть ненавистного им порядка, – но они были гражданами!

Пусть плохо, но советская власть как-то заботилась о своих гражданах, она указывала каждому его место и его задачи. Что же будет дальше? И почему инженеров снимают с работы, даже тех, кто никогда не был членом коммунистической партии? Почему с рабочими

обращаются как с рабами и платят им как рабам? Почему жестоко обращаются с военнопленными, которых в последнее время также посылают на работы?

Понятно было и желание немцев использовать в германской военной промышленности украинских рабочих и работниц. Вероятно, это оправданно, пока идет война. И почему бы здоровым парням и девушкам не поехать на несколько месяцев в Германию. Германия – старая культурная страна. Это передовая страна и, если можно верить немцам, трудовые и жилищные условия там образцовые. Значит, там можно подучиться, особенно в военное время. Так думали многие на Украине.

Но почему же германская полиция хватает, как преступников, мужчин и женщин и набивает ими, под охраной, теплушки? Многим не удается даже проститься с родными. О добровольности уж не может быть и речи, – всё это напоминает времена коллективизации.

Непонятной была также политика немцев в земельном вопросе. Немецкие сельскохозяйственные администраторы утверждают теперь, что колхозная система выгоднее, чем единоличные хозяйства, хотя сами немцы остаются единоличниками. И если выгоднее, то для кого? Раньше для большевистского государства, а теперь для чужеземного завоевателя?

Некоторые украинские и русские крестьяне спрятали от советской власти плуги и бороны. Теперь, наконец, они могли бы осуществить свою мечту о самостоятельной обработке своей земли, особенно если немцы стали бы им давать, в обмен на урожай, сельскохозяйственные машины. Хотя крестьяне и готовы были отказаться от немедленного проведения аграрной реформы, они хотели бы, однако, иметь уверенность, что такая реформа немцами запланирована.

Высшие школы и прочие учебные заведения продолжали оставаться закрытыми. Хотя с приходом германской армии во многих местах в школах возобновлялись занятия, появлявшееся затем гражданское управление разрешило обучать детей лишь чтению, письму и основным арифметическим правилам.

Непонятен населению был также запрет изучать немецкий язык.

Было бесконечно много вопросов, отражавших смятение и неуверенность населения: почему реквизируют больницы? – гражданское население тоже надо обслуживать. Как насчет свободы передвижения, торговли, слова, собраний, объединений? Каковы будут формы самоуправления в городах и на селе? Привожу здесь лишь немногие важные вопросы. Но над всеми этими проблемами во всех кругах населения возвышался коренной вопрос: о будущем государственном и общественном правопорядке, при котором пришлось бы жить, если немцы останутся в стране. И уже выявлялся страх перед призраком нового вида несвободы – быть может, еще более страшной, чем тирания Сталина.

Такова была малоободряющая картина психополитического состояния населения также и в этой оккупированной области.

* * *

Теперь, в ОКХ, уже не приходилось составлять докладных записок «для препровождения в вышестоящую инстанцию»: мы ведь сами были одной из высших инстанций. Чего же удалось достичь бесчисленными меморандумами и отчетами, требовавшими объявления политических целей войны, отказа от колонизаторских методов, роспуска колхозов и многого другого?

Составленная мною вместе с Герсдорфом и Треско докладная записка, препровожденная главнокомандующему сухопутными силами фельдмаршалу фон Браухичу, имела, по крайней мере, тот успех, что он согласился с нею. Но Браухич был смещен в декабре 1941 года.

Несколько месяцев спустя обширные и подобные моим рекомендации были представлены генералом фон Шенкендорфом, начальником тыла в районе группы армий «Центр». Но и они остались

без внимания свыше. Оба эти меморандума исходили из установки на быстрое завершение похода в Россию путем политического решения и гуманного ведения войны. За этим стоял отказ от всякой захватнической политики и, как конечная цель, – независимая Россия на всей территории населяющих её народов, освобожденных от сталинской деспотии.

Под впечатлением военных неудач, позже, многие немецкие генералы выдвигали сходные требования, но лишь с чисто военной точки зрения. Они требовали изменения оккупационной политики и усиленного привлечения добровольцев из местного населения, ссылаясь на становящуюся всё более острой проблему пополнения германских частей. Но даже еще имевшие влияние фельдмаршалы, как фон Рейхенау (он считался сочувствующим нацистам) или фон Клейст и другие, ничего не добились. Не оставалось, таким образом, никакого сомнения, что сам Гитлер противился всем предложениям, направленным на изменение оккупационной политики и на политическое ведение войны. В ОКХ это было уже секретом полишинеля, хотя о фюрере в этой связи говорили редко, а критиковали большей частью его ближайшее окружение.

ОКХ и военно-политическая стратегия

В эти дни и недели июня 1942 года я мог наблюдать, как в ОКХ возник кружок офицеров-единомышленников, оппозиционно настроенных к официальной политике на Востоке и готовых действовать на свой страх и риск на основе собранного ими опыта. В числе других, к этому кружку принадлежали генерал Вагнер (генерал-квартирмейстер сухопутных сил), генерал Рейнхард Гелен (начальник Отдела генштаба Иноземные войска Востока), полковник Шмидт фон Альтенштадт (Отдел военного управления), генерал Штиф, полковник Клаус граф фон Штауфенберг (организационный Отдел), полковники фон Рённе и Герре, подполковники Кламмрот и Шрадер и

другие. У меня сложилось впечатление, что инициатива исходила от Гелена, Рённе и Штауфенберга.

Рённе, доверившийся мне (в то время мы сблизились), проводил резкое различие между политическими целями войны (определять которые было не нам) и «политическим методом ведения войны для достижения военных целей». Этот метод он рассматривал как наше непосредственное и насущнейшее задание. Рённе полностью признавал «политические цели войны», которые я в своем меморандуме ставил на первое место. Но он видел, что путь к этой цели ведет лишь через признание политического метода ведения войны «фюрером или кем бы то ни было». Поэтому он предостерегал нас от какого-либо необдуманного шага: «Мы можем достичь нашей цели только осторожным использованием всех сил, готовых помогать, – независимо от их политических взглядов: политический способ ведения войны неизбежно должен когда-то привести к новой политической концепции, и только это может принести успех в борьбе».

Этот офицерский кружок в ОКХ решил отныне с новой энергией заняться вопросом о «хиви» и об обеспечении безопасности фронта (партизанский вопрос), что требовало общего изменения оккупационной политики и безусловного отказа от «политики Гитлера». В этих обстоятельствах необходимы были разумные и осторожные действия, приспособление к обстановке, и гибкость, даже маскировка.

Тогда у меня еще не создалось впечатления, что офицеры, которым я подчинялся, уже объединились для заговора против Гитлера. Целью, было – «изменить руководство», не «выключить» его; для офицеров, сознававших свою высокую ответственность перед немецким народом, это казалось тогда, ввиду наличия врага, стремившегося к уничтожению Германии, невозможным.

Как я уже упоминал, многие командиры фронтовых частей, а также офицеры в тыловых областях, с первых месяцев похода в Россию пополняли свои редевшие части за счет добровольцев разных национальностей.

Абвер адмирала Канариса пошел еще дальше: он планомерно

формировал для своих целей небольшие национальные отряды и части. Впоследствии стало известно, что Гитлер еще осенью 1941 года дал согласие на создание тюркского легиона; затем последовало формирование нескольких кавказских боевых единиц.

При штабе группы армий «Центр» полковник, а позже генерал фон Треско, с разрешения фельдмаршала фон Браухича, начал, в виде опыта, формировать русские части. На участке группы армий «Юг» возникли казачьи сотни. Так как Гитлер дал согласие на формирование так называемых тюркских и кавказских легионов, можно было думать, что под давлением военной необходимости он решится на дальнейшие шаги в этом направлении. Во всяком случае, мы так думали.

Таким образом, ОКХ стояло теперь перед задачей охватить регистрацией многие сотни тысяч «добровольцев» и «хиви», уже ставших для армии необходимыми, урегулировать вопросы их оплаты, обмундирования, снабжения продовольствием и т. д., а прежде всего – закрепить положение этих добровольцев внутри армии соответственными предписаниями дисциплинарного и военно-правового порядка. Характерно для положения было, что еще до того, как взяться за решение этих основных проблем, издали приказ, вводящий знак отличия для военнослужащих «восточных народов». Возможно, неплохо выдавать медали за храбрость, но не важнее ли, чтобы улучшилось обращение с военнопленными? чтобы отвергнута была концепция «унтерменшей»? чтобы наладился правопорядок в оккупированных областях? чтобы борьба этих людей обрела подлинный смысл?

Офицерский кружок в ОКХ отлично видел опасность создавшейся ситуации для армии и для исхода войны. Необходимо было действовать, и действовать не медля.

* * *

В июле 1942 года праздновали день моего рождения. Лейтенант Блоссфельдт, ранее управлявший известным в Риге отелем – Hotel de Rome – приготовил всё на русский лад. Я сидел между Геленом и Рённе. На этом вечере я познакомился также с полковником Герре, отозвавшимся с очень большой похвалой об интеллектуальном уровне нашего «клуба», выступления членов которого в этот вечер были особенно остроумны.

Около полуночи Гелен ушел, – он должен был делать начальнику Генерального штаба Гальдеру доклад о положении. Однако вскоре после полуночи неожиданно он вернулся: его доклад был перенесен на другое время. В это время «член клуба» пастор Экерт выступал как раз с пародией на доклад Гелена «своему Гальдеру», причем Экерт изображал поочередно то Гелена, то Гальдера. Экерт не заметил стоявшего сзади него у занавеса Гелена. Мы же – благодарные зрители этой классической комедии – видели и ничего не подозревавшего Экерта перед занавесом и, за ним, Гелена собственной персоной. И наслаждались комизмом ситуации.

* * *

По желанию Гелена, я должен был в конце июля 1942 года сделать доклад на тему «Русский человек» в широком кругу офицеров ОКХ. Важнейшие тезисы этого доклада были развитием мыслей, занимавших меня в штабе группы армий «Центр, – и научно углубленных моими друзьями профессором Ф. Шерке и Ф. Ф. Краузе, сотрудниками Института психологических исследований и психотерапии научного общества имени императора Вильгельма в Берлине.

Гелен приказал размножить этот доклад и разослать его официальным путем всем офицерам Генштаба на восточном фронте.

В 1943–44 гг. Отдел пропаганды Верховного командования вооруженных сил (ОКВ/ВПр) отпечатал этот доклад в ряде своих

изданий. Он был послан не только офицерам, бывшим на восточном фронте, но и комендантам лагерей военнопленных, а также различным министерствам и учреждениям, занятым опекой лагерей военнопленных и восточных рабочих.

Наконец-то свежий ветер сверху! Наконец и «те, наверху» тоже поняли! Такова была реакция фронта и офицеров в тылу.

Хотя на титульном листе брошюры стояло скромное заглавие «Русский человек. Капитан Штрик-Штрикфельдт», но она распространялась одним из отделов ОКВ, а это было решающим: значит, русские – по мнению и ОКВ – больше не считаются унтерменшами!

Эти же соображения, а также мысли, содержавшиеся в моей разработке «Наше отношение к русским военнопленным», я излагал, по приказу Гелена, в течение следующих лет (до июльских событий 1944 года) в моих лекциях на офицерских курса и на курсах Генерального штаба.

Но вернемся в Винницу. Летом 1942 года Гелен и Рённе дали мне новое важное задание, за выполнение которого я боролся, вкладывая все свои силы, почти до конца войны.

II. Генерал Власов и борьба вокруг Освободительного движения

Первая встреча с Андреем Андреевичем Власовым

Стремление к освобождению от сталинской деспотии владело всеми народами России еще до немецкого нападения. По мере продвижения немцев на восток, это стремление, как уже говорилось, стихийно проявлялось, так как широкие круги населения видели предоставлявшуюся возможность изменения ненавистного государственного и общественного порядка. В этой, по сути своей, революционной ситуации, капитан Николай фон Гроте, балтийский немец и журналист, а во время войны – сотрудник Отдела армейской пропаганды (ВПр), одним из первых понял, что к солдатам и офицерам Красной армии должен обращаться какой-либо влиятельный русский человек; только так, может быть, удастся еще исправить провалы убогой нацистской пропаганды. Но мысль привлечь какого-нибудь советского генерала в качестве соратника в борьбе против Сталина зародилась в ОКХ.

После того, как зимняя кампания 1941–42 гг. показала, что германское правительство не хочет, да и не способно разработать план «политических методов ведения войны», среди высших офицеров в ОКХ, чувствовавших свою ответственность, созрело решение самостоятельно проводить политические мероприятия с целью скорейшего окончания войны в России.

В ОКВ заинтересованность в таких мероприятиях проявил генерал-майор фон Ведель, начальник Отдела армейской пропаганды (ВПр).

При взвешивании всех возможностей исходили из сложившихся в данный момент военно-иерархических взаимоотношений, которые представлялись посвященным довольно благоприятными: Ведель, как представитель ОКВ, подчинялся непосредственно генералу Кейтелю; между группой офицеров в ОКХ и Гитлером как верховным главнокомандующим и главнокомандующим сухопутными силами стоял лишь начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер. Поэтому казалось, что возможно будет убедить Гитлера в необходимости коренным образом изменить политику в России и совершенно ясно заявить о политических целях войны: ведь на Гитлера можно было бы воздействовать на высшем уровне, используя обе упомянутые военно-иерархические ступени. Для этой цели нужно было как можно скорее поставить основные фигуры в окружении Гитлера перед совершившимися политическими фактами, поскольку последние могли быть созданы воинскими силами. Так думали офицеры! Подробности действительных намерений Гитлера тогда не были известны даже верхушке военного руководства, а следствия гитлеровской политики были настолько очевидны, что в Генеральном штабе, а особенно среди сотрудников ФХО, едва ли хоть один человек верил в возможность продолжения безумной политики в России.

Генерал Андрей Андреевич Власов – в 1941 году один из выдающихся защитников Москвы – попал в немецкий плен в июле 1942 года. Он боролся до конца и делил со своими солдатами все лишения. Но он не мог предотвратить крушения 2-ой советской Ударной армии (на реке Волхове), которой он командовал. И это для Власова – как для любого советского командующего, – по существу, был смертный приговор.

Когда не оставалось никаких сомнений в безвыходности положения в Волховском окружении, в расположении главной квартиры 2-ой Ударной армии приземлилось несколько самолетов, чтобы вывезти генерала и его штаб. Власов отказался лететь: он хотел остаться со своими солдатами до конца, вместе с ними биться и погибнуть от руки врага. Мысль о самоубийстве была ему чужда.

Но судьба распорядилась иначе. Он остался в живых.

Когда почти все части его армии были уничтожены, Власов, с небольшой боевой группой, отошел в дебри заболоченных лесов. Но вскоре погибла и эта группа, за исключением нескольких человек. Еще несколько недель Власов, без знаков различия на форменной одежде, скрывался в приволховских лесах, заходя по ночам в деревни и получая от крестьян немного хлеба. Но сельское население было тогда пассивно, а по отношению к скрывавшимся красноармейцам даже враждебно настроено, особенно если вблизи стояли немецкие части.

Вечером 13 июля 1942 года Власов уснул в каком-то сарае, где и был взят двумя сотрудниками штаба одной германской дивизии: видимо, о нем донесли крестьяне. Так Власов попал в плен.

Не то чтобы Власов совсем не верил советской пропаганде, но всему, что говорилось о немцах, он верить не мог. Однако, как и каждый солдат Красной армии, он мог бояться (и не без основания) за свою жизнь.

Во второй половине июля Власов был доставлен в лагерь военнопленных в Виннице, подчиненный ОКХ. Комендантом лагеря был пожилой немец из США, великодушный и умный человек. И этот «американец», не понимавший ни слова по-русски и прямо-таки созданный для того, чтобы руководить английским лагерем, должен был управлять на Украине лагерем русских военнопленных! Характерный пример тупости бюрократов!

Власова вели по улицам Винницы – города, жители которого знали его как крупного советского военачальника. Власов был 1,96 метра ростом. Его поставили во главе колонны, и многие, должно быть, узнавали его. Это, вероятно, сделано было не случайно: мелкие душонки хотели его унизить.

По прибытии в лагерь военнопленных Власов почти сразу оказал сопротивление: он отказался выйти на поверку вместе с пленными солдатами, настаивая, чтобы поверка офицеров проводилась отдельно: «Если вы хотите таким манером завоевать и переделать мир, то вы заблуждаетесь», – сказал пленный генерал «американскому» коменданту лагеря. Тот улыбнулся и доложил об этом происшествии

капитану Петерсону, который в ОКХ был ответствен за военнопленных старших офицеров. Петерсон поворчал, но согласился с Власовым. Порядок поверки был изменен.

По приказу полковника фон Рённе я вскоре встретился в первый раз с Власовым.

Власов произвел на меня положительное впечатление своей скромностью и в то же время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он, не спеша, четко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора.

Он рассказал мне о своей жизни. Сын бедного крестьянина Нижегородской губернии, Андрей был тринадцатым ребенком у своих родителей. Родился он в 1900 году. По желанию верующей матери, которую он очень любил, Андрей должен был стать священником. Может быть, также и потому, что обучение в духовной семинарии отцу обошлось бы дешевле, чем в другом учебном заведении. Один немец-сыровар, живший неподалеку, дал отцу Власова взаймы довольно крупную сумму денег, чтобы мальчик мог учиться. От этого осталось чувство, что не все немцы – изверги, как это утверждает советская пропаганда.

Уже к первую мировую войну Власов подлежал приливу в армию, но не был взят, так как сельским писарь сделал описку в призывных документах в дате его рождения, перенося её из свидетельства о крещении.

Хотя и Февральская революция 1917 года не прошла бесследно для молодого Власова, Октябрьской революцией он был захвачен полностью: «Хлеб, мир, земля крестьянам» – под этим лозунгом Советы начали свое победное шествие. Они распустили по домам уставшую от войны армию и обещали раздать крестьянам поместья крупных

землевладельцев.

Андрей оставил духовную семинарию. Сначала он вошел к кружок революционных студентов, я потом вступил добровольцем в Красную гвардию, чтобы «защищать землю и свободу».

Власов стал командиром роты. «Белогвардейцы», а с ними и «иностранные империалисты», были изгнаны. Власов обладал качествами организатора и руководителя, а потому быстро стал продвигаться. В короткое время он стал командиром полка, а затем командиром дивизии.

Позднее, будучи военным советником при штабе Чан Кай-ши (1938–1939), молодой полковник познакомился с древней китайской культурой, занялся изучением китайской философии и накопил богатый политический опыт, внимательно наблюдая развитие китайско-японского конфликта. Его политический горизонт заметно расширили также встречи с представителями западных держав.

Власов с уважением говорил о Чан Кай-ши, но сомневался в его успехе так же, как он считал безнадежной и тогдашнюю японскую политику, потому что Китай, возможно, и будет завоеван, но никогда не будет покорен сам народ. («Интересное заключение, – подумал я, – нам следует тоже принять это во внимание».) Крупный орден, пожалованный ему Чан Кай-ши, он не имел права носить по возвращении в Советский Союз: «Такие знаки отличия не допущены ко внутрисоветскому употреблению», – заметил он, улыбаясь.

Назначенный по возвращении в СССР командиром известной своей распущенностью дивизии, он сделал из нее образцовое воинское соединение, за что был награжден лично Сталиным.

Власов, разумеется, прекрасно знал внутри – и внешнеполитическое положение, так как он многие годы соприкасался с руководящими партийными и государственными деятелями. Но, как крестьянский сын, он знал и условия жизни народа. Ранее восторженный приверженец советской власти, которой он был обязан своей карьерой, он видел теперь оборотную сторону ее. Когда он, будучи уже офицером высокого

ранга, приезжал в село к своему отцу-колхознику, люди при нем молчали, не доверяя ему. Даже водка мало помогала. Он сильно страдал от этого. И молчание это говорило об обманутых надеждах, о страхе и нужде.

Власов знал и крупных партийцев, их жестокость, неразборчивость в средствах при достижении своих целей. Он знал ведущих людей в Кремле и наблюдал их поведение в своей среде. Но обо всем этом мы говорили уже позже.

Первоначальное недоверие Власова рассеялось благодаря тактичному обращению с разбитым противником со стороны немецких офицеров и рыцарскому отношению его врага в боях у Волхова генерал-полковника Линдеманна. Этим подтвердилось то, во что он, в сущности, хотел верить: что немцы были не чудовищами, а людьми и, как солдаты, уважали противника.

В этот мой первый визит у Власова мы говорили обо всем, только не о военных делах. Наш разговор о большой нужде, в которой живут простые русские люди по ту и по эту сторону фронта, казалось, сразу сблизил нас.

При следующем моем посещении генерала Власова я должен был много рассказывать ему о Германии. Его интересовало всё. Но, прежде всего, он хотел знать больше о германских целях войны. Надо сказать, что знал он уже поразительно много.

Несмотря на колючую проволоку и охрану, подпольная информация среди военнопленных работала надежно и быстро. Неправильное обращение с военнопленными способствовало эффективности тайной советской пропаганды, так что военнопленным быстро стала ясной их судьба, как «унтерменшей». Не надо было обладать большим политическим образованием, чтобы сделать из этого выводы.

На откровенность генерала я также отвечал откровенностью; конечно, присяга ставила мне определенные границы. За годы нашей совместной с Власовым работы, последний с необычайным тактом

уважал связывавшие меня обязательства, так что между нами быстро установились отношения, основанные на взаимном доверии.

Вскоре я поставил Власову решающий вопрос – не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза? Он задумался. Потом он рассказал мне о долголетней борьбе за свободу, которую вели крестьяне и рабочие, офицеры и студенты, мужчины и женщины. А мир наблюдал и молчал. Из экономических и иных корыстных побуждений, с советской властью, держащейся на крови, заключались договоры и союзы. «Может ли всё это ободрить народ, чтобы он взял в свои руки свою судьбу?» – спросил он. В такие минуты генерал выглядел, как старый, мудрый китаец. Умные и неподвижные черты лица его не выдавали его чувств. «Куда он клонит?» – подумал я.

Потом он сказал, что в Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники, настроены хотя и не против советской системы, но против Сталина. Террор подавляет в России всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления. Здесь, в плену, он имел возможность говорить со многим старшими офицерами. Только некоторые держатся выжидательно, большая же часть считает, что патриотический долг русских – начать борьбу против Сталина. Но на чьей стороне?

– Англичане уже подвели нас однажды. Немцы, кажется, не нуждаются в нас. А американцы заключили договор со Сталиным. Правда, ни англичане, ни американцы не имеют у нас территориальных интересов.

Он внимательно наблюдал, какое действие окажут на меня его слова.

– И как вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина? – так вернул мне генерал мой же собственный вопрос.

Я сказал, что мы сами в начале похода верили в освободительную

войну, в освобождение России от большевизма. Я говорил о бедственном положении военнопленных, которое, к сожалению, нам изменить не удалось. Я сказал ему и о том, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием, а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Следствие этого, прежде всего, катастрофическое положение 50–70 миллионов людей в занятых областях. Позиция же германского офицерского корпуса иная.

Власов сказал, что это он и сам заметил, и упомянул генерала Линдеманна и офицеров его штаба. О положении в занятых областях он был уже достаточно хорошо осведомлен.

– Что же всё-таки мы можем сделать? – спросил он снова. – И что думает об этом ваш фюрер?

– Ну, фюрер, к сожалению, всё еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в Генеральном штабе, делают, что могут, в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина?

– Против Сталина – да! Но за что и за кого? И как?

– Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

– Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить свое задание от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны. Эта идея – политическая свобода и права человека. Вспомним о великих борцах за свободу в США – о Джордже Вашингтоне и Вениамине Франклине. В нашем случае, только если мы поставим общечеловеческие ценности над ценностями националистическими, – оправданно и согласие на вашу помощь в борьбе против большевистской диктатуры. Тем более,

что люди в Кремле ведут псевдо-национальную политику и патриотизм их поддельный.

Власов выразил еще раз то, что я уже слышал от советских офицеров в лагерях военнопленных, то есть свою готовность бороться против Сталина за свободную, независимую, национальную Россию. Никаких аннексий, и не правительство квислингов милостью Гитлера. Но Власов сделал еще шаг дальше, поставив свободу и иные общечеловеческие ценности выше национальных интересов. И это, собственно, было решающим.

Я просил генерала изложить свои мысли в письменной форме. Момент был благоприятный: начальник Генерального штаба Гальдер ждал от Гелена возможно более полной информации, исходящей из советских офицерских кругов, о реакции в Красной армии на только что проведенное упразднение института комиссаров. Таким образом, доклад пленного генерала мог попасть без промедления в руки начальника Генерального штаба.

При наших разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный же полковник Владимир Ильич Боярский: Власов приглашал его для выяснения некоторых вопросов. Боярский – командир одной из советских гвардейских дивизий – производил прекрасное впечатление. Он был настроен резко антисталински, но и открыто говорил, что он отнюдь не друг немцев. В составлении доклада Власова этот политически развитый офицер сыграл существенную роль. Полковник Боярский, в последующие годы часто терявший терпение, показал себя в данном случае терпимым и гибким, и его сотрудничество было в высшей степени ценным.

Власов в своем докладе, на основе соображений, обсужденных в наших беседах, составил очень ясный конструктивный план. Вместе с тем он заявил о своей готовности поставить себя в распоряжение своего народа в борьбе за свободу.

Набросок плана был хорош, но, увы, слишком многословен. Из моего опыта я уже знал, что «пруссакам» следует всё давать в сжатом, сухом изложении. Рённе еще прибавил, что, имея дело с нацистами,

надо учесть их тщеславие и направление их интересов.

Вместе с обоими русскими офицерами я сократил и переработал доклад. Хотя Власов и отнесся насмешливо к этой работе, но он тотчас же уловил ее смысл.

И в последующие годы он остался верен себе: взгляд его был всегда направлен на целое, но он был готов признать необходимость малых уступок, если его основные принципы оставались неприкосновенными. Рённе полностью одобрил доклад в его новой форме. Он несколько раз беседовал с Власовым и сказал мне, что в случае совместной работы с русскими он отдал бы генералу Андрею Андреевичу Власову предпочтение перед всеми другими. В то время в Виннице содержался целый ряд старших русских офицеров, среди них полковник Шаповалов. Шаповалов бы прекрасный офицер и убежденный антисталинец. Ему протежировали, так как его поведение и внешний вид соответствовали типу хорошего немецкого офицера. Но он не был личностью, как Власов; а человек со всем соглашающийся не был бы хорош ни для нас, ни для русских. Я упоминаю Шаповалова потому, что я считал важным, чтобы во главе Русского Освободительного Движения стояла сильная и независимая личность. Необходимым условием для успешного союза была готовность искренне сотрудничать с немецкой армией, но не соглашаться следовать немецкой указке. Я не хочу обвинить Шаповалова в такой тенденции, но, по моему убеждению, только Власов обладал качествами, при которых и немецкие, и русские интересы были бы соблюдены.

Политика «малых шагов»

Мы сочли личным успехом Гелена (основавшего свои предложения на докладе Власова), что Гитлер дал ОКХ полномочия на разработку и рассылку директив по оплате «хиви», а также относительно их положения в составе германской армии. Это означало, что ОКХ мог

взять в свои руки легализацию добровольцев и «хиви». То был огромный шаг вперед.

– Теперь это дело двинулось, – сказал мне Рённе, – и это вы можете передать Власову.

– И потом все эти добровольцы должны быть подчинены Власову, – позволил я себе заметить.

– А вот этого вы пока не должны ему говорить, – ответил Рённе тоном приказа, но с лёгкой улыбкой.

Конечно, мне пришлось сказать Власову не больше того, что разрешил Рённе. Но Власов тотчас же сделал логический вывод:

– Если вы охватите всех так называемых добровольцев, – а вы говорили, что их будет сейчас 800 000 или даже целый миллион, – тогда стоит лишь передать мне 200–300 тысяч, и мы, вместе с Боярским, гарантируем вам, что мы в несколько месяцев закончим для вас войну, то есть скорее для нас…

Власов думал не так, как Рённе или Гальдер, и не так, как его немецкие друзья, он думал как русский. Ведь для него это была бы не война против внешнего врага, а борьба русских со сталинским режимом. Но сих пор вооруженная борьба русских против Сталина была невозможна, так как лишь одна сторона обладала оружием, и потому ее господству ничто не угрожало.

– Теперь они будут под угрозой! Не от вас, но от нас. Вы понимаете, конечно, Вильфрид Карлович, в чем суть, и полковник Рённе тоже понимает. Теперь, я думаю, вы должны разъяснить это и вашим начальникам.

Один из начальников, о которых говорил Власов, – начальник Генерального штаба Гальдер, – отлично понимал положение. Гальдер уже под Москвой понял, что для успешного окончания похода в Россию необходимо использовать не только военные, но и политические средства. Неоднократно пытался он убедить в этом Гитлера. Как я узнал

позже от Гелена, Гальдер уже очень рано высказывал мнение, что «мы проиграем войну, если Гитлер останется глух к этим советам военных».

Прощаясь, мы с Власовым знали, что сблизились еще больше.

Дальнейшим успехом ОКХ было официальное разрешение при укомплектовании всех дивизий для восточного фронта, включая и его тыловые районы, допускать определенный процент русских и украинцев. Говорили о трех-четырех тысячах человек на дивизию и рассказывали, что Гитлер лично дал на это согласие.

Был ли это уже перелом, первый шаг к новой политике?

Приказа о включении и учете добровольцев и «хиви» сам я никогда не видел, но был свидетелем, как соответствующие указания передавались по телефону во фронтовые части.

Между тем, Рённе мобилизовал и Министерство иностранных дел; и однажды в Виннице появился бывший советник германского посольства в Москве Густав Хильгер. Я знал Хильгера с 1920 года, когда он руководил репатриацией из России немецких военнопленных, а я работал в Международном Красном Кресте. Я был рад нашей встрече и привел Хильгера к Власову, с которым он долго беседовал.

Взгляды Хильгера совпадали и с «нашими» (причем под «мы» я здесь подразумеваю не только Гелена и Рённе с «клубом», но также и наших «союзников» в ОКХ), и со взглядами Власова. Мы все верили, что создавшееся положение можно изменить в благоприятную сторону. К сожалению, мы в ОКХ не знали, что и Густав Хильгер, не имевший, пожалуй, на Западе соперников в знании людей и страны, располагавший колоссальным опытом, накопленным им за два десятка лет работы в России, не встретил никакого понимания у нацистских вождей.

* * *

По предложению Отдела пропаганды ОКВ, старший лейтенант Дюрксен (один из сотрудников Гроте) был командирован в ОКХ. Дюрксен родился в России, и, хотя он был чистокровным немцем, любил Россию, что я был рад узнать. Дюрксен зарекомендовал себя как офицер благородного образа мыслей и особенно ценным было то, что он понимал настроения и душевный склад русских людей. Он получил задание уговорить Власова подписать листовку, которую Гроте предполагал разбросать за линией фронта. Если бы эта листовка увеличила число перебежчиков, это было бы доказательством, что ОКХ и Отдел пропаганды ОКВ находятся на верном пути. А мы должны были сказать, наконец, людям по обе стороны фронта, за что им бороться.

При этом посещении Дюрксен изъявил готовность взять Власова в Берлин и поместить его в небольшом «штабе», созданном из военнопленных: они были собраны там в качестве советников ОКВ. Рённе нашел это предложение превосходным: Власов смог бы немного познакомиться с Германией, а за это время ОКХ удалось бы дальше продвинуть общее дело. Тогда можно было бы снова заняться Власовым: путь для него будет расчищен.

Рённе сказал мне, что следующим шагом вперед было бы освобождение из плена русских сотрудников этого «берлинского штаба», на основе еще разрабатываемых новых правил о «восточных добровольцах», и перевод их в состояние «полусоюзников». На этот счет он хотел сразу же договориться с генерал-майором Штифом и полковником фон Штауфенбергом, Мне разрешалось информировать об этом Власова. Казалось, таким образом, что дела начали развиваться в положительном направлении.

Рённе, еще до приезда Дюрксена, спросил Власова, готов ли он подписать обращение к Красной армии, призывающее солдат прекратить сопротивление и переходить на германскую сторону. Власов категорически отказался: как профессиональный солдат, он не мог призывать к нарушению солдатского долга.

Рённе сразу понял: Власов хотел организовать Освободительное Движение – не более, но и не менее. Рённе упрашивал всё же помочь ему. Он настаивал, что без явных успехов трудно заставить начальство согласиться на следующий шаг. Этот явный успех в глазах высшего командования был бы очевиден из роста числа перебежчиков после власовского призыва к красноармейцам.

– Они будут переходить и без моего призыва нарушить свой долг, – заметил Власов.

Но он всё же понимал, что эти «порядочные офицеры», как он называл их, в ОКХ в настоящее время не могут добиться от начальства решительных политических перемен. Пришлось бы либо вообще отказаться от наших планов, либо принять политику «малых шагов».

Когда велись эти переговоры, отношения взаимного доверия между Власовым и мною уже значительно укрепились. Поэтому я сказал ему со всей откровенностью:

– Генерал, ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остается ничего иного, как идти тернистым путем борьбы против Сталина и против…

Власов перебил меня:

– Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера.

– Совершенно верно!

Наконец-то и это было сказано.

– Здесь все же совсем все иначе, чем в Москве. Вы берете на себя ответственность и действуете по вашей совести, – сказал Власов. – Такое у нас немыслимо. Малейший намек диктатора – и все падают ниц.

– Так вы поможете нам? – спросил я его. – И не только в этот первый раз, с листовкой, но и в том, что последует за ней?

Власов попросил сутки на размышление.

Я чувствовал, что мы с Власовым понимаем друг друга.

Наряду со многими другими офицерами, я тогда еще верил, что Гитлер не останется глух к голосу разума или что высший генералитет добьется правильного политического решения. Я сказал это Власову, но просил его никогда не упрекать меня, если мои предположения и ожидания не оправдаются. Он обещал мне это и держал свое слово до последнего часа нашей совместной работы. Я надеюсь, что я также сдержал свои обещания.

Мы договорились быть друг с другом откровенными и искренними и ничего друг от друга не скрывать, за исключением тех случаев, о которых я уже упоминал, – когда, в силу присяги, я обязан был молчать.

Власов все еще сомневался: действительно ли он подходит для возглавления Русского Освободительного Движения? И можно ли политикой «малых шагов» когда-нибудь дойти до намеченной цели? В борьбе против тирании судья один: успех. Он выносит свой приговор, присуждая победителю звание героя борьбы за свободу, а побежденному ставя клеймо изменника.

При всех этих размышлениях я ощущал силу заповеди, которой я следовал после первой мировой войны, а особенно во время моей деятельности при Международном Красном Кресте. И я сказал Власову:

– Не знаю, доживем ли мы до политического успеха. Но разве только политика определяет наши действия? Если ОКХ лишь наполовину поддержит наши планы, то мы безусловно увидим, как сильно улучшится жизнь русских военнопленных, многие из которых еще и сегодня умирают голодной смертью. Этой цели на службе людям, согласно божественным заповедям, мы добьемся во всяком случае!

– Вы правы. Ради одной этой задачи оправдана наша политика, –

откликнулся Власов.

«Только честолюбец» или «одержимый стремлением к власти» никогда не понял бы меня. Но для Андрея Андреевича Власова служение, в высшем смысле этого слова, было заповедью его жизни, и он остался верен ей на всех этапах дальнейшего трагического развития событий.

Так началась наша политика «малых шагов». Власов обещал обратиться к своим землякам в Красной армии – на свой манер. Первая листовка появилась. Текст был составлен Боярским и дополнен Власовым. В нем было лишь осуждение Сталина и его клики. Призыва переходить к немцам – не было.

А в итоге – десятки тысяч перебежчиков на всех участках фронта. Такого количества не было уже в течение месяцев! К русским обращался русский генерал, один из защитников Москвы. Правда, имя Власова было известно не во всех частях Красной армии. Поэтому от многих германских дивизий вскоре стали поступать требования, что для большего успеха необходимо, чтобы к русским обращалось национальное русское руководство или правительство, к украинцам – украинское. То, что мы, немногие, говорили вот уже более года, многие признали теперь как насущную необходимость. Но те, кто прежде всех других должны бы понять случившееся, – поскольку они были ответственны за политику, – все еще не могли понять главного.

* * *

Уже в августе 1942 года я должен был сменить ОКХ и «клуб», с дорогими мне товарищами, на незнакомый мне ОКВ в Берлине. Гелен сообщил мне, что я, как попечитель Власова, командируюсь в Отдел пропаганды при ОКВ, но по-прежнему буду числиться за штабом ОКХ и его Отделом ФХО. Официально только ОКВ мог разрешить русскому, то есть Власову, обращаться к русским.

Я рассказал Гелену о моем «союзе» с Власовым. Вопрос был в том, сколь долго он будет сотрудничать с нами, если мы не сможем добиться дальнейших успехов?

Рённе за это время сделал шаг дальше. Он прозондировал у Треско и Герсдорфа в штабе группы армий «Центр» – нельзя ли вновь оживить план 1941 года с Русским Освободительным Комитетом в Смоленске и теперь уже генералом Власовым во главе его. Хотя в Смоленске не было прежних лиц, Треско и Герсдорф приняли предложение Рённе.

Вследствие этого, моей ближайшей задачей было добиться согласия и поддержки ОКВ. Одновременно я получил заверения, что Организационный отдел ОКХ готов тотчас же предоставить в мое распоряжение бюджет для русского пропагандного подразделения, как только будет дано одобрение со стороны Отдела ОКВ/ВПр.

Перед моим отъездом полковник фон Штауфенберг предупредил меня, что СС уже принялся комплектовать эстонские и латышские части.

– Это значит, – сказал он, – что надо спешить с нашим планом организации общерусского центра. СС, несмотря на свою теорию об унтерменшах, без стеснения пойдет по пути использования людей. И если Гиммлер возьмется за Русское Освободительное Движение, он привлечет для СС и сотни тысяч русских. Одни поверят обещаниям, другие пойдут по бесхарактерности или из карьеризма. Тогда – горе нам и всему миру.

Я был в высшей степени рад, что Штауфенберг и его друзья в ОКХ так ясно видели проблемы, которые встали бы по окончании войны. Я тогда не знал о его принадлежности к группе оппозиционных военных и не понял, насколько он доверял мне, говоря все это.

– Ну, за Власова вам бояться не нужно, – заявил я. – Он никогда не пойдет на то, чтобы оказаться на буксире у СС и помогать коричневому диктатору занять место красного.

Рённе еще раз просил меня молчать об идее включения русского

национального правительства в Европейский союз, так часто дискутировавшейся в нашем «клубе»:

– Нужно придерживаться «политических методов ведения войны» и «тактики малых шагов». А если вы не добьетесь успеха в Берлине, мы вытащим вас снова к нам…

«Штаб» Власова в Берлине

Итак, в конце августа 1942 года я приехал в Берлин. Так называемый штаб русских сотрудников Отдела ОКВ/ВПр находился на Викториаштрассе 10, в помещениях Отдела, но за замками и запорами. Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них – мешки с соломой. Запрет выхода в город. Вечером запирались и двери комнат. Я был потрясен: значит, даже ОКВ в Берлине не смог добиться для своих работников ничего лучшего. Скудную еду приносили ежедневно из какой-то столовой на Потсдамерплац, а солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственных рационов, чтобы несколько улучшить питание русских. Они чувствовали, что тот, кто работает с нами, должен быть, по крайней мере, сыт. Не были ли они лучшими политиками, чем их высокое начальство из государственного возглавления?

Старший лейтенант Дюрксен дружественно встретил меня. Моим непосредственным начальником стал капитан Гроте.

Начальником Отделения ВПр/IV, к которому принадлежали Гроте и Дюрксен, а теперь и я, был полковник Мартин.

Рённе был прав: дальше мыслей о «политическом методе ведения войны» Мартин не шел. Только Дюрксен сразу сказал мне, что мы добьемся успеха лишь при широком подходе к проблемам. Но вскоре и Мартин, и Гроте присоединились к мнению, что если уж говорить о

«германской задаче» на Востоке, то она может быть решена лишь при признании политических прав и интересов всех народов Советского Союза, включая русский.

Сразу же после моего приезда в Берлин Власов спросил меня о результатах его разговора с Густавом Хильгером, советником Министерства иностранных дел. Мне пришлось ответить, что перспективы, к сожалению, малообещающи, результатов нет.

– Значит, немцы не хотят, – сказал Власов.

Потом он начал критиковать «привилегированное» положение русских борцов за свободу при ОКВ, но заметил:

– Все же, если бы все русские военнопленные были помещены в условия этой Викториаштрассе, мы оказали бы нашему народу немалую услугу.

Он сказал это искренне, но в его словах был оттенок горечи, намек на наш разговор в Виннице, что его сотрудничество – цена помощи военнопленным.

– Я много думал о нашем соглашении и о возможных путях. Мои земляки лишь тогда очнутся от летаргии, лишь тогда будут сотрудничать и помогать, если им показать дорогу в новое, лучшее будущее. Ваш великогерманский рейх их не интересует, они хотят своего государства и чтобы были решены вопросы их собственного национального существования.

Наши беседы иной раз длились часами.

* * *

В своем заношенном обмундировании военнопленных, с большими

буквами «SU» на спине, русские «сотрудники» ОКВ могли выходить в город лишь строем в сопровождении конвоя. Власов отказался участвовать в этих «прогулках» на обозрение гуляющих в Тиргартене берлинцев. Он оставался в своей комнате.

От времени до времени эти «сотрудники» привлекались некоторыми министерствами для дачи советов, в качестве знатоков по различным специальным вопросам (например, по сельскому хозяйству). Из этого сама собой возникла необходимость в ослаблении их изоляции. Мы решили, прежде всего, добыть гражданскую одежду и улучшить общие условия жизни и работы пленных.

И тут обнаружилось, что могущественному ОКВ не под силу, справиться с этой задачей. Ибо, во-первых, это было против действующих инструкций, а, во-вторых, не было соответствующих статей бюджета, то есть, попросту говоря, не было денег.

Власов и его товарищи лишь посмеивались над нашими стараниями:

– И при таком «размахе» вы хотите завоевать мир?

Конечно, по линии Абвера (под начальством адмирала Канариса) нашлись бы возможности добыть все необходимое; но этого пути следовало избегать принципиально: небольшой круг лиц, решивших способствовать развитию русского национального независимого движения, не должен был работать с контрразведкой и, таким образом, подвергнуться опасности стать ее орудием. (Даже если, как я увидел это позже, именно среди офицеров Абвера были многие с безупречным образом мыслей, поддерживавшие как русскую, так и немецкую борьбу за свободу.)

Поэтому мы начали собирать среди друзей пальто, костюмы, белье и прочее необходимое. Приносили одну вещь за другой и подгоняли по размерам. Только Власову, с его ростом в 1,96 метра, ничто не подходило. Наконец, мелкий служащий одного из берлинских распределительных пунктов смог получить из-под полы подходящий костюм и пальто. Этот служащий сказал тогда: «Если генерал хочет

помочь нам, мы должны помочь и ему». Все были довольны, и даже полковник Мартин, который, по его словам, «не должен был все это знать».

* * *

Вскоре Власов смог приступить к созданию «своего штаба», и мы с ним посетили ряд лагерей военнопленных в ближайших окрестностях Берлина.

Из уже находившихся на Викториаштрассе «сотрудников» Отдела ОКВ/ВПр самой значительной личностью был, несомненно, Мелетий Александрович Зыков. Зыков уже давно был в немецком плену. Он называл себя сотрудником центральных советских газет. Разумеется, этого мы не могли проверить, как и его, якобы близких, отношений с Бухариным и другими крупными советскими руководителями, позже ликвидированными Сталиным. Зыков был человек подкупающего ума и исключительно обширных знаний. Хотя он и подчеркивал, что он никогда ранее не бывал в Западной Европе, что, без сомнения, соответствовало истине, он, однако, хорошо знал ее. Он не предавался иллюзиям относительно Германии, ясно видел немецкую политику, амбиции национал-социалистической партии и ее организаций, хаос в различных министерствах (несмотря на «унификацию» – Gleichschaltung), колеблющиеся позиции Розенберга и, наконец, трудное положение ведущих офицеров ОКВ/ВПр, которые, как сказал Зыков, должны служить чистой истине, независимой от каких-либо идеологий и даже если это против любимых теорий Гитлера.

Характерной для Зыкова была его оценка положения, сделанная им, безо всяких прикрас, в разговоре с Власовым и со мной:

– Национал-социалисты свою войну проиграли, но это открывает богатые возможности для антисталинской Европы. Эти возможности надо использовать, уважаемый Андрей Андреевич. (Когда мы вели эти

разговоры осенью 1942 года, немецкие войска еще успешно продвигались на кавказском и сталинградском направлениях.) – И потом:

– Если немцы слишком узколобы для большой политики, придется использовать до предела политику «малых шагов».

Этой линии Зыков придерживался до своего исчезновения осенью 1944 года. Зыков не был максималистом, он не стремился, как большинство русских, получить сразу всё. Он делал первый шаг, а за ним второй.

Однажды Власов спросил меня – сумеем ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей? Я ответил, что за безопасность Зыкова поручился Гроте, которому подчинялся «штаб русских сотрудников». Но когда будет сформировано наше собственное русское воинское соединение и начальником станет он, Власов, то нам с ним вместе придется отстаивать Зыкова.

На это Власов заметил, что он считает сотрудничество Зыкова крайне ценным, что ему нужны люди крупного формата:

– Зыков единственный такой из всех, встреченных здесь мною до сих пор; второго Зыкова мы так легко не найдем. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра – всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

Зыков, проведший четыре года в ссылке в Сибири, был страстным врагом Сталина, но не советской системы, как таковой. В этом он несколько отличался от Власова и многих других генералов из его позднейшего штаба сотрудников. Но никто из них не был лично обижен на советскую власть, которая дала им возможность стать тем, чем они были. И это их объединяло.

* * *

Русские постоянно натыкались на мелочные мероприятия своих новых немецких друзей и критиковали «косность, чтобы не сказать глупость» политического руководства. Они, бывшие советские офицеры, должны были помогать немцам в толковании советских сообщений. Они должны были давать свое суждение о политических событиях в России и о положении на фронте. Они должны были составлять листовки, обращенные к солдатам Красной армии. Но слушать советские радиопередачи даже в Отделе ОКВ/ВПр было разрешено лишь немногим немецким офицерам.

Как же могли тогда наши русские сотрудники справиться со своими задачами? Ответ однозначен: нелегально приобрести радиоприемники и тайно им пользоваться.

Когда русские советники сообщили нам однажды, что Сталин намерен ввести в Красной армии форму и знаки различия бывшей царской армии, это известие было принято в ОКВ сперва скептически. Политическое и военное значение этого мероприятия встретило почти полное непонимание. Весь интерес сосредоточился на вопросе: откуда военнопленные могли получить такую информацию? Гроте и мне было поручено усилить надзор. Спустя несколько дней Отдел ФХО при ОКХ подтвердил это сообщение.

Так как Отдел пропаганды могущественного Верховного командования вооруженных сил не располагал автомашиной, которой могли бы пользоваться мы, «маленькие люди», нам приходилось прибегать к общественному транспорту. Саженного роста генерал, в штатской одежде, и я как его сопровождающий отправлялись, по возможности незаметно, на посещения лагерей военнопленных, а также иногда в кафе и на прогулки по паркам. Во время одной из таких прогулок Власов сказал:

– Видите, Вильфрид Карлович, вот чего я понять не могу. Вот тут, в Тиргартене, люди кормят птиц и кошек, относятся к ним с любовью, а в лагерях оставляют военнопленных умирать с голоду. И это те же немцы делают – и то, и другое.

Узнавая ближе условия жизни в Германии, он излагал мне свои соображения:

– Немцы – прилежный, трудолюбивый и способный народ; они скромны и бережливы. Вы делаете всё для семьи и дома. Я верю, что немцы охотно работают. Но в ходе вашей истории вас преследует рок: появляются императоры, вожди – и всё летит. Разве это не так? И немцы начинают всё сначала, и работают, как волы, чтобы снова добиться благосостояния. Это сделало их мелочными и завистливыми. Национал-социалисты объявляют теперь немца «сверхчеловеком», но мне кажется, ему недостает того аристократизма, который в России считался непременным признаком подлинного барства. Мне жаль немцев, но именно так я их вижу. И мне это многое объясняет.

* * *

При наших посещениях лагерей военнопленных мы видели, что настроение было подавленное. Советские генералы, в большинстве, становились просоветскими, вернее, стали думать в отчетливо национально-русских категориях. Во всяком случае, враждебность к немцам росла. Разочарованы и озлоблены были и те офицеры, которые, попав в плен, еще год назад были готовы бороться против коммунистической диктатуры на стороне немцев.

Я не говорю здесь о карьеристах и оппортунистах, которые верно служили советской власти, а теперь шли в лагерную полицию или становились доносчиками. Остальные пленные их презирали.

Среди штаб-офицеров и молодого офицерства многие проявляли интерес к политике и были весьма интеллигентны: ученые, инженеры, учителя, специалисты сельского хозяйства. Солдатская же масса отупела, стала ко всему равнодушной. Лишь когда с солдатами заговаривали на родном языке о жене или детях и о возможности возврата домой, глаза их загорались. Лица, искаженные страданиями,

прояснялись.

Власов ездил из лагеря в лагерь и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Лишь немногие генералы сами узнавали Власова. Остальным он скромно называл свое имя. Свои разговоры с пленными товарищами он обычно начинал со слов о долге помочь, по добровольному решению, страдающим соотечественникам. При этом он подчеркивал, что это служение народу становится тем более высшим долгом бывших советских штаб-офицеров, что национал-социалисты следят за всем с недоверием и стараются подавить каждое проявление этого осознанного долга. В такой тяжелой обстановке надо помогать друг другу и быть примером. Это были простые и в то же время необычные слова. И они производили впечатление.

Генерал Василий Федорович Малышкин говорил мне, что ему стало стыдно перед Власовым. Ибо – что до сих пор сделали они все, генералы и офицеры, для своих людей в плену? В конце концов, борьба против Сталина и его террористического режима – дело самих русских:

– Почему же мы не подумали об этом раньше?

Малышкин был начальником штаба Дальневосточной армии, или Дальневосточного военного округа. Во время чистки армии в 1937 году он был арестован и подвергся пыткам, но никакой вины доказать ему не смогли. В начале войны, летом 1941 года, из тюрьмы он был отправлен на фронт, получив высокую командную должность. Теперь, в конце 1942 года, просидев почти девять месяцев в плену, он и голодал и, к сожалению, испытал на себе жестокое обращение, перенес, к тому же, дизентерию и тиф. Очень тонкий и весьма одаренный в области искусства, он часто по просьбе товарищей декламировал стихи русских классиков, а особенно охотно и хорошо он читал стихи Есенина.

Генералы Малышкин и Благовещенский пошли на сотрудничество с Власовым, когда он заверил их, что не получает от немцев никаких субсидий. Власов заявил:

– Я – русский, один из миллионов пленных. Я не изменник, что бы Сталин ни говорил о военнопленных. Я люблю свой народ и хочу ему

служить. Я могу это делать, только выступая за свободу и благополучие каждого. Пока что я больше ничего не могу. Я могу достичь каких-то успехов в борьбе за улучшение положения в лагерях военнопленных, если я твердо встану на защиту свободы и человеческого достоинства русского человека. Я не немецкий наемник! Многие немецкие офицеры искренне хотят помочь русским людям. Они предложили мне поддержку. Я решился сотрудничать с ними. Будущее покажет, что надо делать дальше.

Это вступление Власова к разговорам с бывшими штаб-офицерами Красной армии отвечало духу нашего соглашения в Виннице, когда он принимал свое окончательное решение. Как меня самого и моих товарищей-офицеров, так и Власова вдохновляла надежда, что право и здравый смысл неизбежно должны, в конце концов, победить. Эта надежда, даже, пожалуй, вера связывала нас. Сильное впечатление производило на меня, как он, не отступая от правды, откровенно признавая все трудности, с которыми ему и его немецким друзьям ежедневно приходилось бороться, всегда находил путь к сердцам своих земляков.

Путь, на который мы вступили, был труден, и только вера в правоту нашей борьбы поддерживала нас.

* * *

В те дни 1942 года в «штабе Власова» на Викториаштрассе и вокруг него случались эпизоды, иногда комические, даже гротескные, а иногда и опасные. Таким был, например, эпизод с доставкой в «штаб» Малышкина из лагеря Вульхайде под Берлином.

Как на зло, именно в этот день Отдел ОКВ/ ВПр получил приказ Гитлера (несколько дней назад бежал из плена один французский генерал), грозивший, в случае побегов, самыми строгими (вплоть до расстрела) наказаниями лицам, ответственным за охрану пленных

штаб-офицеров. Полковник Мартин ознакомил меня с этим приказом и предложил мне взять конвой для препровождения Малышкина. В моих глазах русский генерал был уже нашим союзником. И я подумал, что вряд ли Малышкин под конвоем почувствовал бы себя союзником.

– Нет, – сказал я, – конвоя не нужно.

– Ну, как знаете, я должен был вас предупредить. Вы несете ответственность.

Полковник Мартин, как всегда, понял меня, и в то же время он должен был подчиняться приказу. Он оставил дело на мое усмотрение, хотя и сам рисковал при этом.

На вокзале Фридрихштрассе Малышкин, одетый в гражданский костюм и не имевший еще никаких документов, вдруг исчез из моих глаз в людской толчее, – я просто потерял его из вида. В панике я бегал взад и вперед по лабиринту незнакомого мне вокзала городской электрички. Нет Малышкина. Наконец я вспомнил старое правило, что нужно вернуться на то место, где видел человека в последний раз. Там он и стоял – на платформе прибывающих поездов! Он сказал мне, улыбаясь:

– Старое правило, также и у блатных.

От Власова он слышал только, что попадет в особый лагерь ОКВ, но местонахождения его не знал; поэтому он решил, подождав некоторое время, добираться, расспрашивая встречных, в Военное министерство на Александерплац.

– Почему именно на Александерплац? – спросил я.

– Мы еще в школе учили, что в Берлине есть Александерплац, в честь Александра I, освободившего немцев от Наполеона, – сказал Малышкин.

Того, что на Александерплац помещалось Главное управление полиции, он не подозревал, как и серьезной опасности для его

«охранника» из-за приказа Гитлера.

Выдающейся личностью был также вскоре примкнувший к маленькой группе «конспираторов» на Викториаштрассе генерал-лейтенант Георгий Николаевич Жиленков, которому пришлось, наряду со Власовым, сыграть решающую роль в Русском Освободительном Движении.

Один из безымянных, выживших среди миллионов круглых сирот, так называемых беспризорников (которые после бурь революции и гражданской войны кочевали по широким просторам России и частью были перевоспитаны, а частью массами уничтожены самым жестоким образом), он, подобно многим другим, благодаря врожденному уму и выносливости, выбрался из болота полного социального разложения. Он быстро сделал карьеру и стал комиссаром в Главном политическом управлении Красной армии.

В начале войны он был назначен комиссаром одной из армий, а когда был убит командующий армией, сам принял командование.

Армия была разбита, Жиленков скрылся в массе бежавших красноармейцев, но попал в плен. Потом он вызвался добровольно работать шофером и перевозил боеприпасы и продовольствие в районе между Минском и Смоленском и тем спасся от расстрела по «комиссарскому приказу» Гитлера или от голодной смерти в лагерях.

Благоприятная возможность открылась ему летом 1942 года, когда Треско и Герсдорф решили создать так называемое пробное соединение – русскую бригаду. Жиленков рискнул и открыл им свое комиссарское прошлое, но Треско был человеком, не боявшимся опасной ответственности. (Тогда оба они еще не могли знать, что отдадут свои жизни за те же идеалы свободы и человеческого достоинства в борьбе против диктатуры – по ту и по эту сторону фронта.)

Треско передал Жиленкову и Боярскому командование «пробным соединением» группы армий «Центр», образованным из части, носившей название «Русской национальной народной армии». Бывший до, тех пор ее командиром, любимый и уважаемый солдатами

полковник К. Г. Кромиади, должен был сдать командование, как и другие старые эмигранты, – на основании уже упоминавшегося приказа Гитлера.

Соединение это – бригада – под командой русских офицеров, после испытания на фронте, должно было послужить ядром крупных русских формирований. Этот новый, многообещающий опыт, в котором, казалось, начнет осуществляться замысел, названный Браухичем, осенью 1941 года «решающим исход войны», сорвался, как мы узнали, после вмешательства фельдмаршала фон Клюге, запретившего формирование бригады и приказавшего распылить ее на отдельные батальоны, распределив последние по немецким полкам. Жиленков и Боярский, ссылаясь на соглашение с Треско и Герсдорфом, заявили, что не были и не будут немецкими наемниками. Они готовы бороться вместе с немцами, пока русские и германские интересы идут параллельно, то есть до освобождения русского народа от сталинского режима. И только.

Фельдмаршал фон Клюге посчитал это бунтом и приказал их арестовать как мятежников и судить.

Обоих удалось спасти от осуждения: Треско и Герсдорф немедленно отправили их из группы армий «Центр» в ОКХ – под защиту Гелена и Рённе. Там, в Лётцене, коменданту «привилегированного» лагеря военнопленных капитану Петерсону пришлось решать нелегкую задачу: обращаться с обоими офицерами как с «союзниками» и в то же время держать их под охраной как «мятежников». Он вышел из положения, поговорив с обоими как солдат с солдатами.

К счастью, от Клюге не поступало никаких запросов, и вскоре Рённе позвонил мне и распорядился, чтобы я забрал Жиленкова и Боярского и дал им возможность «затеряться в массе».

– Маловероятно, – сказал Рённе, – что они будут их искать. В крайнем случае, вернем их Петерсону, и тогда посмотрим, что делать дальше.

Жиленков, энергичный и умный человек, отчетливо видел политические взаимосвязи и любил остро спорить как с русскими, так и с немцами, включая министра Геббельса. Некоторые считали его беспринципным, поскольку мало что смущало его; но он никогда не шел на соглашательство с гитлеровцами. Он был одним из лучших товарищей во время нашего совместного сидения в плену у американцев. Он обладал чувством собственного достоинства и вел себя как прирожденный джентльмен, без страха и упрека, до самого дня своей выдачи сталинским палачам.

Разумеется, среди пленных советских офицеров были и такие, кто отклонял сотрудничество с Власовым и его приверженцами, оставаясь в то же время ожесточенными врагами Сталина: их отталкивали условия в лагерях, бесчеловечное отношение к военнопленным и политика германского правительства в России.

К наиболее выдающимся представителям такой группы принадлежал генерал Лукин, человек сильного характера и большого обаяния, тот самый Лукин, жизнь которого в 1941 году была спасена благодаря личному вмешательству фельдмаршала фон Бока. Тогда Лукин соглашался, несмотря на потерю ноги, принять командование крупным соединением в борьбе против Сталина. Но в результате плена и наблюдения над политикой нацистов, Лукин стал крайне недоверчив. Он не верил в желание германского правительства освободить народы России. Он спросил Власова:

– Вы, Власов, признаны ли вы официально Гитлером? И даны ли вам гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?

Власову пришлось дать отрицательный ответ.

– Вот видите! – сказал Лукин, – без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами. Из моего опыта в немецком плену, я не верю, что у немцев есть хоть малейшее желание освободить русский народ. Я не верю, что они изменят свою политику. А отсюда, Власов, всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей родине.

В противовес этому Власов подчеркивал, что он не собирается служить Гитлеру и немцам, а стремится помочь своим. Многие миллионы страдают под обоими диктаторами – и Сталиным, и Гитлером, но главный враг русского народа всё же Сталин. И только Гитлер объявил войну Сталину. Дело было бы ясным, если бы не нацистское отношение к русскому народу. Но всё же, разве могут ведущие представители народа стоять сложа руки и смотреть на страдания миллионов людей под советской властью и под немецкой оккупацией? Он, Власов, не может пассивно наблюдать за ходом событий; он будет делать, что возможно и в этой необычайно трудной политической и военной обстановке. Сталин объявил изменниками всех, попавших в плен. Он, Власов, считает изменниками тех, кто не хочет действовать. Ему же, в этой запутанной ситуации, приходится бороться на два фронта – против Сталина и против другого угнетателя.

Видно было, насколько Власову хотелось убедить этого ценного человека, и отказ Лукина был для него тяжелым ударом. Но теперь это был не колеблющийся Власов времен Винницы, он полностью владел собой.

Лукин сказал:

– Я – калека. Вы, Власов, еще не сломлены. Если вы решились на борьбу на два фронта, которая, как вы говорите, в действительности есть борьба на одном фронте за свободу нашего народа, то я желаю вам успеха, хотя я сам в него не верю. Как я сказал, немцы никогда не изменят своей политики.

– А если немецким офицерам, которые нам помогают, всё же удастся добиться изменения политики, Михаил Федорович?..

Я видел, что Власов цеплялся за эту последнюю надежду, которая была и моею.

Лукин ответил коротко:

– Тогда, Андрей Андреевич, мы, пожалуй, смогли бы и договориться.

Власов был подавлен. Лукин, в какой-то мере, был прав. Он хотел заключения официального договора с Гитлером о союзе против Сталина. Власов был против обоих.

– Это необъяснимо, – сказал мне Власов, – как немецкие вожди Гитлер, Геринг, Геббельс не понимают, что их теперешняя политика равносильна подписанию собственного смертного приговора! Или они в самом деле, как говорит Жиленков, основали клуб самоубийц?

(В окружении Власова часто можно было слышать этот термин, пущенный Жиленковым.)

Наряду с военнопленными офицерами, к «штабу Власова» на Викториаштрассе принадлежал также ряд свободных сотрудников русской национальности. Среди них был Александр Степанович Казанцев, член русской эмигрантской организации НТС (Национально-Трудовой Союз). Этот союз существовал уже ряд лет и был политически активен. Он состоял из национально мыслящих русских, но, в противоположность иным эмигрантским организациям, не был сторонником реставрации монархии, а придерживался философски обоснованных воззрений так называемого солидаризма.

По служебной линии меня (и, конечно, Гроте) предупреждали не иметь контактов с этой организацией, очевидно, из-за подчеркнутой и твердой национальной позиции ее членов.

Гроте, выросший среди балтийцев и русских, с присущей ему чуткостью распознал качества и цельность характера Казанцева, а это было для него решающим. Он пригласил его в сотрудники.

А. С. Казанцев любил Россию и русских, хотя и прожил почти всю жизнь в эмиграции. Он был умным и тактичным посредником между людьми с Запада и из Советского Союза. Он как бы вводил свежих людей из Советского Союза в западный мир.

«Отдел Восточной пропаганды особого назначения»

в Дабендорфе

Прошло почти три месяца со времени переговоров о русском центре в ОКХ. Тогда уже намечалось организовать, в первую очередь, координационный центр, который должен был изучать политические и психологические проблемы русского освободительного движения.

Конечно, лишь под флагом «пропаганды» можно было в тех условиях создать без помех такой центр политического ведения войны или, точнее, «русский центр для генерала Власова».

Из этого вытекало, что такой центр лучше всего прикрепить к Отделу ОКВ/ВПр под начальством генерала фон Веделя. Это и было сделано с согласия Веделя и при содействии генерала Гелена и полковника графа фон Штауфенберга. Итак, был создан «Отдел восточной пропаганды особого назначения», а начальником его был назначен я.

Отстройка этой своеобразной организации была связана с трудностями как политического, так и административно-технического порядка. Прежде всего мы занялись вопросом о размещении лагеря и выяснением штатных возможностей.

Хотя это ни в коей мере нельзя сравнивать с нашей попыткой, обучение русских пропагандистов было организовано уже с весны 1942 года в лагере военнопленных в Вульхайде под Берлином, где советских военнопленных подготавливали для работы в прессе и на радио по линии Министерства пропаганды, а также для работы в лагерях военнопленных.

Но у них не было ни программы, ни даже наметок на какое-то будущее для людей за колючей проволокой. Заключенные и бесправные, они должны были бы обращаться к населению оккупированных областей. Что они могли им сказать? Они не могли ни накормить их, ни уберечь от издевательств завоевателей. Они не могли

дать им ни тени надежды. Они были бессильны перед все более распространяющейся в лагерях советской пропагандой, которая разжигалась поведением нацистов. Многие немецкие коменданты лагерей набирали подонков среди военнопленных в лагерную полицию. Их очень скоро дружно возненавидели и военнопленные, и остовцы. В Москве не могли бы желать себе лучших союзников. Оказалось позднее, что многие из этих людей, которым присвоена была кличка «полицаи», работали и на НКВД.

Посмотрев обстановку, я отклонил предложение перенять этот учебный лагерь в Вульхайде. В нем, несмотря на все усилия прекрасного руководителя обучения, барона фон дер Роппа, и коменданта лагеря, бывшего ротмистра императорской австро-венгерской армии Вайсбека, жилищные условия и снабжение были несовместимы с понятиями человеческого достоинства. Лагерь был в ведении управления железными дорогами. Поэтому военнопленные, работавшие на путях, получали довольно сносное питание, а пропагандисты, занятые умственным трудом, голодали.

Я получил, в конце концов, барачный лагерь неподалеку от деревушки Дабендорф, к югу от Берлина. Он использовался раньше для французских военнопленных и был подчинен командующему III-м военным округом (Берлин). Командующего я привлек на свою сторону тем, что ему, человеку очень любезному, но с русскими проблемами совершенно незнакомому, сделал целый доклад, произведший на него такое впечатление, что он, предоставляя мне этот барачный лагерь, сказал:

– Как вы мне тут рассказываете, этот генерал Власов может еще изменить положение. Впрочем, это я слыхал и в ОКХ. Давно пора признать русских союзниками.

При этом генерал поглядывал на белый орденский крест на моем воротнике, тактично ничего о нем не спросив. По совету Рённе, я надел этот крест вместе с другими, известными всем орденами. Это же был латвийский крест за заслуги «Pour les honnetes gens», имевший отдаленное сходство с орденским крестом «Pour le merite». Может быть, старый генерал, думая, что это испанский знак отличия, принимал меня

за весьма заслуженного человека и молчал.

Власов и его штаб приняли возникновение Дабендорфского лагеря как успех, особенно в данных условиях.

Отдел восточной пропаганды особого назначения был приравнен к батальону. Когда я представил моему начальнику в Отделе ВПр/IV полковнику Мартину, бывшему в то же время «полковым командиром» моего батальона, запрос на разрешение штатов в 1200 человек (сам он предполагал первоначально штат на 40–50 человек), он сказал со своим обычным юмором:

– Если бы вы мне дали запрос на 120 человек, я бы послал вас ко всем чертам. А так как вы тут требуете 1200 человек, то это значит, что либо у вас в кармане гарантия на бюджет сверху, либо… – он постучал пальцем по лбу, – но в таком случае я бессилен помочь вам.

С этим он и подписал.

Этот «Учебный лагерь Дабендорф под Берлином» (в просторечии – Дабендорф) в его начальной стадии можно сравнить с ростком идеи Освободительного Движения. Почва была неблагоприятной, и нам всем пришлось приложить много сил и труда, чтобы после появления на свет сохранить в живых это столь нежное политическое растение. Однако Дабендорф не только выжил, но и стал духовным центром Освободительного Движения генерала Власова и его приверженцев. Это политическое немецко-русское детище вошло в историю борьбы против обеих диктатур и в соответствующую литературу, причем в последней облик Дабендорфа, конечно, в той или иной степени искажен.

Дабендорф обязан был своим существованием умелому использованию множества взаимно пересекавшихся компетенции, охватывающих все области военного руководства. Так, Дабендорф был подчинен: в области управления – 111-му военному округу (Берлин); в части заданий – Отделу пропаганды ОКВ (ВПр/IV); «внутриполитически», благодаря моей личной принадлежности, – ФХО (Гелен) и, наконец, «генералу добровольческих частей» (сперва генералу Гельмиху, потом генералу Кёстрингу).

Вследствие такого действительно парадоксального положения между четырьмя мощными руководящими инстанциями я мог, смотря по надобности, прибегать к поддержке посвященных в суть дела и готовых помочь в этих ведомствах, или в случае угрожающих «тактических» положений занять соответственные позиции по другому военному ведомству.

Самую верную помощь все эти годы, даже после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, мне оказывал Отдел ФХО, подчинявшийся Гелену.

Лагерь Дабендорф, расположенный на опушке леса (с траншеями на случай воздушной бомбардировки), был маленьким барачным городком с собственным снабжением. Пока на Викториаштрассе русские обсуждали текст Смоленского манифеста, я несколько, раз побывал в ОКХ в Мауэрвальде (Восточная Пруссия). Прежде всего, с Рённе был основательно обсужден бюджет. Это было не всегда легко: как балтийский немец, Рённе был склонен к «сверхпрусской» точности. Гелен в административных вопросах был более гибок. Разрешение на отпуск средств было достигнуто при совместной помощи Штифа, Штауфенберга, Альтенштадта и Кламмрота, причем Штауфенберг отбросил многие возражения Рённе. Как раз Штауфенберг увеличил число личного состава с 400 до 1200. Личный состав Дабендорфа должен был, по его словам, послужить ядром возможного дальнейшего развития. Бюджет включал, таким образом, содержание восьми генералов, шестидесяти старших офицеров и нескольких сотен нижестоящих офицеров – по русскому персоналу. Соглашение с Отделом ФХО предусматривало план размещения русского персонала при ста фронтовых дивизиях и специальных частях, а также назначение русского связного, персонала при комендатурах лагерей военнопленных, находившихся в ведении ОКВ, в прифронтовой полосе и в Германии. В целом, штатное расписание должно было в будущем охватить 3600 плановых офицерских должностей.

По немецкому личному составу штатный список включал двадцать одну офицерскую должность, причем кандидаты должны были быть высококвалифицированными; подбирать их надо было очень тщательно,

чтобы к нам не попали противники нашего дела. Само собою разумеется, то же, но в еще большей степени, относилось к подбору русского руководящего состава.

С самого начала я решил работать лишь с возглавлением русского руководящего состава, предоставив этой группе дальнейшую организацию и развитие дела в рамках бюджета. Вмешательство немецкой стороны казалось мне целесообразным лишь в тех случаях, когда русские не могли выбраться из путаницы германских «ведомственных джунглей». Опыт подтвердил, что это был не только правильный, но и единственно возможный путь.

Так мы, в те критические месяцы поражений под Сталинградом и Эль-Аламейном, в хаосе общего положения, были полностью заняты отстройкой нашей собственной базы.

В первую очередь надо было привести в порядок жилые помещения. Затем подобрать и назначить руководителей различных отделов и секций.

Власов и его сотрудники, а также и весь редакционный штаб с Викториаштрассе были уже формально освобождены из плена и переведены на бюджет Дабендорфа. Наконец-то они стали свободными людьми, поскольку это вообще было возможно при нацистском режиме.

Всё наше начинание, единственное в своем роде, нельзя мерить обычными масштабами. То, что мы делали, можно понять и судить, лишь исходя из условий и обстановки того времени.

В несколько недель надо было всё поставить на ноги. Не было ни примера, ни проторенных путей. Приходилось, как я уже не раз делал, импровизировать. Импровизацией было планирование, импровизацией были поиски и отбор немецких и русских сотрудников.

Постепенно идея стала воплощаться и принимать зримые контуры.

В мою служебную задачу входило организовать, с помощью немецкого и русского личного состава, – набор и обучение

«пропагандистов» (в действительности, инспекторов) для русских добровольцев и «хиви», а также военнопленных, сидевших в лагерях во всей оккупированной немцами Европе. Они должны были, в тесном контакте с немецкими комендантами лагерей, заботиться о человеческих условиях существования для военнопленных.

К этому присоединялась разъяснительная работа посредством собственной, русской прессы. Этим путем можно было охватить миллионы русских людей, ободрить их и дать им новую надежду, показать общую цель, чтобы вырвать их из апатии и сплотить на служение их собственному делу.

В первый период отстройки (конец 1942 года) «штаб Власова» с его сотрудниками находился в помещениях Отдела пропаганды ОКВ/ВПр. Обслуживание военнопленных и все акции с листовками, забрасываемыми на неприятельскую сторону, поскольку они исходили от армии, были под контролем капитана фон Гроте. (Ни один из его начальников не знал русского языка.) В служебных помещениях ОКВ/ ВПр проверялись окончательно и все публикации на русском языке, составленные здесь же, а позже – в Дабендорфе, – их составление было в ведении русского руководства. В Дабендорфе помещалась и русская редакция, в которой готовились регулярные выпуски обеих русских газет – «Заря» (для военнопленных) и «Доброволец» (для добровольцев и «хиви»).

Сотрудничество между Отделом ОКВ/ВПр/IV и Дабендорфом, протекало, в общем, гладко и строго придерживалось официальных рамок, установленных ОКВ и ОКХ.

Свою другую, гораздо более важную задачу я видел в том, чтобы дать в Дабендорфе, до начала дальнейшего развития дел, прикрытие «русскому центру под руководством генерала Власова», чтобы под крылом Дабендорфа могли зреть идеи и разрабатываться программа русских, собираться и обучаться кадры, завязываться и расширяться связи. Всё должно было быть готово к тому моменту, когда настанет час действий: руководящий штаб, офицерский корпус, управление, пресса и т. д. Всё это должно было готовиться русскими в полной тайне. Гроте, Дюрксен и я совместно разрабатывали планы развития этого дела, на

успех которого мы так надеялись.

В рамках этой, так сказать, «подлинной задачи» мы столкнулись со многими коренными проблемами. Одной из основных была проблема правильного обращения с доверенными нам и нам доверявшими людьми. Они пришли к нам из иного духовного мира и, в большинстве случаев, не могли быстро освоиться в новом окружении. Несмотря на отрицание ими сталинской системы, сказывались двадцать четыре года вдалбливания застывшего марксистско-ленинского мировоззрения.

Из лагеря в Вульхайде я перевел в Дабендорф руководителя тамошних курсов, барона фон дер Роппа, немецко-балтийского антрополога. Он владел русским языком как родным, а главное – имел более чем годичный опыт общения с советскими военнопленными.

Проблемы при обучении пропагандистов (инспекторов), сведенных в несколько рот, возникали и вследствие:

1. невозможности указать слушателям курсов ясную политическую цель германского правительства в России;

2. трудности достать необходимые материалы и компетентных лекторов для критики и опровержения мировоззренческой доктрины марксизма-ленинизма. Кроме базарно-крикливых лозунгов нацистской пропаганды, не было никаких теоретических источников, так как коммунистическая литература была отобрана Гестапо и стала недоступной.

Положение облегчало нам то обстоятельство (нельзя его, однако, переоценивать), что на русских производили сильное и притягательное впечатление уровень и условия жизни в Германии. И нацистский режим стремился к тоталитарной, всеобъемлющей власти, но она еще не достигла дьявольского совершенства сталинизма. В Третьем рейхе всё же сохранялись какие-то основы старой государственной и общественной структуры; еще не были задушены полностью частная инициатива и частная собственность; еще было возможно работать и жить, не завися от государства. Немцы еще могли высказывать свое мнение, если оно и не сходилось с официальной догмой, могли даже, до

известной степени, действовать так, как считали лучшим. Хотя партийное давление и увеличивалось всё более ощутимо (для нас уже нестерпимо), но эта форма несвободы в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан мерками сталинского режима насилия и поэтому воспринималась всё же как свобода. И в этом была большая разница между нами. Как раз ведь призыв к свободе и привел русских на нашу сторону, несмотря на многие разочарования. Я говорю сейчас об элите, не о карьеристах, соглашателях или же просто боявшихся репрессий Сталина.

После сталинградского поражения вера немцев в конечную победу Германии и в техническое и моральное превосходство германской армии была подорвана, и Власов именно в этом видел крупный шанс выступить в роли равноправного и независимого союзника. Власов не верил больше в победу нацистской Германии. Но он верил в распад сталинского режима по окончании войны.

В конце 1942 года для нас еще не всё было потеряно. Германские дивизии стояли глубоко на территории Советского Союза. Хотя Сталин и бросил, с успехом, на чашу весов войны русский патриотизм, как противовес нацистскому империализму, но не было признаков того, что Москва решила всерьез изменить и улучшить судьбу советских людей. Ничего не было слышно об отмене репрессий, грозивших каждому, попавшему в немецкий плен.

Я был твердо убежден, что мы, борясь со Сталиным и Гитлером, стояли на правильном пути. Чего же должен был я требовать от себя самого и от моих немецких офицеров в Дабендорфе для совместной работы с русскими? – Никакого вмешательства в русские проблемы, никакой нацистской пропаганды, никакого выпячивания так называемого «германского превосходства», но честный образ мыслей, товарищеское отношение, готовность к пониманию и такт!

С благодарностью и одновременно с гордостью я могу свидетельствовать о превосходной работе, проделанной в Дабендорфе немецкими офицерами, унтер-офицерами и солдатами. В равной степени это относится и к немногим верным штабным сотрудницам, с Вереной фон Дистерло во главе – русские называли её «наша Верена», –

до последнего горького часа выполнявшим свой долг.

Немецкий штаб в Дабендорфе состоял из ряда выдающихся людей, которые максимально облегчали выполнение моих трудных задач, благодаря их опыту, знанию русского языка и деловой квалификации, их умению сжиться с людьми и такту в обращении с русскими, а также и благодаря свойствам их характера.

Воззвание Смоленского комитета

Между тем, различные события внушили нам новые надежды.

Доктор Отто Бройтигам, связной офицер от Восточного министерства в ОКХ, постоянно настаивал на изменении германской политики в России. Вполне вероятно, что по его настоянию Розенберг решился на попытку обсудить политические мероприятия, которых требовало военное руководство для облегчения положения войск на фронте. В конференции, состоявшейся 18 декабря 1942 года, участвовали многие генералы и офицеры из ОКХ, а также военачальники фронтов и тыловых областей.

Генерал фон Шенкендорф, полковники фон Альтенштадт, фон Треско и другие офицеры подчеркивали на этой конференции плачевные последствия существующих политических установок, касающихся ведения войны, и неверного отношения к населению. Они требовали уравнения добровольцев в правах с военнослужащими германской армии. Генерал фон Шенкендорф выразил мнение многих, сказав Розенбергу, что, очевидно, фюрера по этому комплексу вопросов снабжали неверной информацией.

Эта конференция Розенберга и просочившиеся после нее сообщения, что на главного идеолога национал-социализма произвели большое впечатление аргументы военных руководителей и он обещал

настаивать перед Гитлером на коренном изменении восточной политики, побудили к действиям не только наш «клуб» в генштабе, но и многие крупные штабы, тем более, что во фронтовых частях всё шире распространялось убеждение в невозможности вести дальше войну без участия русских.

За этой конференцией последовал поток меморандумов к разного рода распоряжений, причем, к нашему удовлетворению, зачастую независимо от нашей работы. Полковник Мартин показал мне и Власову составленный совсем в новом духе приказ фельдмаршала фон Манштейна о лояльном отношении к русским и украинским рабочим в подчиненных его штабу предприятиях в России и в Германии. Генерал Штапф, начальник штаба управления экономики и вооружения ОКВ, встретился с Власовым, а потом издал категорический приказ о хорошем отношении к восточным рабочим в сфере его управления. Наконец, Гелен составил в Генеральном штабе докладную записку о партизанской проблеме. (Он вызвал тогда меня в штаб, и я почти всю ночь читал ее.) В ней он требовал использования существующих уже отрядов из местных жителей и, как предпосылки для этого, радикальной перестройки всех наших взаимоотношений с русскими. (При этом он основывался на моем меморандуме «Русский человек».) Он сделал и дальнейший шаг: попросил – через меня – Власова «как союзника» дать ему заключение о партизанской проблеме и об общем военном положении Советского Союза.

В глазах Власова и его штаба этот запрос Гелена был первым шагом к действительному сотрудничеству. И штаб взялся за работу.

Эта разработка «штаба Власова» заканчивалась, естественно, призывом русских офицеров дать народу свободу, что сразу сняло бы вопрос о партизанской опасности. Гелен был связан жесткими указаниями об «аполитичном» поведении офицеров, так что вывод этот превышал его возможности, и всё остановилось на полумерах.

Несмотря на эти неудачи, несмотря на уже ставшую известной неудачу Розенберга при его докладе Гитлеру и вопреки отданному после этого доклада приказу Кейтеля о запрещении военнослужащим какой-либо политической деятельности, – русские были всё же

ободрены этим потоком несогласованных, но дружных действий. Они были склонны видеть в этом проявление общей воли к признанию их равноправными союзниками; в то же время они удивлялись, что такие стремления можно высказывать: это, по их словам, «под Сталиным немыслимо».

Параллельно с этими событиями, по инициативе Рённе, произошло возрождение старого плана деятельности «Русского Освободительного Комитета в Смоленске». В августе 1942 года штаб группы армий «Центр» одобрил этот план. По соглашению между отделами ФХО и ОКВ/ВПр воззвание Комитета должно было быть отпечатано и сброшено на сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров; в таком количестве листовки еще не выпускались. В воззвании должны были быть ясно намечены политические цели. Военным руководителям Красной армии, бывшим тогда в очень трудном положении, эта листовка должна была показать путь в новое будущее, а красноармейцам указать на бессмысленность их сопротивления. Тогда германская армия еще вела победное наступление. Момент для политической акции казался подходящим.

Но, как мы видели, проходили месяцы, а в политическом направлении не было достигнуто никаких сдвигов. Я не знаю, мог ли кто-либо спустя два месяца, в ноябре 1942 года, всерьез верить в признание «Русского Освободительного Комитета» нацистским правительством.

Однако Гроте не сдавался. Он разработал схему, по которой можно было бы действовать в случае признания Русского Комитета, в случае же задержки его – пропагандным успехом поставить германское руководство перед свершившимся фактом. В свое время он получил разрешение на издание листовки с 13-ю пунктами, включавшими политическую программу, но не накладывающую никаких обязательств на германское правительство. Поэтому на публикацию этих 13-ти пунктов Гроте не требовалось сейчас разрешения. Если эта программа будет подписана Смоленской группой и Власовым, в успехе листовки можно не сомневаться.

Рённе торопил из ОКХ в Лётцене провести как можно скорее

листовочную акцию в районе Сталинграда. За это время положение на сталинградском фронте изменилось в худшую для нас сторону и уже вырисовывалась роковая судьба этого участка военных действий.

Обнаружилось, однако, что нельзя было дать Смоленской группе подписать воззвание, иначе такое образование «Русского Освободительного Комитета» было бы уже политическим актом (а они были запрещены армии). Власов же и сотрудники его штаба поначалу наотрез отказались участвовать в этой акции Гроте из-за расплывчатости документа. Было лишь одно-единственное исключение: особенно опытный, с точки зрения политики и тактики, Зыков поддержал мысль Гроте о том, чтобы поставить германское правительство перед свершившимся фактом, то есть начать уже говорить от имени Русского Освободительного Движения. Он утверждал: «Дайте только чертёнку выскочить из бутылки, а он уж сработает».

В конце концов, Власов дал свое согласие, сказав при этом:

– Вы все как тот человек в суровую зиму, который отказывается купить мех, потому что боится вшей в нем. Вы дрожите и мерзнете. Я готов купить мех, носить его, а потом сбросить.

Зыков переработал 13 пунктов, внеся туда призыв к населению. Это всё еще была политика «малых шагов», но в данное время то был единственный новый возможный шаг. Однако и это скромное движение вперед наткнулось на новое препятствие: генерал Ведель, начальник ОКВ/ ВПр, несмотря на все доводы Гроте, не решался провести запланированную акцию без согласия Восточного министерства Розенберга. Солдату не должно вмешиваться в политику. Возможно, что он слышал о провале попытки Розенберга повлиять на фюрера.

Итак, листовка, столь настоятельно требуемая ОКХ для фронта, лежала в сейфах Восточного министерства. Верно, конечно, что акция, намеченная в августе, не имела уже значения для военного положения в Сталинграде или на Кавказе в конце 1942 года. Но, с другой стороны, гитлеровское утверждение, что советский военный потенциал исчерпан, обнаружило между тем свою несостоятельность, и можно было

предполагать, что Гитлер, в конце концов, согласится на политические мероприятия, требуемые его Генеральным штабом. Численное превосходство противника было подавляющим, и подкреплений из Германии не хватало для пополнения огромных потерь. Может быть, генерал Власов и Освободительная Армия давали шанс повернуть дело?

Неожиданно счастливый случай пришел нам на помощь. В одном дружеском кругу я познакомился с доктором Р. Он, как военный врач частей СС, имел доступ к Гиммлеру, а также и к Розенбергу. В то же время он был одним из резких и непримиримых критиков нацистского режима, особенно в вопросах правительственной политики в оккупированных восточных областях. Доктор Р. пригласил Власова в начале января 1943 года к себе в гости и клеймил в его присутствии восточную политику гитлеровской Германии с такой откровенностью, какой я не слыхивал даже среди офицеров армии. (Доктор Р. прекрасно говорил по-русски.) Он заявил, между прочим, что у Гитлера нет никакого представления о России и что «его следовало бы сперва обучить России». Он пообещал Власову и мне взяться за план листовочной акции и «разрубить этот гордиев узел».

К этому времени усилия Гроте получить согласие Розенберга всё еще оставались безуспешными. Я положился на доктора Р., так как он произвел на меня впечатление честного человека с твердым характером.

В ночь на 12 января 1943 года меня неожиданно пригласили на квартиру доктора Р. Он изложил мне свой авантюрный план в отношении листовочной акции.

– Все успехи Третьего рейха основаны на внезапности нападения, – сказал он. – Завтра, в день рождения Розенберга, и я намерен внезапно напасть на него с воззванием Смоленского Комитета.

Это заявление доктора показалось мне хвастовством. Но утром зазвонил телефон в моем кабинете в ОКВ/ВПр на Викториаштрассе и знакомый голос доктора Р. заговорил по-русски:

– Говорит чёртова бабушка. Только что подписано согласие министра на печатание и распространение воззвания. Пожалуйста,

пришлите кого-нибудь забрать документ сразу же, пока высокопоставленная персона не изменила своего решения. Это вполне вероятно! Значит нужно действовать быстро, очень быстро!

Гроте, бывший также и связным офицером от ОКВ/ВПр с Восточным министерством, быстро отправился и очень скоро вернулся – с разрешением министра в кармане.

А дело было так. Утром 12 января доктор Р. явился к министру Розенбергу, чтобы поздравить его с днем рождения. В разговоре с глазу на глаз он упомянул, что рейхсфюрер СС (то есть Гиммлер) интересуется Русским Освободительным Комитетом в Смоленске. Он намекнул, что Гиммлер, судя по всему, не прочь взять на себя инициативу основания Русского Комитета. Поэтому он, доктор Р., хотел бы получить копию воззвания, так как он направляется в штаб Гиммлера. (Розенберг знал о связях доктора Р. с Гиммлером и, вероятно, их переоценивал.)

Розенберг, конечно, не хотел допустить усиления влияния Гиммлера на политику в занятых восточных областях. И поэтому он, в присутствии доктора Р., подписал согласие на воззвание.

Энергия Гроте была достойна высших похвал: уже через несколько часов ротационные машины, стоявшие наготове, отпечатали несколько миллионов листовок со «Смоленским воззванием». Разосланы и распространены они были быстро и четко. Армия и воздушный флот сделали свое дело. Вскоре нам сообщили, что самолеты «сбились с курса» и, вопреки строжайшему предписанию Розенберга, сбросили листовки не только по ту, но и по эту сторону фронта. В Смоленске текст воззвания был перепечатан одной из местных типографий и тоже распространен. В других местах население размножало текст от руки.

С молниеносной быстротой расходилось в народе известие «о новом политическом курсе». Гроте и я хорошо знали, что никому из нас не принадлежит заслуга «сбившихся с курса» самолетов и сброса листовок по эту сторону фронта. Но мы радовались, что идеи о русской свободе прорвались в массы и это создало fait accompli, и что трудно будет эти идеи задушить. (Тогда казалось, что это действительно так.)

Сухопутные и военно-воздушные силы в течение месяцев нетерпеливо ждали, что высшее политическое руководство примет решение в этом смысле. Теперь они хотели использовать все возможности, без оглядки на близорукие ограничения из Берлина. Фронтовые части сами, без нашего участия, заботились о как можно более широком распространении воззвания. То же делали и тыловые дивизии, надеявшиеся ослабить этим деятельность партизан. Но самым важным было то, что миллионы русских людей обрели новую надежду.

Однако вопреки Сталинграду и вопреки явному успеху этой политической акции, появился приказ: воззвание Смоленского Комитета предназначено только для сбрасывания на территории противника. Распространение его по эту сторону фронта воспрещено! Виновные будут наказаны! Розенберг и Кейтель из страха перед Гитлером вновь договорились между собой.

Все, что мог делать ОКХ, – бомбардировать начальника Генерального штаба потоком донесений о блестящих результатах воззвания; но генерал Цейтцлер, сменивший на этом посту Гальдера, так и не добился отмены приказа.

Фронтовые офицеры не могли понять, как мог Берлин вести такую двойную игру, как он мог пойти на столь прозрачный и идиотский обман: если сказанное в воззвании Освободительного Комитета не относится к населению занятых областей, тогда всё, что говорили немцы, должно быть лишь ложью и обманом! Советская разведка в оккупированных областях работала прекрасно. И было очевидно, что Советы широко обыграют этот «новейший немецкий обман».

Генерал Власов был глубоко разочарован. Он удивлялся лишь тому, что в национал-социалистической Германии люди еще могут сами ослаблять гайки и что «таких людей, как доктор Р., Мартин, Гроте и Штрикфельдт, не поставили к стенке». Понятно, что его доверие к этим лицам возросло, а надежда его на конечный успех была сильно поколеблена.

Генерал Жиленков удовольствовался замечанием:

– К сожалению, клубу самоубийц помочь невозможно. Жаль лишь, если нам придется погибнуть с ними вместе.

Между тем, однако, возникли надежды на перемену ветра в Министерстве пропаганды. По словам полковника Мартина, официальные лица настроились на такую линию поведения: почему не организовать Русский Освободительный Комитет, если это поможет нам? В конце концов, не обязательно потом исполнять слишком точно все обещания.

Зыков и Жиленков сразу посмотрели в корень. Так действовал бы Сталин: «Давай обещания; потом посмотрим, насколько нужно их выполнять».

– Суть дела, однако, в том, – сказал Жиленков, – кто будет сильнее к тому времени.

Зыков никогда не говорил так открыто. Он был склонен держать свои мысли при себе. Но оба посчитали, что в Министерстве пропаганды сидят неплохие провидцы. Они считают: выпусти кота из мешка, пока это полезно, а потом его можно и утопить.

– В том случае, – заметил Жиленков, – если кот растеряется, и его удастся поймать.

Из слов Мартина можно было понять, хотя он прямо этого и не говорил, что сам Геббельс был заинтересован в Смоленском воззвании.

Примерно в то же время меня посетил один чиновник Министерства пропаганды, балтийский немец, ранее горячий поклонник национал-социализма, ныне прозревший. Он сообщил, что Геббельс решил убедить Гитлера в необходимости радикального изменения восточной политики. Геббельс намерен настаивать на обнародовании» прокламации фюрера» к «восточным народам», на базе новых взаимоотношений между рейхом и этими народами (в общих чертах совпадавших с установками нашего круга друзей). По словам моего собеседника, Геббельс заявил, что эта декларация новых принципов должна предшествовать всем другим шагам и проложить путь к

решению всех проблем, как-то: организация национальных комитетов, органов самоуправления, экономического сотрудничества, создание добровольческих вооруженных частей, мероприятия по борьбе с партизанами и т. д.

Геббельс был, конечно, прав, если даже он рассматривал вопрос не с высшей, европейской точки зрения, а имел в виду лишь предотвращение опасности, нависшей над гитлеровским рейхом.

Наш новый друг заметил:

– Хотя Геббельс и говорит всё еще о «восточных народах», но это уже большой шаг вперед, если ближайший сотрудник фюрера решился на столь явное изменение политического курса в России.

Это был, действительно, шаг вперед; это было то, на что надеялись офицеры в Генеральном штабе, на что надеялся Власов. Если это не было уже слишком поздно.

Однако через несколько недель мы услышали, что Геббельс встретил решительный отпор то ли со стороны своего коллеги Розенберга, то ли со стороны самого Гитлера. Мы так и не узнали подробностей.

Подготовленная при содействии полковника Мартина и уже намеченная встреча Геббельса с Власовым была отложена до дальнейших времен.

Дабендорф и русские добровольцы

Поражение под Сталинградом вызвало у многих наших русских друзей чувство подавленности и раздвоенности. Многие недели они уже следили за развитием событий, сравнивая противоречивые немецкие и советские сообщения.

Я еще вижу их, столпившихся при изучении карт. Зыков вновь первый заговорил:

– Как русские, мы должны были бы радоваться русской победе. Но как русские борцы за свободу мы этого не можем. Ведь каждая победа Красной армии означает усиление сталинского террора и дальнейшее закабаление русского народа на неопределенное время. Удар, нанесенный 6-ой германской армии, косвенно нанесен и нам.

Власов, молчавший до сих пор, сказал фразу, которая позднее стала как бы лозунгом:

– Россия – наша. Я имею в виду, – продолжал он, – свободную Россию, Россию, о которой мечтает наш народ, – не под сталинским ярмом, а ту, что на нашей стороне, борцов за свободу.

* * *

И снова мы были в сфере «малых шагов». Нашей непосредственной задачей было сейчас развивать то, что мы начали в Дабендорфе.

Как и раньше, приходилось бороться с разного рода запретами. Запрещено было употреблять слова «Россия» и «русский». Под запрет попала и Волга, как «русская река», о которой поется в народной песне. Вместо «русская река» в текст было вставлено «мощная река». Немецкие власти воображали, очевидно, что русские будут петь свои песни с навязанным им текстом!

Живо помню совещание в Отделе пропаганды ОКВ/ВПр, созванное для решения вопроса, как следует дальше называть русских солдат в германской армии. Наименование «хиви» было унизительно и непереводимо на русский язык. Граф Штауфенберг специально заехал в Берлин, по дороге к своему новому месту службы – в Африке. Я представлял Отдел ФХО. Присутствовали представители ОКВ,

Министерства пропаганды и Восточного министерства. Не могу припомнить, был ли также представитель генерала восточных войск.

Штауфенберг требовал перейти к точному термину «доброволец» («Freiwilliger»). Против этого возражали представители Восточного министерства и Министерства пропаганды. Споры затянулись до бесконечности. Наконец, Мартин сказал с сарказмом:

– Хорошо, издадим приказ ОКВ, оповещающий все воинские части и всё русское население, что воюющих в наших рядах русских солдат следует называть, письменно и устно, «Иванами», что будет соответствовать, примерно немецкому «Фрицу». Последнее только для разъяснения термина немецкому составу частей, – добавил он со смехом.

Представители министерства, наконец, сдались. Определение «доброволец» («Freiwilliger») было отвоевано. Так же стала называться и новая русская газета для добровольцев.

Мне было стыдно докладывать Власову подробности этого обсуждения. Я только сказал ему, что название «Доброволец» для намеченной нами газеты для добровольческих русских частей принято.

* * *

Вскоре русские редакции были настолько укомплектованы, что смогли выйти первые номера уже упомянутых мною газет: «Доброволец» – для русских воинских частей, и «Заря» – для русских военнопленных. Главным редактором стал М. А. Зыков, его заместителем – украинец Николай Васильевич Ковальчук.

Хотя еще оставался в силе запрет публиковать по эту сторону фронта воззвание Смоленского Комитета, находчивый Зыков быстро придумал выход из положения: можно было ссылаться на его

содержание как на «общеизвестное» или говорить: «сообразно общей линии Освободительного Комитета…» Обе газеты писали, что они борются не за Германию, а за свободу своих соотечественников. Они не замалчивали тяжелой судьбы военнопленных, но открывали возможности лучшего будущего и возвращения на родину, освобожденную от террора. Они звали не к ненависти, а к примирению, несмотря на все перенесенные страдания.

Будущим поколениям трудно будет понять, как это немцы, в жестокой войне против Сталина, старались подавить освободительное движение, которого так боялся Сталин.

Цензурные предписания для обоих органов печати были достаточно «либерально» намечены Гроте – немецким «главным цензором». Содержание газет могло носить патриотический характер, но нельзя было давать какие-либо конкретные политические обещания. Исключались «великорусские амбиции, учитывая наличие национальных меньшинств». Гроте приходилось тонко лавировать. Немецкий член редакции Вернер Борман был вынужден почти ежедневно вычеркивать целые абзацы из статей своих русских коллег, как «чересчур патриотические», но так, чтобы творческий порыв их не иссякал. Борман сидел меж двух огней. Его немецкие начальники всё время находили что-то либо слишком прорусским, либо слишком шовинистическим, а иногда и бесцветным или непонятным. Но постепенно газеты стали хорошо выполнять свои функции. Справляясь предварительно в цензуре на Викториаштрассе, русские избегали цензурного карандаша и, умело лавируя, в высокой степени овладели искусством эзоповского языка. Обе русские газеты выходили дважды в неделю. Их немецкий редактор Борман добился того, что, несмотря на воздушные бомбардировки и цензуру, вплоть до ноября 1944 года в выходе обоих органов не было ни единого перерыва.

Помимо обслуживания самих русских, обе газеты выполняли и другую важную задачу всюду, где немцам приходилось иметь дело с русскими людьми. Гроте пришла блестящая мысль прилагать к газетам сокращенный пересказ содержания на немецком языке – «для информации немецкого кадрового состава». Краткий немецкий текст

читали немецкие офицеры и солдаты, как на фронте, так и в лагерях военнопленных. И те из них, кто до сих пор этого еще не знал, узнавали, что русский – никакой не «унтерменш», а такой же человек. «Хорошему немцу» говорила это теперь не только его совесть, но и само верховное командование, да еще «по служебной линии». Без сомнения, эти приложения помогли облегчить участь многих тысяч советских людей.

Со стороны национал-социалистических властей – поскольку и Восточное министерство, и Министерство пропаганды, и даже СД пытались добиться влияния на русские газеты – от времени до времени высказывалось осуждение тому, что газеты совершенно не пропагандируют антисемитизма или даже (как говорилось в одном из протестов) «не ведут антисемитской воспитательной работы». Бернеру Борману всё труднее было отбиваться от этих обвинений.

И опять-таки Зыков нашел выход из положения:

– Хорошо, – сказал он мне, – мы включим антисемитские материалы в «Доброволец» и в «Зарю». Мы будем брать их из немецких газет, например, под заголовком: «Фёлкишер беобахтер» пишет – двоеточие. Наши читатели сразу поймут, что эта заметка идет в нагрузку. Советский человек научен читать между строк!

Зыков нашел патентованное решение, и оно себя оправдало.

Но работа в Дабендорфе велась с большим успехом не только в области прессы.

Русским руководителем учебной части Власов назначил сперва пожилого, с несколько сангвиническим темпераментом, генерала Ивана Алексеевича Благовещенского. Вскоре его заменил умный, осмотрительный и энергичный генерал Федор Иванович Трухин. Трухин был русским и европейцем. Он был корректным человеком и способным генштабистом.

Власов, Малышкин и Трухин подбирали инструкторов и учителей, будущих дивизионных и полковых командиров и других старших офицеров. Одновременно был подобран административный персонал.

Таким образом, создавался резерв, из которого можно было бы черпать руководителей, когда и если понадобится.

Первоочередной задачей было наладить обучение инспекторов для лагерей военнопленных и находящихся на фронте добровольцев. Всё это, как я уже говорил, было чисто русским делом, в которое мы, по соглашению с Власовым и Малышкиным, не хотели вмешиваться. Но всё в целом должно ведь было функционировать как бы в немецком обрамлении. И тут возникли трудности. Деллингсхаузен должен был постоянно иметь дело с немецкими властями, так как его обязанностью была координация всех мероприятий русского руководства и немецких учреждений. Я сам, как и прежде, был часто в разъездах между ОКВ в Берлине и ОКХ в Мауэрвальде. Приходилось решать политические задачи и координировать действия. Гелен, Рённе и Штауфенберг, как и его преемник Кламмрот, постоянно посильно помогали нам. Между тем, пришлось учитывать мнение еще одной, новой контрольной инстанции – бюро «генерала восточных войск».

Когда была разработана русская учебная программа и доклады лежали перед нами в готовом виде, мы столкнулись с серьезными трудностями. Мы, оказывается, снова опередили события.

Темы и тезисы курсовой программы не вызвали возражений, но содержание материалов, а главное тон изложения обнаруживали большие расхождения во взглядах русских и представителей министерства Розенберга, а также генерала восточных войск.

Немецкий руководитель учебной части барон фон дер Ропп уже имел подобный опыт по лагерю в Вульхайде. Мне было ясно, что мы ни в коем случае не должны сейчас обострять отношений ни с Восточным министерством, ни с Министерством пропаганды, тем более, что генерал Ведель (ОКВ) отказался взять на себя ответственность. Ведель лишь «рекомендовал» привлечь оба указанных министерства к утверждению учебных программ.

Быстро решившись, я поехал в ОКХ. Рённе поручил дело «клубу», и в течение десяти дней представленные русскими учебные программы были утверждены. Так дело обошлось без запроса обоих министерств. А

что излагали русские лекторы своим слушателям в ходе учебных занятий – все равно было статьей особой. Русские хотели и могли толковать свои проблемы лишь из свой собственный лад. Это было дело Федора Ивановича Трухина и ответственного за политическую часть нашей программы Александра Николаевича Зайцева. Кстати, с Трухиным и Зайцевым в Дабендорф прибыли и другие представители активной русской эмигрантской организации НТС, членский состав которой пополнился за счёт притока бывших советских граждан. Эта организация оказывала большое влияние на идейное направление в борьбе против Сталина. Как я уже говорил, начальство меня предостерегало от НТС, но Гроте и я видели впереди большую цель, и оба мы познакомились с прекрасными людьми из НТС. Так как и Власов дал свое благословение, мы, на свою ответственность, игнорировали предупреждение. Мы ни разу не пожалели об этом.

НТС следовал политическому курсу среднему между либерализмом и умеренным дирижизмом. Руководство НТС, мировоззренчески принимая взгляды русских философов Бердяева, Лосского и Франка и опираясь также на разработанный Генрихом Пешем (он исходил из католического социального учения) солидаризм, искало новых форм организации общественного и экономического порядка, отвечавших политическим требованиям новой, свободной России.

Хотя с нашей точки зрения, НТС и был организацией старых эмигрантов, но члены его, с ясным пониманием реальной обстановки, сразу же начали совместную работу с людьми из Советского Союза. Именно это Роппу, Гроте и мне казалось решающим. Далее, важно было и то, что НТС, по собственной инициативе, уже начал свою деятельность в занятых областях, в лагерях восточных рабочих и в различных центрах русской жизни, следовательно там, куда мы еще не могли проникнуть. Эта деятельность, по дошедшим до нас сведениям, была свободна от какой-либо связанности иерархическим подчинением, самоотверженной и жертвенной. Далее, то, что такие люди, как Трухин и доцент Зайцев, с одной стороны, и Зыков (антисталинец, но марксист) – с другой, несмотря на ряд противоречий во взглядах, бок о бок работали для осуществления общей огромной задачи, было признаком политической мудрости и терпимости. Пражский манифест 1944 года

носят явный отпечаток этой совместной работы.

Примерно 5000 курсантов прошли через школу Трухина и Зайцева в Дабендорфе.

В то время как группа генералов, ответственных за политику и административную деятельность была на виду, люди вроде доцента Зайцева, Штифанова и ряда других, вели работу против марксизма и отвоевывали сердца. Так, Зайцев, блестящий оратор, открыто говорил своим слушателям, что он борется за Россию и отнюдь не пронемецки настроен. Тотчас же поднялась бессовестная клеветническая кампания против этого безупречно честного человека.

– Послушайте, Вильфрид Карлович, – возразил он мне на мои призывы к осторожности, – эти люди голодали, их били, они страдали от скверного отношения к ним немцев. Неужели вы серьезно думаете, что я завоюю их доверие, если теперь стану ни с того, ни с сего говорить им, что немцы – ангелы? Нет, я должен откровенно говорить обо всем этом. Тогда потом, может быть, я смогу создать иную атмосферу, достичь тех отношений доверия, которые создались между мною и вами, дорогой Вильфрид Карлович. Только если это будет достигнуто, можно надеяться, что они действительно пойдут с нами.

Но для немцев, не понимавших чувств других людей, такой путь казался слишком сложным. Они предпочитали тех русских, которые им поддакивали.

В очень трудном положении находился и немецкий советник по учебной части барон Георгий Васильевич фон дер Ропп: ему приходилось «ограждать» дабендорфскую учебную программу от разных немецких ведомств и в то же время предоставлять свободу действий русским. Но Ропп был не только умницей и искусным дипломатом, но и человеком не робкого десятка. Он принял на себя ответственность и нес ее до тех пор, пока наша помощь русским была нужна.

Курсантские составы заполнялись добровольцами с восточного фронта и добровольцами, отпущенными из лагерей военнопленных.

Сразу же посыпалось множество вопросов, решать которые надо было в самом спешном порядке: формула присяги, флаг, национальные цвета, формы, знаки различия, знаки отличия, снабжение, оплата, военные билеты. Для всего этого не было ни инструкций, ни образцов.

Каждая германская воинская часть устраивалась со своим русским, украинским и другим «вспомогательным персоналом» по своему усмотрению. Русские пленные часто выдавали себя за украинцев, так как установили, что это выгоднее. Поэтому вместо отбора лучших зачастую происходил набор наиболее способных приспособляться.

В Дабендорфе находилось русское руководство и духовный центр Русского Освободительного Движения, а в Лётцене (Восточная Пруссия) – новое учреждение генерала восточных войск, подчиненного ОКХ, созданное Лишь для того, чтобы в рамках «германской организации» охватить всех «хиви» и добровольцев и стараться решить все перечисленные выше вопросы.

Нашей самой главной задачей было, следовательно, согласовывать желания и нужды русского руководства в Дабендорфе с административными задачами генерала восточных войск, с тем, чтобы в целом достичь возможно большей пользы для общего дела. Поэтому мне приходилось большую часть моего времени проводить в Мауэрвальде и Лётцене.

Рённе предложил ОКХ возложить попечение над добровольцами на своего бывшего дивизионного командира генерал-майора Гельмиха. Гельмих и был назначен генералом восточных войск.

Понятие «восточный» для русских имело иной смысл, чем для немцев. Мы знали, что уже ненавистный им нацистский значок «Ost» и русские и украинцы расценивали, как дискриминацию; этим значком метились «унтерменши». Понятие «Ost» игнорировало, кроме того, все национальные различия. До сих пор русских всегда оттирали; и теперь они чувствовали себя задетыми сильнее других. Генерал восточных войск Гельмих сразу этого изменить не мог. Так он с самого начала попал в фальшивое положение «германского командующего всеми наемниками с Востока».

Были у него и еще большие трудности: как мог он отвечать за надежность и боеспособность войска, офицерам и солдатам которого он не мог даже сказать – за что они борются?

Генерал Гельмих, как и большинство его офицеров, не говорил по-русски. Для решения стоявших перед ними всеми сложных задач они располагали всего лишь доброй волей. Даже немцы из России и балтийцы при встречах с советскими людьми должны были переучиваться. Как же было трудно этим немецким офицерам, для которых язык и история, психология и стремления чужого народа были закрытой книгой! Мы в Дабендорфе заведовать отделом кадров полностью поручили русским. Не хотел бы я оказаться на месте немецкого начальника кадров при генерале восточных войск, тем более, что русские его сотрудники, на которых он должен был опираться, были не все из лучших. Иные среди них – соглашатели – в своем назначении усматривали личные шансы для продвижения, особенно когда они видели, что между учреждением их немецкого генерала и Дабендорфом существуют немалые расхождения во взглядах.

Генерал Гельмих взялся за свое новое задание со рвением и оптимизмом. Он ничего не знал о русских, но он отлично понимал, что невозможно сделать хороших солдат из людей, не знающих, за что они дерутся, и видящих страдания своих соотечественников в лагерях военнопленных и восточных рабочих. Он выступал перед своим военным начальством, а также перед Розенбергом и

Геббельсом в пользу разумных решений, чтобы создать приемлемую основу для своей работы. Единственное, чего он добился, это репутации «политического генерала».

«Чего хочет этот “политиканствующий генерал”?» – спрашивали в ОКВ и в берлинских министерствах. Гельмиха успокаивали или отказывали ему. Но он искренне верил в свою миссию, если даже и понимал ее лишь в духе германской задачи.

Личное отношение Гельмиха к генералу Власову было простым и солдатски искренним. Под Москвой они стояли как противники друг против друга. Гельмих командовал тогда 23-ей дивизией. Теперь, в

Берлине, они впервые лично встретились. Я был при этой встрече. Власов начал с резкой критики наименования «восточные войска», сказав, что он не может понять, как немцы, обычно достаточно интеллигентные, могут в такой степени быть поражены слепотой.

– Причина, я думаю, – сказал он, – в том, что эгоизм убивает не только сердце, но и рассудок!

Потом Власов стал настаивать на выделении русских подразделений из немецких воинских частей и на их, по возможности, быстром сведении в национальные русские дивизии. Это то, что, может быть, еще сможет нанести Сталину смертельный удар.

– У нас очень мало времени, – продолжал он, – может быть, уже и поздно, но мы должны сделать, что возможно, – вы и я! Гельмих согласился с этим. Он заявил, что он сделал всё от него зависящее, чтобы изменить наименование «восточные войска» на «добровольцы». Но подчинение добровольцев русскому главному командованию – дело политики. Тут решают политики. Он ничего сделать не может. Его задача – сперва учесть всех добровольцев, а затем заботиться о том, чтобы они, как каждый германский солдат, получали свое жалование и были приравнены в правах к немецким военнослужащим. Это их право, – если ожидать, что они будут драться.

Гельмих и Власов говорили на разных языках, стремясь к различным целям. Но Власов понял, что нельзя было приступать ко второй фазе развития, к которой он стремился, до первой, намеченной для себя Гельмихом.

– И когда думаете вы закончить учёт и снаряжение всех добровольцев? – спросил Власов.

На этот вопрос Гельмих не мог ответить ничего определенного. Он сказал; что, несмотря на все свои усилия, не может получить от командиров немецких частей достоверных цифр об имеющихся у них «хиви». Пополнения из Германии, в данное время, практически прекратились, и каждый немецкий командир боялся ослабления своей части, если у него отберут «хиви».

Власов видел в этом важное, возможно даже решающее, препятствие.

Чтобы скрыть свою досаду, Власов, как всегда в подобных случаях, ударился в пафос и заявил, что он «всё равно не возлагает никаких надежд на наемников, состоящих на немецкой службе». Может быть, ему могли бы дать возможность формировать Освободительную Армию из тех, кто и сегодня еще каждый день переходит на эту сторону фронта. Гельмих отклонил эту просьбу, сказав, что такое решение превышает его полномочия.

На этом разговор был окончен. И никогда впоследствии беседы Власова с Гельмихом не были столь откровенными.

Само собой разумеется, что Гельмих доложил начальству о разговоре с Власовым, и ему было дано понять, что Власов должен пока что ограничиваться ролью «пропагандной фигуры для солдат Красной армии»; его личность для «хиви» должна выставляться лишь в «необходимой» мере.

Какие следствия вытекали из этого для Власова?

Он узнал об искренних стараниях Гельмиха, почувствовал и границы, поставленные генералу восточных войск. Он колебался и обдумывал: не уклониться ли ему от борьбы?

И только после совещания со своими друзьями он, в конце концов, решил остаться на своем посту.

Гельмих, со своей стороны, убедился, что он стоит перед непреодолимыми препятствиями. Его прямолинейные усилия называли «кривыми путями политиканствующего генерала». Он прекратил борьбу и ограничивался с тех пор выполнением своего солдатского долга. После того, как добровольцы были теперь официально признаны, встал вопрос о формуле присяги. Русские и добровольцы других национальностей, по нашему мнению, не должны были, да и не хотели присягать Третьему рейху. Сошлись на том, что присяга должна приноситься своему «свободному народу и Родине». Но Розенберг

требовал одновременно и присяги на верность Гитлеру. Русские спрашивали: «Почему такое требование не ставится румынам, итальянцам, венграм и другим свободным союзникам?»

Власов и его офицеры вообще отказались приносить присягу на верность «вождю немцев». «Какая неслыханная дерзость!» – говорили не только национал-социалисты, но, к сожалению, и некоторые офицеры, чье мышление не шло дальше границ собственного государства. У меня лично были резкие стычки в штабе генерала восточных войск.

Но, в конце концов, более гибкие русские нашли, при поддержке Гроте, «переходную формулировку», как они её называли, содержавшую мнения обеих сторон: русские должны были присягать на верность русскому народу (другие национальности – соответственно своим народам). В то же время все добровольцы скрепляли присягой подчинение «Гитлеру как верховному главнокомандующему всех антибольшевистских вооруженных сил». Само собою разумеется, не все могли примириться и с такой формулировкой, и многие русские офицеры из лагеря Дабендорф предпочли возвратиться в лагеря военнопленных.

Новая формула присяги была неожиданно быстро одобрена Розенбергом. Как мне впоследствии рассказывал сотрудник Восточного министерства доктор фон Кнюпфер, министр лишь немного подумал, когда текст был ему предъявлен, а затем дал согласие и назвал новую формулу присяги разумной и вполне приемлемой. Но позже генерал восточных войск (по указанию сверху?) изъял эту формулу присяги. Все уже находившиеся в обращении воинские книжки, содержавшие этот текст, были отобраны (в тексте говорилось о «свободной родине»). Хотя маловероятно, чтобы Гитлер когда-либо видел образчик воинской книжки, считалось, что он безусловно был бы против «свободной родины для русских и украинцев». Предрешение этого вопроса в воинской книжке, следовательно, могло стоить головы инициаторам дела. Розенберг молчал!

Эпизод этот вызвал новую волну недоверия к немцам, но в ОКВ предпочли игнорировать этот факт.

Постепенно все так называемые «национальные воинские части» в составе немецкой армии получили значки с национальными цветами своих народов. Только самому большому народу – русским – было в этом отказано. Этот вопрос настоятельно требовал своего решения. Но и тут возникли трудности. Исторические русские национальные цвета – белый-синий-красный – были под запретом. Предложения разрабатывались как в Дабендорфе, так и в штабе генерала восточных войск. Дабендорфские проекты на 90 % содержали бело-сине-красные цвета. Один проект соответствовал даже бывшему флагу дома Романовых.

Розенберг сам с интересом занимался вопросом о флаге. Романовский флаг с орлом и бело-сине-красные цвета были им, разумеется, отвергнуты. Напротив, Розенбергу понравился синий Андреевский крест на белом фоне, задуманный в виде небольшого щитка на красном знамени. Лишь обилие красного не понравилось министру, и он предложил свести красный цвет до узкого обрамления белого поля с синим Андреевским крестом. Гроте был доволен и, будучи в Дабендорфе, особо поздравил Малышкина, подготовившего со своими офицерами проект.

Таким образом, национальные цвета в сочетании с Андреевским крестом были отвоеваны. Когда генерал Гельмих приехал в Берлин со своими проектами, решение уже было вынесено. Это обрадовало – Гельмиха, так как его штаб, конечно, придерживался распоряжения о запрете цветов, и Гельмих сам признал, что навряд ли его проекты были бы для русских приемлемы.

От специального сукна для обмундирования пришлось отказаться, поскольку изготовление его практически было немыслимо, как из соображений времени, так и из-за недостатка материалов. Русские добровольцы были разочарованы тем, что им придется по-прежнему носить немецкую защитного цвета форму: от немецких военнослужащих их отличали теперь лишь широкие русские погоны. Но на практике это имело и свои преимущества, так как солдаты видели в русских, в их же форме, товарищей по оружию, а немецкое гражданское население просто не отличало их от своих.

Когда позже высшие русские офицеры получили право носить также немецкие погоны, это подчеркнуло внешне их равное с немцами положение.

Учебный лагерь Дабендорф было не узнать, когда в назначенный день выстроились русские добровольцы, почти все в одинаковой форме и со своим национальным значком, и Власов, в сопровождении своих генералов, принимал парад.

В своей речи Власов обрисовал страдный путь закабаленного русского народа. Он просил людей забыть страдания, причиненные им немцами, так как «без прощения не может быть мира и будущности ни для каждого в отдельности, ни для народов».

Власов говорил просто и с полнейшей откровенностью. Он ничего не скрывал и никого не щадил. Люди ловили каждое его слово! Впервые рядом с немецким флагом над лагерем развевался синий Андреевский крест на белом полотнище.

Гельмих тоже обратился с речью к добровольцам, приветствуя их как товарищей по оружию, «как честных товарищей по оружию в борьбе за будущее Германии». Немецкий офицер-переводчик, не колеблясь, перевел: «в борьбе за будущее русского народа». Когда Гельмиху после рассказали об этом самовольстве переводчика, он тепло поблагодарил его и добавил:

– Там, где встречаются два мира, нужно многое пересмотреть! Я еще не вполне преуспел в этом.

Ведель и многие другие представители генералитета и генерального штаба посещали Дабендорф по случаю подобных торжеств, но также и без особого повода. Таким образом устанавливались некоторые личные контакты, и этим облегчалась наша работа «посредников» между двумя мирами.

Германская пресса, как и прежде, молчала обо всем, так волновавшем русских добровольцев. Известный писатель Эрих-Эдвин Двингер, однако, еще до основания Дабендорфа стал защитником

Русского Освободительного Движения. Он распространил ряд меморандумов, нашедших отклик и в таких кругах, к которым у нас не было доступа. Мужественно выступал, вместе с Двингером, и Гюнтер Кауфман, издатель широко распространенного национал-социалистического юношеского журнала. Оба подверглись неприятностям, а Двингер чуть не попал под суд и ему было запрещено печататься. Но он с еще большим усердием стал вести устную пропаганду среди крупных партийных руководителей, чтобы привлечь их к идеям Русского Освободительного Движения. Многие из них начали теперь чутко прислушиваться, так как, по общему мнению, «Двингер должен понимать, в чем дело».

Русская эмигрантская газета в Париже – «Парижский вестник», много писала об Освободительном Движении. Между ее издателем Жеребковым, редактором полковником Пятницким и Зыковым в Дабендорфе очень скоро установился тесный контакт. Было достигнуто соглашение об общем направлении политики и об информации для добровольческих частей. Русская печать во Франции не была под контролем ОКВ, а действовавшие во Франции цензурные правила давали гораздо большую свободу высказывания и информации.

Одна швейцарская газета опубликовала примечательную статью о Власовском движении. Предполагая, что это движение будет теперь поддержано нацистами, газета указывала на значение такого развития дела для хода войны на Востоке. «За что немцы берутся, то они делают хорошо!» – писала газета «Базлер национал-цейтунг» от 7 июня 1943 года ставила, однако, вопрос: остается ли, при таком развитии событий, еще время для осуществления планов Власова?

Конечно, Зыков не упускал возможности обыграть в «Добровольце» и в «Заре» такие статьи, указывая, что и за границей обратили внимание на Освободительное Движение. Это Движение нельзя уже было замолчать, хотя немецкая пресса и не говорила о нем ни слова.

Поездка Власова на средний участок фронта

Воззвание Русского Комитета в Смоленске имело необычайный успех, в особенности на среднем и северном участках фронта. На южном участке, вполне естественно, всё затмило поражение под Сталинградом, но и оттуда приходили положительные отзывы. А дивизии групп армий «Центр» и «Север» доносили о росте числа перебежчиков из Красной армии. Но главное – у населения занятых областей России, вопреки Сталинграду, возникли новые надежды. Очень явной была перемена настроений также среди добровольцев и «хиви».

Гелен, Рённе и другие офицеры Генерального штаба в ОКХ последовательно продолжали свою линию. С Треско и Герсдорфом из штаба группы армий «Центр» они договорились о том, чтобы Власова пригласили посетить фронт.

Население здесь прямо-таки взывало к Смоленскому Комитету. Где был Комитет? В Смоленске никто о нем ничего не знал. А добровольцы хотели видеть Власова!

Перебежчики приходили с листовками и требовали зачислить их в Русскую Освободительную Армию. Наконец, и фельдмаршал фон Клюге понял, что что-то надо делать, и согласился на приезд Власова на средний участок фронта.

Как охотно сопровождал бы я Власова в этой поездке, чтобы кстати повидать и старых друзей в штабе группы армий «Центр»! Но в начале 1943 года и Дабендорф, и хлопоты в Берлине о приемлемой концепции в вопросе о Национальном Комитете не позволяли мне отлучиться. Дело в том, что совершенно неожиданно, вопреки отрицательной позиции Розенберга, вновь стал актуальным вопрос о создании Национального Комитета Освобождения народов России. В эти недели Гроте вел напряженнейшую борьбу, так как наше дело подошло к решительной фазе.

Я не знаю, кто именно в Восточном министерстве был инициатором или действующими лицами этой новейшей акции. Нельзя было объединить Лейббрандта, Кнюпфера, Бройтигама, Циммерманна и Менде – у каждого из них была своя особая линия.

А началась эта акция, собственно, с описанной конференции 18 декабря 1942 года, на которой присутствовал Розенберг и группа офицеров, возглавлявшихся генерал-квартирмейстером Вагнером.

Хотя Розенберг и эта группа военных встретили тогда отпор со стороны Ставки фюрера, теперь, после листовочной акции Смоленского Комитета к поражения под Сталинградом, особенно резко встал вопрос об укреплении фронта и обеспечении безопасности тыла. Розенберг давно уже понял, что необходимо что-то предпринять. Правда, он всё еще был против «великорусской» установки на «единую и неделимую» Россию, но уже склонялся допустить создание разных «национальных комитетов», включая русский «Национальный Комитет». Он не должен был бы стоять над другими как орган «всей России», но мог быть всё же равноправным подобным же комитетам других народов Советского Союза. (О наших дискуссиях по этому вопросу с Власовым я скажу позже.)

Вот почему я и не мог поехать с Власовым.

Но Рённе и без меня позаботился обо всем. Для сопровождения Власова он выделил офицера штаба генерала фон Шенкендорфа, подполковника Шубута (несколько лет проработавшего в Москве при военном атташе генерале Кёстринге), а также капитана Петерсона (моего бывшего начальника в ФХО).

Я знал отношение Петерсона к интересовавшим нас вопросам. И здесь я хочу привести несколько выдержек из его отчета:

«Прежде всего, я дал генералу Власову свой пистолет, – я не мог допустить, чтобы он ехал на фронт без оружия.

Наш первый этап: Белосток-Минск-Смоленск.

Отдел пропаганды штаба группы армий «Центр», возглавляемый майором Костом, взял на себя подготовку поездки. Всё было сделано умело и тактично, и организация поездки была безукоризненной. Население везде оказывало восторженный прием. Собор в Смоленске – русский театр – собрания – массовые митинги – встречи с людьми.

Большое впечатление произвел на Власова прием у генерала фон Шенкендорфа и откровенный разговор с этим смелым поборником общих интересов немецкого и русского народов в борьбе против Сталина… «Замечательный человек!» – сказал Власов после посещения Шенкендорфа.

Власову пришлось во время поездки отвечать и на острые вопросы добровольцев и представителей населения. Например:

Вопрос: Господин генерал, почему после воззвания Смоленского Комитета ничего не слышно об этом Комитете и о вас лично?

Ответ: Россия велика. Словечко «Смоленский» на листовке вы не должны принимать буквально. Но вы же знаете, как было под Сталиным. А обо мне вы вскоре будете слышать больше и чаще. Ведь мы только начинаем.

Вопрос: Почему не распускают колхозы?

Ответ: Быстро ничего не делается. Сперва надо выиграть войну, а тогда уж – земля крестьянам!

Штаб группы армий «Центр» распорядился, чтобы Власову, для его обращения к населению, была предоставлена радиостанция в Бобруйске.

Но за это время на поездку Власова и на ее последствия обратили где-то внимание, вероятно, в ОКВ. Радиообращение Власова было запрещено. Показательно, что немецкий руководитель радиостанции не совсем примирился с запретом и по Бобруйской радиостанции было сказано, что в данный момент в радиостудии находится почетный гость: “Генерал Власов совершает инспекционную поездку по освобожденным

областям и передает свои лучшие пожелания всем искренним русским патриотам…”

Добираясь к разным русским частям, мы зачастую проезжали через леса и пустынные места. Порою мы должны были ехать в броневиках или в сопровождении отрядов добровольцев. В этих местах действовали партизаны, о которых несколько месяцев назад не было слышно…

В частях везде – восторженный прием, хорошая дисциплина…

Мы посетили один казачий полк. Большинство личного состава – бывшие красноармейцы, офицеры – старые эмигранты. Власова поразил дух товарищества, царивший в этом полку, несмотря на разнородность его состава.

Перед отъездом Власова командир полка (эмигрант) задал генералу вопрос: как он относится к эмигрантам?

Ответ Власова: Мы все боремся – быть или не быть! Каждый, кто готов рисковать жизнью в борьбе против Сталина, – наш союзник и товарищ, каково бы ни было его происхождение. Но если кто-нибудь примыкает к нам из чисто личных и эгоистических побуждений, – будь то желание получить обратно свои бывшие владения или же стремление хорошо пожить у немцев, как некоторые из бывших красноармейцев, – то таким не место в наших рядах.

Ответ Власова был встречен бурными аплодисментами».

Общий вывод Петерсона из своих впечатлений: «Теперь мы на правильном пути, который может привести нас к политическим и военным успехам».

Власов вернулся в Берлин в приподнятом настроении. Он впервые как свободный человек непосредственно соприкоснулся со своими соотечественниками в занятых областях. Всё пережитое при этом укрепило его в убеждении, что его путь верен. «Если только не слишком поздно», – повторил он уже не в первый раз.

Вместе со своими ближайшими сотрудниками он составил меморандум с целым рядом требований, среди них – отказ от колониальной политики, признание Русского Освободительного Комитета и создание Русской Освободительной Армии под русским командованием, непредрешение вопроса о новом порядке после освобождения от сталинского режима.

Этот меморандум был вручен Гроте в ОКВ/ВПр для передачи дальше по начальству.

Гроте уже знал, что Розенберг вновь потерпел у Гитлера неудачу с предложением о создании национальных комитетов, но настроенные в пользу Власова сотрудники Восточного министерства не признавали еще себя побежденными. «Требования» Власова, из тактических соображений переименованные капитаном Гроте в «предложения», последний передал генералу Веделю и снова в Восточное министерство. Там их, очевидно, и «замариновали».

Проблема национальностей и «Открытое письмо генерала Власова»

Невозможно даже представить список тех проблем, с которыми наши русские друзья беспрерывно к нам обращались и которые мы так или иначе решали. Но весной 1943 года, как уже упоминалось, вновь остро встала проблема национальностей.

Розенберг был готов признать право на государственную независимость за украинцами (под немецкой опекой), а кроме того, за рядом некоторых областей – право на национальную автономию. Но не за русскими! Было ли это действительно его последним словом?

Власов и его штаб в меморандуме выставляли свое требование: никакого национального дробления во время войны; все силы – на

борьбу со Сталиным. Позже, заявил Власов, национальный вопрос может быть решен на основе свободного народного волеизъявления. Власов сам был за культурную автономию и за иные права малых народов, как они зафиксированы в Конституции СССР. И он был совершенно искренен, когда говорил о самоопределении народов.

Трагизм был в том, что немцы совсем не хотели действительного самоопределения и что они не верили в искренность Власова в этом вопросе. Для Розенберга Власов был великороссом и поборником идеи «великой и неделимой России».

По моему убеждению, национальные противоречия в России могли быть преодолены лишь в рамках общеевропейского правового и государственного порядка на основах равноправия и самоопределения.

Я пришел из мира хозяйственников и не был достаточно компетентен, чтобы разрабатывать соответствующие предложения. Поэтому я прибег ко мнению знающего дело человека: посланник Вернер Дайтц, некогда бывший восторженным сторонником Адольфа Гитлера, в начальном периоде национал-социализма разработал стройную теорию германской внешней политики, которая базировалась на неприкосновенности и суверенности других народов. От Дайтца я впервые услышал о «жизненном пространстве для европейской семьи народов». Я цитирую Вернера Дайтца:

«…Общеевропейская польза выше националистической (шовинистической) корысти…»

«…Важно, чтобы каждый народ располагал своим жизненным пространством. Только второочередным является вопрос – какие государственно-правовые формы выявляются на этом бесспорном жизненном пространстве…»

«…Правом семьи народов заменится насилие (pax europeana)..»

«…Все народы Европы – в том числе и русские – должны согласовывать свои нормы жизни, права и территориальные притязания с новой общеевропейской линией…»

«…При новом порядке необходимо учитывать производственный потенциал отдельных народов…»

Это только отдельные и, может быть, не самые интересные мысли Дайтца. У меня сохранилось лишь немного выдержек из меморандумов посланника Дайтца, но мне удалось ознакомиться с некоторым частностями его программных соображений, относящихся ко времени, когда он еще мог говорить с Гитлером о внешнеполитических и политико-экономических проблемах.

Я постарался передать Власову и его друзьям эти мысли. Дайтц и его сотрудники составили ряд меморандумов и, в переводе, они были предоставлены Власову. Наиболее важные програмные положения обсуждались затем в окружении Власова. На содержащиеся во многих местах этих меморандумов выпады против англо-американского капитализма или против евреев просто не обращали внимания. Русские прекрасно понимали, что авторы должны были делать такие уступки нацизму, если хотели довести свои тезисы до общественности. Идея же перестройки Европы в содружество народов с одинаковыми правами нашла живой отклик у Власова и его сотрудников.

Немедленная их реакция была: программа хороша. Но сами вы – немцы – так же далеки от ее осуществления, как и Сталин. Европейская взаимная польза должна стоять над соображениями националистически корыстными, а насилие должно быть заменено правом! Но пока что вы придерживаетесь теории о «Великой Германии», не признающей суверенности поляков, чехов, балтийских и других народов. Мы, как русские, должны вам тогда противопоставить идею «Великой России»! Или – или: или изображенная Дайтцем семья народов с ее крупномасштабной экономикой и с образующими ее суверенными народами, или два больших блока – «Великая Россия» и «Великая Германия» – с «балансированием мощи» обеих сверхдержав.

Германия могла бы взять на себя водительство в европейском содружестве народов, – если коренным образом изменится политика Германии и права других народов будут признаны.

В то же самое время, как говорит Дайтц, решающим является

производственный потенциал отдельных народов, а он может со временем перемещаться, и центр водительства также может перейти из Берлина в Москву или даже в Прагу, а может быть, в Париж или Рим.

Таково было общее направление дискуссий по внешней политике в Дабендорфе, в которых Власов принимал живое участие. Во всяком случае, маленькая группа Власова видела проблемы народов Европы гораздо яснее, чем правительство Третьего рейха. Она продумывала эти проблемы до конца. Потому и мог Власов, со спокойным сознанием превосходства, встречать подступающие к нему вопросы текущей политики. И ни в коем случае не было оппортунизмом, когда он нередко заявлял своим немецким партнерам:

– Вы можете иметь то или другое! Европейскую семью народов или два больших блока! Чего вы хотите? Оба эти пути открыты! Только путь колонизации России я отклоняю.

Вернер Дайтц никогда не встречался с Власовым. Он сознавал свое бессилие и сказал мне однажды» что любой придворный шут мог сказать своему королю больше, чем он своему фюреру. Он, Вернер Дайтц, сегодня даже и не «придворный шут». Однако Дайтц всё еще надеялся, что в один прекрасный день Гитлер образумится. А пока что немец Дайтц стыдился встретиться с русским Власовым, после всего, что русские выстрадали от немцев.

После войны я узнал, что Вернер Дайтц в 1945 году покончил с собой.

* * *

Я подробно изложил это «несовершившееся в национальном вопросе», чтобы были яснее установки генералов Власова, Малышкина и Трухина, когда, на базе ложных предпосылок, был основан «Комитет Освобождения Народов России».

Что касается европейской идеи, то мне можно было бы поставить в некоторую заслугу, что в апреле 1943 года я побудил генерала Власова опубликовать «Заявление по национальному вопросу».

За это заявление Власов подвергся резким нападкам, особенно со стороны некоторой части русских эмигрантов. На немецкой стороне это важное заявление, составленное с учетом трудного положения Германии и Западной Европы, осталось практически незамеченным, как не было услышано и высказывание генерала Малышкина на съезде бывших военнослужащих Красной армии в Брест-Литовске. Это заявление по национальному вопросу было ясно. Даже руководитель Главного отдела политики Восточного министерства доктор Лейббрандт сказал, что опубликование заявления Власова приветствовалось бы его министром, так как им было бы выбито оружие из рук противников генерала, видевших в нем до сих пор, лишь поборника «Великой России». Но министр по делам Востока молчал. Программное заявление Власова не было использовано немецкой стороной.

Как мы знаем ныне, в мире, придуманном для себя Гитлером, не оказалось места для новой, свободной Европы. И, поскольку нацистский режим похоронил «европейскую идею», в окружении Власова все более распространялась идея «Великой России». И это понятно.

Но насколько генерал Власов и его окружение были захвачены этой «европейской идеей» видно из открытого письма генерала, опубликованного в марте 1943 года под заглавием «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (см. Приложения). Предыстория этого документа, в общих чертах, такова:

Распространение Смоленского воззвания в оккупированных областях всё еще было запрещено. Это срывало надежды всех поддерживавших Власова немцев на радикальные изменения в политическом ведении войны. Русские, окружавшие Власова, были горько разочарованы в своих ожиданиях. Как я уже говорил, русское население спрашивало: где же Комитет? и что случилось с Власовым? Настроение населения ухудшалось с недели на неделю. Отдел ОКВ/ВПр видел необходимость предпринять что-либо.

Я не знаю, кто – Мартин или Гроте – пришел к мысли, что запрет ведь касается формально Смоленского комитета, а не Власова лично. Мартин нашел брешь в позиции ОКВ. Он рассуждал так: «Если бы Власов согласился рассказать о своей жизни и своем опыте в СССР и объяснить причины, побудившие его начать борьбу против сталинского режима, то в инструкциях нет ничего, что можно было бы истолковать против проведения такой русской акции».

Не помню также, кто выразил общее мнение:

«В конце концов, несмотря на все поражения, немцы еще занимают русскую территорию с 60–70 миллионами русских людей. Это – наши люди. Нужно вырвать их у немцев. А военнопленные и остовцы! Только мы можем помочь им. Мы, Андрей Андреевич, – единственная русская ячейка. Только мы одни можем сейчас поднять голос России здесь и в нашей стране и распространять идеи свободы».

Я был полностью согласен с ними. И добавил к этому:

– Андрей Андреевич! Если б я был не немцем, а англичанином, вы и ваш штаб, вероятно, жили бы в одном из лучших отелей и выполнялись бы все ваши желания. Без сомнения, умные британцы выложили бы вам на стол не только виски и сигареты, а и чек для вашего комитета – с многозначной цифрой фунтов стерлингов. Будьте рады, что немцы столь порядочны, или столь глупы, что до сих пор всего этого не сделали. Вас никто не может упрекнуть, что вы продались немцам. Ни клочка той одежды, что на вас, вам не выдали немцы – и даже новые очки всё еще не готовы.

Он внимательно меня выслушал, а потом сказал:

– Вы правы. Но это не политика великой державы. Если германское правительство думает такими методами покорить Россию и даже весь мир, – это просто смешно.

Затем Власов и Зыков уселись вместе. Власов рассказывал, и из-под блестящего пера Зыкова возникло знаменитое Открытое письмо, которому Власов позднее был обязан своей большой популярностью во

всех слоях населения. Место туманного Комитета заняла одна личность. Она стала воплощением идеалов и надежд. Благодаря опубликованию Открытого письма популярность генерала Власова выросла настолько, что в дальнейшем Освободительное Движение Народов России стали в народе называть Власовским движением.

В своем открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» Власов резко бичует сталинский режим. Власов обращается к своим согражданам как крестьянский сын и как бывший командир Красной армии. Сталин – не советская система – клеймится как главный враг русского народа. (Здесь проступает влияние Зыкова.) Борьба против Сталина, борьба за мир и Новую Россию – долг всех русских людей, а антибольшевистское Освободительное Движение – их подлинное отечество. Власов призывает своих соотечественников, в союзе с германским народом и в строю «состоящей из равноправных и свободных народов европейской семьи» отвоевать себе новую, счастливую Родину. Примечательно, что в этом документе, в соответствии с принципиальной установкой Власова, говорится только о «союзе с германским народом», но не с его тогдашним национал-социалистическим правительством. Равным образом, в тексте нет ни одного высказывания, указывающего на готовность Власова к компромиссу с гитлеровским режимом, в смысле зависимости от него.

Это Открытое письмо – доказательство того, как могут развиваться идеи бывших советских граждан, освободившихся от власти советской среды и получивших возможность свободно обдумать свои проблемы.

Восточное министерство не могло ничего возразить против этой, по мнению чиновников, «неполитической акции». Поэтому Открытое письмо могло печататься и распространяться всюду по эту сторону фронта – в оккупированных областях, в лагерях военнопленных, во всей русской прессе. Для информации германского офицерства в штабах, на фронте, в комендатурах лагерей военнопленных, Гроте приказал отпечатать немецкий перевод «Письма Власова»: его читали и распространяли с величайшим интересом.

Действие документа всюду было чрезвычайно сильное. Как я смог установить позже, при моих многочисленных контактах, огромное

количество немцев на крупных постах только из этого письма узнали о Власове и даже вообще о существовании «русской проблемы».

Поездка Власова в группу армий «Север» и акция «Просвет»

Прежде чем перейти к поездке Власова на северный фронт, я хотел бы коротко остановиться на некоторых событиях в Дабендорфе.

В феврале 1943 года у меня в ОКВ появился офицер в незнакомой мне до тех пор полевой форме: инженер Сергей Фрёлих. Он предъявил бумаги от центрального штаба СА, из которых следовало, что Фрёлих командируется в качестве связного офицера между штабом СА и штабом Власова.

Я знал Фрёлиха по Риге, где мы часто играли в хоккей на льду в противоборствующих командах. Отец Фрёлиха был владельцем большого коммерческого предприятия и пользовался блестящей репутацией. Первой моей мыслью было, что Фрёлих прислан СА для надзора за Власовым и моей организацией. Такое задание противоречило бы облику этого безупречного спортсмена, которого я хорошо помнил. Но в современной Германии можно было ожидать всего! И я сказал напрямик:

– Если вы присланы партией для надзора за мной, то я ожидаю, что вы мне это скажете. А если вы пришли как друг и помощник, таким, каким я вас знал в Риге, то добро пожаловать.

Фрёлих открыто и прямодушно смотрел на меня своими большими голубыми глазами. Дальнейших объяснений не потребовалось. Но причина, по которой он у меня появился, всё же весьма интересна. Он сам придумал себе «миссию», так как он – и его друзья в СА также – видел во Власовском движении единственный возможный путь, чтобы

закончить войну на Востоке. Фрёлих был немцем, русским и латышом одновременно, то есть он был настоящим европейцем. Он указал на разные практические возможности, открывающиеся из связи Власова и его штаба с его, Фрёлиха, друзьями, которые можно сразу реализовать. В первую очередь это относилось к снабжению и вооружению. Мы быстро заключили союз.

Делу Русского Освободительного Движения и «другой Германии», в которую он верил, Фрёлих приносил большие личные жертвы и остался верен до горького конца.

Учитывая особое положение Власова, его частную квартиру мы перевели из Дабендорфа, лежащего вне Берлина и находившегося на положении лагеря с установленным распорядком жизни, в скромную виллу на Кибицвег в одном из районов Берлина – Далеме. Здесь он поселился вместе со своими двумя главным помощниками – Малышкиным и Жиленковым, под охраной русской команды и под опекой Сергея Фрёлиха. Фрёлих нашел людей, хорошо относившихся к Движению и хотевших ему помочь. Фрёлих меблировал дом и оборудовал в саду виллы бомбоубежище; он доставал строительные материалы через близких ему предпринимателей, сочувственно относившихся к Власову; он получил, благодаря своим связям, первое оружие и аммуницию для охраны Власова.

Предоставленные Дабендорфу мотоциклы постепенно были обменены на автомобили, владельцы которых не получали достаточно горючего и потому охотно брали мотоциклы. Дабендорф посылал в Далем нормальный рацион продуктов, а Фрёлих доставлял из Прибалтики «дополнительное питание», что давало Власову возможность, хотя бы в скромных рамках, осуществлять требования представительства. Власов, Малышкин и Жиленков довольствовались своим скромным дневным пайком (однажды моя жена рассказала мне, как она была растрогана, когда она навестила Малышкина и он поделил с нею полученные им небольшие порции хлеба и искусственного меда).

Русское Освободительное Движение росло не стараниями германских фронтовых или штабных офицеров, но благодаря всё более громким требованиям русского населения и всё возраставшей

уверенности в себе русских добровольцев. Во Власове видели человека, могущего освободить население от притеснений со стороны оккупационных властей и спасти от неизбежной мести Сталина при возвращении Красной армии.

Фельдмаршал фон Кюхлер и генерал Линдеманн по собственной инициативе пригласили Власова посетить северный фронт. Они узнали о его успехе на среднем участке фронта.

Власов спросил меня – не пришел ли за это время ответ на его требования, переданные им Гроте по возвращении из группы армий «Центр». Он считал, что его поездка во Псков и Гатчину на северном фронте теряет смысл, если правительство не склонно серьезно рассмотреть выдвинутые им политические проблемы. Как всегда, Гроте, с присущим ему тактом, рассказал правду и откровенно заявил, что он просто понять не может глупости нацистской бюрократии. При этом разговоре, кроме меня, присутствовал и Дюрксен, за это время полностью вошедший в доверие Власова; он также открыто высказывал свое возмущение.

Гроте сказал Власову, что приглашение на северный фронт дает ему, Власову, возможность лично познакомиться с фельдмаршалами и другими высшими офицерами и продвигать идею Русской Освободительной Армии в этих ключевых военных кругах. Этот аргумент, а особенно открытая критика Гроте и Дюрксеном политики их собственного правительства, произвели на Власова большое впечатление. Он сказал, между прочим:

– Говорят, что национал-социализм и большевизм – два сапога пара. Это неверно. Вы можете критиковать, иметь свое мнение и даже настаивать на нем. Это всё же – большая разница!

И согласился поехать, «хотя бы, чтоб повидать генерала Линдеманна, который так хорошо отнесся ко мне в свое время».

Эта вторая поездка состоялась с середины апреля до начала мая 1943 года и была полным личным триумфом Власова, которого население всюду восторженно встречало. Но эта же поездка, как раз

из-за триумфального своего характера, нанесла Освободительному Движению страшный удар.

* * *

По своем возвращении из поездки Власов провел ряд совершенно секретных встреч со своими ближайшими сотрудниками, причем был разработан план операции, в подробности которого я был затем посвящен.

Целью этого плана было захватить еще не занятую германской армией полосу между бывшими царскими летними резиденциями Ораниенбаумом и Петергофом, а также овладеть Кронштадтом. Власов предлагал провести эту операцию сам с русскими добровольцами в составе двух дивизий. Его целью было удержать за собой Ораниенбаум и Кронштадт.

Власов привел ряд доводов, позволявших надеяться на быстрый успех операции; он был, к тому же, твердо убежден, что его солдаты сразу побратаются с советскими. План этот был детально разработан и обоснован тем, что Власов знает тактическое расположение советских гарнизонов и личные данные командного состава.

Я посвятил в этот план Гроте и Дюрксена, и Дюрксен настоял, чтобы я тотчас же отправился в ОКХ. Гелен принял меня около трех часов ночи в Мауэрвальде. Он выглядел усталым и даже изнуренным, но сразу же углубился в детали операции. Глаза его заблестели, он рассмеялся и сказал:

– Это же как раз то, что мы могли бы сделать не только под Кронштадтом, но и на всех фронтах.

Гелен обещал обсудить план Власова с генералом Хойзингером, начальником оперативного отдела, и с начальником генерального

штаба, но сказал мне, что сначала должен закончить спешные дела по группам армий «Центр» и «Юг». Несмотря на поздний час, он рассказал мне о своем военно-политическом плане под кодовым обозначением «Акция Просвет».

Задачей акции «Просвет» было передать красноармейцам, что против них стоят не только немцы, но и их, борющиеся за свободную Россию, бывшие товарищи, что при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной части, если они того захотят, или же они смогут мирно работать.

Гелен возлагал большие надежды на эту операцию, при условии, что она будет проводиться в сотрудничестве с Власовым и в связи с Освободительным Движением. Санкции на это у него еще не было. Но уже дано было согласие на то, чтобы придать каждой фронтовой дивизии вермахта специальные, состоящие из пяти офицеров и 15-ти иных чинов, группы русских. Эти русские группы должны были пройти в Дабендорфе краткосрочные курсы, и к концу апреля можно, было бы подготовить полторы тысячи человек. Их должны были прислать на Дабендорфские курсы из существующих добровольческих частей при генерале восточных войсках. Авторы проекта надеялись, что специальные группы в результате переходов красноармейцев вскоре вырастут до батальонов или даже до полков.

– Что означает, – вставил я, – что, кроме уже существующих добровольческих частей, мы скоро будем иметь Русскую Освободительную Армию.

Гелен ничего не ответил. Но по его молчанию я понял, что он со мной согласен.

Ни он, ни я еще не подозревали о готовящемся нам ударе.

Власти не обратили внимания на доверие, с которым население встречало генерала Власова во время его поездки на северный фронт, но несколько открытых слов, сказанных им во время обеда там, оказались решающими. У Власова была привычка откровенно говорить о

прошлых ошибках и просчетах, были ли его слушатели русские или немцы. Он исходил из мысли, что на ошибках надо учиться. И эта его речь, в которой он, в частности, благодарил немцев, принимавших его в Гатчине и выразил надежду приветствовать их своими гостями в Ленинграде, – была вполне в его духе.

(Примерно три месяца тому назад, в январе 1943 года, когда мы собирали для «штаба» одежду, он сказал моей жене, что его самое большое желание увидеть ее у себя в гостях в освобожденном Ленинграде, чтобы хоть чем-то отплатить ей за ее заботы:

– Я бы хотел, дорогая Адель Эрнестовна, быть вашим гидом в этом прекрасном городе, который вам пришлось покинуть маленькой девочкой в начале первой мировой войны (как немецкой подданной. – *В. Ш.-Ш.*).)

Враги Власова немедленно использовали положение: «Этот наглый русский чувствует себя уже правителем независимой России! Безобразие!»

Дело было передано в высшие инстанции и 17 апреля фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении какой бы то ни было политической деятельности Власова, вследствие его «наглых» высказываний во время поездки в группу армий «Север». В приказе содержалась угроза, в случае нарушения его, возвратить Власова в лагерь военнопленных или прямо передать в Гестапо. Я никогда не видел этого приказа, Мартин устно ознакомил меня с ним.

Для Власова и Малышкина эта история была лишним разочарованием. Но мы пришли к выводу, что это и есть та глупость, против которой, в частности, мы боремся и должны продолжать бороться. Позиция Власова осталась неизменной.

Мартин сказал мне, что угроза передать Власова Гестапо вряд ли будет осуществлена, если он не учинит какой-нибудь новый демарш, и добавил:

– Я вас предупредил. Будьте осторожны и – действуйте дальше!

Все это, однако, осложнило дело Гелена. Вскоре после моего возвращения из ОКХ, в Берлин явился сотрудник Отдела ФХО и сообщил, что акция «Просвет» практически сорвана приказом Кейтеля, так как запрет упоминать Власова и Русское Освободительное Движение лишает всю операцию ее главного козыря. Гелен будет вновь искать выхода из положения, а пока что мы в ОКВ/ ВПр и в Дабендорфе при подготовке людей для акции «Просвет» должны быть очень осторожны: «Ни слова об Освободительном Движении! Ни слова о Власове!»

Трухин, с которым я обсуждал положение, сразу схватил сущность:

– Не тревожьтесь! Это наше дело. Мы выход найдем, не прибегая ко лжи. Сейчас нужно избежать открытого столкновения, даже если бы это означало, что надо работать более или менее подпольно.

Чего бы добились немцы и русские вместе, даже еще весной 1943 года, если бы они действовали как лояльные союзники в деле освобождения России и всего мира от большевизма?! Власов и его товарищи знали многих генералов Красной армии. Они знали жертв сталинских чисток. Они знали, на кого они могли рассчитывать как на товарищей в борьбе – не за немецкие интересы, а за свободу России.

* * *

Власов иногда рассказывал нам о своей жизни. Я помню его рассказ о знаменательном для него дне в ноябре 1941 года, когда Сталин назначил его командующим 20-ой армией и поручил остановить движение немцев под Москвой. Он описал напряженное ожидание в приемной, сам прием, подозрительность и сдержанность диктатора, доклады генералов о положении на фронте и затем четкое решение Сталина:

– Я не могу дать вам много солдат, Власов, но порядочно – бывших

заключенных. И я даю вам, как и другим моим генералам, полную свободу действий в борьбе с захватчиками. Вы несете и ответственность.

Власов живо обрисовал присутствующих – диктатора, попыхивающего короткой трубкой, генералов, «вездесущего и всеведущего» Маленкова.

Когда он покидал Кремль, он был горд своим назначением и возложенной на него задачей: враг стоял у ворот Москвы. И вдруг он понял, что, приняв на себя ответственность, он полностью отдал себя во власть сталинского каприза. А если его усилия будут напрасны? Проиграть означало не только быть побежденным, а и стать предателем. Они все были предателями – маршалы и генералы Красной армии: Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Эйдеман, Корк… А судьей им был Сталин и тот же самый Маленков, может быть, Молотов, Каганович, Булганин – люди, греющиеся в лучах сталинского благоволения. (Власов дал краткое описание каждого из них, а его товарищи добавили кое-какие подробности. У Булганина находили они остатки каких-то человеческих черт.)

– Заметьте себе, господа, – сказал Власов, обращаясь к нам, немцам, – отъявленным врагом режима и изменником родины принципиально считается каждый думающий иначе. Или просто ищут козлов отпущения. Поэтому советские люди выучились внешне соглашаться с требованиями режима. Что они думают и чувствуют, – они тщательно скрывают. Это привело к известной шизофрении – что и есть одно из величайших преступлений большевистских вождей.

Власов рассказал и о Никите Хрущеве, первом секретаре ЦК Украинской компартии, которого он хорошо знал во время своего командования 97-ой армией под Киевом.

– Я сам видел этого пресмыкавшегося сталинского подхалима, как он рвал и метал против врагов и друзей, без различия. И всегда по тем же формулам – контрреволюционеры! меньшевики! эсеры! троцкисты! зиновьевцы! бухаринцы! «Если дело идет о ликвидации предателей, каждый, у кого дрогнет рука или подгибаются колени, – враг народа».

Вы можете себе представить, что такое не забывается!

И еще целый ряд имен всплывал при этих разговорах в различном освещении – Ворошилов, Малиновский, Рокоссовский и др. Малышкин, Трухин, Жиленков прибавляли новые имена и подробности. Наши русские друзья знали, к кому в Красной армии они могли (и хотели) обратиться. Но сделать так, чтобы это имело смысл, они могли, только упрочив свои собственные позиции – не как немецкие наемники, а как независимые борцы за свободу, имеющие перед собой ясную цель.

Гелен и Рённе уже давно ощутили все заложенные здесь возможности. Но их старания создать необходимые предпосылки для развития Освободительного Движения оставались безуспешными.

* * *

Кейтель и Йодль были непосредственными начальниками генерала Веделя. Однажды на мой телефон на Викториаштрассе был переведен звонок от Кейтеля, так как Веделя, Мартина и Гроте не было на месте. Ему срочно нужна была справка о генерале Власове. Говорил адъютант Кейтеля:

– Господин фельдмаршал хочет немедленно знать, что, собственно говоря, представляет собою эта «Русская Освободительная Армия?

Я быстро стал соображать. Момент был критический. Неверный шаг мог стать роковым, но надо было и рисковать. Я уже научился у Гроте кое-чему из области так называемой ведомственной дипломатии, хотя мне было еще далеко до него. Я «доложил» в положенно сжатой форме:

– Русская Освободительная Армия в настоящее время есть собирательное обозначение для всех сражающихся в рядах германской армии частей русских добровольцев, которые, аналогично частям

других национальностей, различимы уже по соответственным значкам на их форме.

– Ясно, – ответил адъютант. – Благодарю вас. Пожалуйста, срочно передайте это объяснение по телеграфу в Главную ставку.

Это могло иметь неприятные последствия уже и для начальника ОКВ/ ВПр, и я отправился искать Веделя. Между тем он как раз вернулся. Я сообщил ему о вопросе и моем ответе.

– Теперь, кажется, дело действительно сдвинется, – заметил он. – Разговор, однако, должны подтвердить вы лично, так как вы его вели. Я согласен с вашим объяснением, рекомендую только вашему тексту предпослать фразу: «По еще не утвержденным предложениям начальника ОКВ/ ВПр…» Если Кейтель проглотит это и не начнет метать громы и молнии, это будет означать, что понятие «Освободительная Армия» молчаливо санкционируется ОКВ и для русских частей. Тогда вы сможете и в ваших газетах, и в Дабендорфе говорить и писать о ней уже без риска. Подите, отправьте телеграмму, а там посмотрим, что дальше будет. Я от своего слова не откажусь.

Это был мастерской ход Веделя, и я был в восхищении от него.

Реакции на мою телеграмму от фельдмаршала фон Кейтеля не последовало.

* * *

В Дабендорфе работа шла дальше, невзирая на все споры на политическом уровне. Первый руководитель учебной части, генерал Благовещенский, заявил, что не хочет оставаться на этом посту, поскольку германское правительство отказывается признать Освободительное Движение. Его преемник, генерал Трухин, внешне сохранял полное хладнокровие, но и он, вероятно, часто бывал близок к

отчаянию. Шахматный ход Веделя его, конечно, порадовал; ему стало легче работать, в особенности при подготовке офицеров для акции «Просвет». Хотя начало военной операции на фронте всё время откладывалось, «группы перехвата» отправлялись из Дабендорфа к своим дивизиям в намеченный срок.

Для этих русских офицеров вместо офицерских фуражек и кожаных перчаток были доставлены солдатские пилотки и нитяные перчатки. Это было воспринято многими как очередное оскорбление. Я поручил Пэла, нашему ловкому начальнику хозяйственной части, купить фуражки и кожаные перчатки на черном рынке.

После очередного выпускного торжества Ведель спросил казначея, почему в нарушение предписания так безупречно обмундированы русские офицеры. Казначей доложил, что в предписании была предусмотрена обычная офицерская одежда с русской кокардой, но в покупке фуражек и кожаных перчаток было потом отказано, вследствие чего командир Дабендорфа, то есть я, распорядился, чтобы эти вещи купили за мой личный счет. Ведель тотчас же отдал распоряжение возместить эти расходы из бюджета ОКВ/ВПр.

Этот эпизод я упоминаю только чтобы показать, что всё же добрая воля и личная инициатива могли кое-что сделать даже в трудном 1943 году.

Вернусь, однако, к акции «Просвет». Гелену пришлось проводить операцию без Власова и его Движения, и это, без сомнения, снизило успех всего предприятия. Наши специальные группы и отдельные пропагандисты продолжали говорить о Русской Освободительной Армии в своих обращениях, но разрыв между обещаниями пропаганды и реальностью лишал их призывы искренности.

Несколько позже я получил возможность просмотреть сводку результатов всей операции, составленную на основании донесений дивизионных штабов. «Группы перехвата» были всего в 130 дивизиях, из них 97 сообщали о хороших, 9 о посредственных и остальные 24 о слабых или ничтожных результатах. Мы согласились на том, что успех или провал акции в большей степени зависел от того, насколько

различные дивизионные штабы были подготовлены, чтобы поддержать эту акцию. Поскольку у самого Гелена руки были связаны, трудно было ожидать, что дивизионные офицеры могли обнаружить большой энтузиазм при проведении этих полумер.

Когда в июле 1943 года группы армий «Центр» и «Юг» возобновили свое давно откладывавшееся наступление в направлении Курска, акция «Просвет», задуманная поначалу для поддержки этого наступления, уже давно была отвергнута как не имеющая значения.

Контрнаступление Красной армии севернее Орла означало, что советское командование вновь завладело инициативой.

Гитлеровское решение против Власова

Следуя указанию Кейтеля о запрещении всякой деятельности Власова по эту сторону фронта, ОКВ не интересовалось более ни им, ни Дабендорфом. Ведель и Мартин, на свою собственную ответственность, предоставили мне свободу действий, при условии, что мы будем держаться по возможности незаметно. А в Генеральном штабе Гелен, Треско и Герсдорф по-прежнему неутомимо старались и дальше что-то сделать.

Треско и Герсдорф, использовав благоприятный момент, добились у Клюге согласия на создание «Русского центра» при штабе группы армий «Центр». Клюге, в середине мая 1943 года, сделал об этом доклад начальнику Генерального штаба Цейтцлеру.

По желанию последнего, Гелен представил ему памятную записку о проблематике «политического ведения войны», описав в ней достигнутые до сих пор при сотрудничестве Власова успехи. Но Цейтцлер не имел веса у Гитлера, а в данном случае и сам не был убежден в нужности этого предприятия.

Власов старался добиться, чтобы Гитлер обратил личное внимание на Русское Освободительное Движение. При своих разговорах он прямо ставил этот вопрос перед фельдмаршалом фон Клюге и генералами Шенкендорфом, Кюхлером и Линдеманном. Ответы генералов были уклончивы. Никто из них не поставил перед Гитлером этого вопроса. Записки подавались и Розенбергу. Проблема Русского Освободительного Движения поднималась в связи с усилением партизанского движения и проблемами безопасности тыловых областей при встречах с фельдмаршалом Кейтелем и генералом Шмундтом из Ставки Гитлера. Но ни у кого из этих офицеров (исключая, пожалуй, Шенкендорфа) не было достаточно ясной концепции, чтобы представить всё дело достаточно убедительно.

Власов не раз пытался разъяснить генералам свою концепцию. Линдеманн обещал сделать всё возможное, чтобы довести мысли Власова до сведения высшего руководства, но у него не было доступа к самому Гитлеру. Он мог это сделать лишь через Кейтеля или личного адъютанта Гитлера генерала Шмундта, информируя их при представлявшейся возможности. При этом он всегда подчеркивал, что он полностью поддерживает Власова. Этого, к сожалению, было недостаточно.

Мартин сообщил мне однажды, что он и другие офицеры возлагают большие надежды на фельдмаршала фон Манштейна. По слухам, Гитлер намеревался передать ему верховное командование. Это подало нам новые надежды.

Ротмистр барон фон Рихтхофен, прикомандированный на несколько недель к ОКВ/ВПр и неутомимо пропагандировавший дело Власова, уже до этого привлек на сторону идей Власова своего двоюродного брата, фельдмаршала фон Рихтхофена. Он надеялся этим путем добиться цели через главнокомандование военно-воздушных сил и был сперва уверен в успехе. Словом, всё выглядело так, что военные, то есть Генеральный штаб сухопутных сил и фельдмаршалы, учитывая всё более угрожающее положение на всех фронтах, сумеют теперь принудить верховное командование к принятию нужного решения.

Так мы и работали, цепляясь то за одну, то за другую надежду.

* * *

Гелен, в своей памятной записке начальнику Генерального штаба Цейтцлеру, смог указать на новый политический момент: советскую реакцию на «Открытое письмо» Власова.

До того времени советская власть не придавала никакого значения (во всяком случае – видимого) немецкой листовочной пропаганде. Попавшие в плен русские отзывались о многих немецких листовках с пренебрежительной усмешкой, а содержание большинства из них считали комичным. Кремль молчал. Но здесь к русским обращался русский, отвечавший в четких формулировках на все основные вопросы национального и общественно-политического существования, и призыв этот доходил.

Красноармейцам и населению было строго запрещено теперь подбирать немецкие листовки. В новых листовках была уже не немецкая пропаганда, а дела, касавшиеся всех русских. Но запреты режима игнорировались: и гражданское население подбирало листовки, и красноармейцы читали их.

О Власове и Русском Освободительном Движении нельзя уже было молчать! Сначала советская власть объявила Власова мертвым. «Убит немцами» – такова была первая реакция. Позднее, когда эту версию уже невозможно было далее поддерживать, он был заклеймен как «предатель, продавшийся немецким империалистам».

Генерал Щербаков, начальник учреждения, ответственного за эту кампанию, получил от Сталина приказ ликвидировать «власовский миф», а если понадобится, то и самого Власова. С этой целью были направлены агенты. Один из них, еще весной 1943 года, был сброшен на парашюте на оккупированную территорию и был взят в плен сражавшейся на немецкой стороне русской частью. Его доставили к Малышкину и Зыкову, и он не только рассказал о своей миссии, но и

сообщил подробности об акциях Щербакова.

По настоянию Власова его помиловали. Но Жиленков и Зыков потребовали всё же интернировать его в лагере военнопленных, так как хорошо знали, какого сорта агенты есть в распоряжении Щербакова. В течение лета 1943 года были пойманы еще два агента.

В связи с этим стоит упомянуть также, как об особом случае, о кухарке Власова, Марии Игнатьевне Вороновой. Она оставалась около Власова до самого его пленения, а затем, в Минске, скрылась. Там ее завербовав агенты НКВД и она получила задание пробраться к Власову. Она явилась в Берлин. Власов сообщил нам, что она должна была его отравить. Она призналась, была прощена, и Власов оставил ее кухаркой в своем штабе в Далеме.

Гелен и Ведель в своих донесениях неоднократно указывали на эту реакцию советской власти и на причины новой советской пропаганды. Но и подтверждение значения Власова и его Движения со стороны Кремля ничего не изменило в политических установках нацистского руководства.

В действительности то, что хотел сделать Сталин, сделали за него Кейтель и Розенберг: личность Власова полностью замалчивалась.

* * *

Когда стали поступать донесения о растущем недовольстве среди гражданского населения и русских добровольцев, Мартин взял на себя смелую инициативу: 10 июля 1943 года он выпустил циркулярное письмо, содержание которого должно было устно передаваться «немецким офицерам, командовавшим русскими и иными местными частями»; в нем говорилось, что «вопреки увериниям советской пропаганды, генерал Власов жив, здоров и в расцвете своих способностей».

Последнее же решение Гитлера против Власова было высказано им 8 июня 1943 года в Бергхофе, личной резиденции Гитлера в Верхних Альпах над Зальцбургом. Шмундт рассказал Герсдорфу подробности встречи Гитлера с Кейтелем и Цейтцлером. Как раз открылась для Цейтцлера возможность доложить о предложении Клюге и Гелена относительно Русского центра. Очевидно, доклад Цейтцлера был бледным. И после встречи Гитлер сказал, что он «не нуждается во Власове позади фронта». Он мог бы быть полезен на той стороне фронта. А пропаганда о РОА не должна ни у кого вызывать головной боли. (Шмундт подчеркнул, что можно по-прежнему пользоваться термином Освободительная Армия.) Но, – прибавил Гитлер, – было бы опасным, если бы Клюге и другие германские генералы забрали себе в голову, будто он, Гитлер, когда-либо поможет Власову или другому русскому сесть на коня так, как Людендорф когда-то помог Пилсудскому и другим его польским товарищам.

Вот что услышали мы от Герсдорфа. Ведель потом получил инструкции непосредственно от Кейтеля. Мне ничего не было передано из ОКВ об этом совещании. С точки зрения ОКВ, ситуация не изменилась. Какая-либо политическая активность была Власову и так запрещена после его поездки в Гатчину, но фюрер теперь формально согласился с употреблением его имени для пропаганды на ту сторону. В ОКВ никто не волновался.

По-видимому, Цейтцлер дал Гелену довольно сбивчивый отчет о своей попытке убедить Гитлера, но Гелен в позднейшем разговоре со мной не высказал никакой критики по адресу своего начальника. Для себя я (в который раз!) сделал вывод, что можно выступать убедительно лишь за дело, в правоте которого ты уверен.

Генерал Гелен задал мне вопрос: как будет реагировать Власов?

– Я должен, – сказал я, – переговорить с ним открыто. Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенного между мною и Власовым.

– Фюреру, – заметил Гелен, – Власов не нужен, но нам всем он

очень и очень нужен. Скажите ему это.

Власов и его соратники всегда надеялись, что здравый смысл должен когда-то победить. Было роковым для германского народа, что в то время не оказалось рядом с Гитлером никого, кто мог бы ему противостоять.

Я сказал Власову, что все усилия офицеров изменить политический курс в пользу Русской Освободительной Армии окончились провалом. Гитлер отказался следовать предложениям Клюге, Шенкендорфа, Линдеманна и Гелена.

Объяснение с Власовым произошло в присутствии Малышкина и Деллингсхаузена, на активную помощь которого я всегда мог рассчитывать.

Эта новость была самым тяжелым ударом, поразившим Власова с тех пор, как он связал все надежды для своего народа с германской поддержкой. Теперь он знал правду. Власов сказал:

– Я всегда уважал германского офицера, насколько я его знал, – за его рыцарство и товарищество, за его знание дела и за его мужество. Но эти люди отступили перед лицом грубой силы; они пошли на моральное поражение, чтобы избежать физического уничтожения. Я тоже так делал! Здесь то же, что и в нашей стране, – моральные ценности попираются силой. Я вижу, как подходит час разгрома Германии. Тогда поднимутся «унтерменши» и будут мстить. От этого я хотел вас предохранить… Я знаю, что будут разные оценки нашей борьбы. Мы решились на большую игру. Кто однажды уловил зов свободы, никогда уже не сможет забыть его и должен ему следовать, что бы ни ожидало его. Но если ваш «фюрер» думает, что я соглашусь быть игрушкой в его захватнических планах, то он ошибается. Я пойду в лагерь военнопленных, в их нужду, к своим людям, которым я так и не смог помочь.

Власов был потрясен и подавлен. Я попытался ободрить его, передав ему слова Гелена. Больше мне нечего было сказать. Малышкин перевел разговор на декабристов и вспомнил слова одного из них:

«Наша вина – в нашем стремлении к свободе». Мне трудно передать атмосферу подавленности, охватившую наш маленький кружок.

Наконец, по предложению Деллингсхаузена, мы решили еще раз всё спокойно обдумать.

* * *

Несколько дней спустя мне позвонил генерал, которого я знал лишь по имени. Он спросил меня, нельзя ли устроить, совершенно незаметно, его встречу с Власовым. Как место встречи, он предложил служебный кабинет одного профессора Берлинского университета. Власов дал свое согласие. Мы явились в гражданской одежде, немецкий генерал был в полной форме и при орденах.

Генерал представился и сказал:

– Я думаю, что после всего происшедшего у вас нет больше желания и дальше поддерживать стремя для этого правительства.

Власов резко возразил:

– Я никогда не держал стремени ни для вашего правительства, ни для вашего фюрера. В интересах моего народа и его свободы я работал с немцами, поскольку я был убежден, что немцы тоже хотят свергнуть Сталина. Я пошел тем же путем, что и Черчилль с Рузвельтом, когда они стали союзниками Сталина, или, если хотите, Сталин в своем союзе с Черчиллем и Рузвельтом.

– Точно, – заметил немецкий генерал, – я вас вполне понимаю. И поэтому я прошу вас сейчас не сдаваться.

Власов хотел что-то возразить, но генерал продолжал:

– Не будем говорить о деталях. Я знаю всё. Сегодня я могу только сказать, что не исключено преобразование или смена германского правительства. Не исключен вопрос и о назначении нового Верховного главнокомандующего. Тогда нам понадобится ваше сотрудничество и помощь, генерал Власов. Даты я вам также не могу назвать, но я прошу вас доверять мне, как я сейчас доверяю вам. В начале нашего разговора я не ставил никаких условий, но теперь, при окончании нашей встречи, я прошу сохранить в полной тайне сказанное мною, а также и мое имя. Всё сказанное должно остаться между нами тремя.

Говоря это, он протянул мне руку, как бы скрепляя тем свою уверенность и в моей лояльности. После минутного молчания Власов сказал:

– Я уже отчаялся во всем, но я думаю, что понял вас, генерал, и я буду пытаться работать дальше. Я благодарю вас за доверие!

Весь разговор длился едва ли более двадцати минут.

Порознь вышли мы из помещения. Мы были уже в нашем маленьком «фольксвагене», когда генерал, не оглянувшись, садился в свой «мерседес».

* * *

Еще до этой встречи в Берлинском университете Власов разговаривал со своими ближайшими 239 сотрудниками, в том числе с Трухиным и Зыковым, и сообщил им о своем решении вернуться в лагерь военнопленных. Оба, в особенности Зыков, пытались уговорить его отложить свое решение. Зыков сказал:

– Ведь мы русские заговорщики, а не немцы. Нам должно быть безразлично, что о нас думают немцы. Мы верим, что служим народу с чистым сердцем и чистыми руками. Вопреки Сталину, и вопреки

Гитлеру Наша вина, как сказал генерал Малышкин, заключается в нашем стремлении к свободе. Если вы теперь выпустите из рук поводья, на наше место придут соглашатели. Это было бы концом борьбы за свободу русского народа. Оставьте иллюзии, Андрей Андреевич! Есть и среди русских нацисты еще большие, чем немецкие национал-социалисты. Они только и ждут вашего ухода, чтоб сесть на ваше место. Они соревнуются между собой в поддакивании немцам. Уже можно слышать, как они сходятся на погромном кличе черносотенцев: «Бей жидов – спасай Россию!» Если эти черносотенцы придут к власти – горе русскому народу! Есть и такие, кто преследует собственные, сомнительные цели. Они не верят в свободу для России, и они продаются немцам. Ни вы, Андрей Андреевич, и никто другой в нашем небольшом кругу заговорщиков этого никогда не сделает!

Всегда скупой на слова Трухин заметил:

– Гитлер показал свое подлинное лицо. Русское Освободительное Движение может теперь рассчитывать только на себя и на немногих немецких друзей, которые останутся с нами. Наше движение будет жить, пусть даже оно принесет плоды уже, может быть, тогда, когда нас не будет.

Тогда Власов попросил несколько дней на размышление. В это время и произошла встреча с немецким генералом в Берлинском университете. Власов решил продолжать борьбу.

Власов в поездках

Короткий выезд Власова в Магдебург дал толчок к проведению и других поездок. О поездке в Магдебург в ОКВ мы сообщили своему начальству, что Власов хотел ознакомиться с условиями жизни и работы немецких промышленных рабочих. Что хозяйственники, после застольных бесед с Власовым, благодарили его за конструктивную

критику и за советы и давали распоряжения об улучшении отношения к «остовцам» и питания их, – этого мы в ОКВ не сообщали.

Запланированные теперь поездки должны были дать Власову возможность познакомиться с Германией и одновременно как бы соответствовали желанию фюрера держать его подальше от политической активности. У нас уже лежало много приглашений; среди них самым привлекательным было предложение Эриха-Эдвина Двингера поехать в Вену и в Баварию. Там Власов был бы пока вдалеке от неприятностей.

Итак мы решили ехать в Вену! Я сопровождал Власова в этой поездке.

Проведение программы было возложено на прекрасного человека – областного руководителя крестьянства Майрцедта. Всю поездку он сам возил нас на своем автомобиле.

Мы осмотрели достопримечательности старого имперского города и сделали круговую поездку по его изумительным окрестностям. В одном небольшом замке (Кройценштейне?) нас приветствовал сам любезный владелец замка, старый императорский офицер. В программу входили и венская опера, и бега, и осмотр многих промышленных предприятий. В соборе св. Стефана группа верующих, погруженных в молитву, стояла перед образом Богоматери.

– Я хотел бы снова уметь молиться так, как эти люди, – сказал Власов, выйдя из собора. – Я потерял свою детскую веру, но я чувствую, что есть выше нас Сила и что человек теряет свое духовное «я», если отрывается от нее. И чем больше я думаю об этом, тем яснее мне видится, что этот отрыв от Высшей Силы, от Бога, и есть корень всех зол, которыми больны сегодня и отдельные люди, и народы. У них нет больше ничего, что держало бы их на правильном пути. Только я не могу больше вернуться к простой детской вере и верить в то, что Сила над нами есть наш личный Бог, наш Бог-Отец. Может быть, два хороших русских священника, с которыми я говорил недавно в Берлине, и правы. Они сказали, что без любви к Богу-Отцу вера в Бога или в Высшую силу бесплодна. Немцы вот верят в Провидение, но у них нет

любви, и они постепенно обесчеловечиваются. В России смотрят проще: нет ни Бога, ни Провидения. Отдельные люди и все народы зависят от производственных отношений. А вот в часы великой нужды Сталин обратился к патриотизму и даже к Богу, голой силы оказалось недостаточно. Часто я наблюдал у нас в селе, как душевная сила русских женщин светила через нужду и затмевала безбожие вокруг них. Может, то была Божья любовь в них. Да, смочь бы так вот молиться, как те женщины.

* * *

Кульминацией венских дней было посещение Школы испанской верховой езды, тогда перенесенной из города в одно из поместий. Высшая школа липпицанеров (порода лошадей) оставила незабываемое впечатление. Начальник школы, полковник Поджайский, дал обед в самом тесном кругу.

Австрийцы обладали качеством, которого не хватало немцам: они понимали людей других национальностей; их открытость и дружелюбие по отношению к русским гостям создали атмосферу стихийной искренности и откровенности. Начальник школы сказал короткую приветственную речь. Ответ Власова был встречен аплодисментами:

– Благодарю вас, полковник Поджайский, вашу супругу и ваших офицеров! Я – пехотинец и, если хотите, простой русский крестьянин. Поэтому я очень мало смыслю в лошадях и в вашей высшей школе. Если бы я стал хвалить ваши достижения, это было бы несерьезно. Да и что вам, кавалеристам, может дать моя похвала? Но поблагодарить я могу и хочу – от всего сердца. То, что я увидел, меня сильно тронуло. Особенно же – ваша любовь к лошадям и к работе. Я уверен, что в этой любви и скрыт как раз секрет ваших достижений, ваших успехов. Это мне ясно, и я думаю, что и наша борьба за свободу и за мир только тогда будет успешна, если люди, стремящиеся к этой общей цели, в основу

своих действий положат любовь к людям. Если бы немцы с такой же любовью относились к русскому народу, к военнопленным и рабочим, как вы, господа, относитесь к вашим лошадям, тогда не. было бы для вас всех никакой русской проблемы, а эта несчастная война была бы преодолена.

Но и в этой поездке Власов не смог полностью отвлечься от политики: не то Гюнтер Кауфман, не то Майрцедт организовали ему встречу с Бальдуром фон Ширахом, гаулейтером Вены. Она состоялась в бывшей рабочей комнате князя Меттерниха на Балхаусплац. Тени «Священного союза» чудились мне в этом кабинете! Главная тема – германская и европейская политика. Говорил, главным образом, Власов. Ширах внимательно слушал. Я переводил. Мы кое-что уже слышали о Ширахе, и я был настороже. Поэтому я был приятно удивлен, когда он выказал понимание мыслей Власова и обещал лично поднять перед Гитлером всю проблему. Был ли он действительно переубежден? Может быть, он понял урок истории и наше теперешнее положение? Или это был просто страх? (С восточного фронта снова поступили сообщения о немецких поражениях.)

Перед уходом Власова сфотографировали вместе с Ширахом. Под конец Ширах обернулся к Двингеру и ко мне и сказал:

– Ложь и обман не годятся как основа для германской политики, не говоря уже о европейской. Я сделаю, что смогу, чтобы повернуть дело в правильную сторону, пока еще не все потеряно.

Я узнал позже, что Ширах сдержал свое слово и говорил с Гитлером, но тот отверг и его соображения. Говорили, что Гитлер был в гневе на Власова и будто бы сказал: «Теперь этот русский сводит с ума и моего Ширака!»

Я не могу утверждать, что всё было именно так, но я был рад, что Ширах сдержал свое слово.

* * *

Эрих-Эдвин Двингер повез нас в Мюнхен, а затем в свою усадьбу Гедвигсхоф в Баварии.

В Мюнхене, при входе в отель, Власов в киоске увидел журнал «Унтерменш» – бульварный листок, изображающий русских как преступников и кретинов. Госпожа Двингер тут же скупила все имевшиеся экземпляры с комментариями об этом идиотизме. Каково же было наше изумление, когда мы, час спустя, выходя из отеля, на том же самом месте вновь увидели пятьдесят экземпляров «Унтерменша»!

– Но вы теперь не будете их покупать, – сказал Власов госпоже Двингер. – Вы видите, что эти любезные усилия бесплодны. Напрасно всё, что вы делаете, и всё, что я делал до сих пор.

Мюнхен, с его сокровищами культуры, был для Власова новым большим переживанием вне сферы политики.

Как я уже упоминал, с самого начала похода в Россию Двингер выступал за разумную политику, и ему, в результате, запрещено было печататься. Во время этого нашего пребывания у него в Гедвигсхофе он резко критиковал нацистских вождей и дал Власову ряд полезных советов. Власов спросил его, считает ли он ответственным за политическую линию в России лично Гитлера? Двингер ответил, что он не может этого утверждать, но взгляд на его приспешников дает представление о главе. (В это время Двингер еще ничего не знал о встрече в Бергхофе.) Год спустя, после 20 июля 1944 года, Двингер открыто говорил о всех последствиях покушения на Гитлера. То, что Гитлер спасся, было велением судьбы: если бы покушение удалось, немецкий народ приписал бы поражение в войне (а война уже была проиграна) исключительно смерти Гитлера, а не порочности режима. В Гедвигсхофе стояла чудесная летняя погода. Мы разъезжали по Баварии, и Власов заходил в крестьянские дворы: чистота, опрятность, благосостояние. Он видел стада на пастбищах. Ему охотно показывали шкафы и комоды, а в них – одежда, хорошая обувь, шерстяные одеяла, фарфор: всё сокровища, о которых и не мечтали колхозники.

– Я понимаю теперь, почему немецкие солдаты хорошо дерутся: они борются не только за свою родину, но также и за ее благосостояние как материальную основу существования всего народа, – сказал он.

Он не представлял себе раньше, что «загнивший капиталистический Запад» дает своим крестьянам и рабочим возможность жить в таком благополучии. И это не были «потемкинские деревни» для обмана генерала. Он мог остановить автомобиль действительно всюду, где хотел, и осмотреть любой крестьянский дом. Ничего не было проще.

При одной из экскурсий в районе Гедвигсхофа мы случайно встретились с группой возвращавшихся с работы русских военнопленных. Мы остановились, и Власов разговорился с ними. Они были в штатском. Работали они у крестьян на уборке урожая в местных хозяйствах и не жаловались. Они сказали, что живут хорошо, что отношение к ним и еда за последнее время стали много лучше, особенно после того, как о них стал заботиться «генерал Власов и его помощники в Берлине». Когда Власов спросил, не хотели ли бы они вступить в добровольческие части, они ответили, что война им уже надоела и что они предпочитают оставаться военнопленными. Пусть идут, кто помоложе. Когда-то должна война и кончиться, а то так и домой никогда не попадешь. Стариков надо оставить в покое. Власов сказал, что он это вполне понимает. Он был в синем костюме и никто не догадывался, кто он. Инкогнито Власова было раскрыто, когда кто-то из пленных вдруг достал одну из дабендорфских газет и на фотографии в ней узнал Власова: «Да это он!» Теперь посыпались вопросы за вопросами. Но когда-то надо было и двигаться дальше, – это был наш последний вечер.

Франкфурт-на-Майне в то время еще не сильно пострадал от бомбежек. Мы бродили по старым, узким улочкам, полным немецкой и европейской истории.

В Майнце мы сели на пароход и спустились вниз по Рейну до Кёльна. На том же пароходе ехала группа тяжелораненых немцев. Многие были без рук или без ног. Многие изуродованы ожогами. Власов отвернулся, стараясь скрыть свои чувства, а потом сказал:

– Мы все виноваты, что эти люди стали калеками. Поэтому все мы должны и отвечать, все: русские, немцы, англичане, французы, американцы, японцы, китайцы.

Власов был на голову выше всех пассажиров, и немецкие солдаты, очевидно, обратили на него внимание. Один раненый фельдфебель, сидевший на палубе у стола с прохладительными напитками, неожиданно поднялся, подошел к нашему столу (Власов в это время рассматривал карту местности, висевшую невдалеке) и, став навытяжку (я был в форме), обратился ко мне:

– Простите, господин капитан, я поспорил с моими товарищами на бутылку рейнского, что высокий господин с вами – русский генерал Власов. Верно ли это?

Он сам принадлежал к немецкому кадровому составу одной из русских частей под Ленинградом и не мог забыть приметную личность русского генерала. Хотя мы и не хотели обращать на себя внимания, я ответил утвердительно на его вопрос. Фельдфебель выиграл свой рейнвейн.

Скорее курьезное, но в то же время и характерное последствие имела наша короткая остановка в Кёльне, где мы никого не знали. Инкогнито Власова было раскрыто из-за телеграммы, полученной там перед нашим приездом из Франкфурта. Совершенно неожиданно, мы были встречены одним партийным учреждением, устроившим также и прием. После возвращения в Берлин я получил, через официальные инстанции, счет от этой организации, с точностью до пфеннига, за ужин для двух лиц!

Однажды вечером, после нашего возвращения из поездки, Власов сказал мне:

– Я, кажется, уже говорил вам, что после того, как я видел эту вашу прекрасную страну, я хорошо понимаю немецкого солдата в его чувствах к своей родине. Но, думая дальше, я спрашиваю себя: это благосостояние, которого вы добились вашим трудом и вашим умением, сделало ли оно немцев лучше?

Мне пришлось ответить отрицательно.

– Вот видите! А эта война может быть выиграна только теми, кто способен принести лучший порядок. Нацисты должны были бы это знать: они пришли к власти в Германии в час ее нужды, потому что обещали лучший порядок, и сначала у них было искреннее желание выполнить свое обещание. Поэтому мне и трудно понять, как те же самые национал-социалисты отказались от своих собственных принципов. Высшая миссия не должна быть эгоистичной. Но вы, немцы, не только эгоистичны, вы хотите отнять у нас нашу землю и наши богатства. И поэтому вы проиграете войну.

Генерал казался в эту минуту пророком минувших времен, предсказывающим падение Третьего рейха.

– До 1946–1947 годов прольется еще много крови. Немецкие города будут разрушены до тла. Страх разольется по всей Европе. А когда война окончится, ужасы будут продолжаться, она будет вестись дальше иными методами, и народы не найдут мира. Черные восстанут на белых, угнетенные на угнетателей, которые забыли свой долг, свою миссию…

В этот момент, как бы подчеркивая его мрачные предсказания, завыли сирены, предвещавшие налет на Берлин. На Кибицвег не было общественного бомбоубежища, и Власов отдал распоряжение пускать всех соседей в небольшое бомбоубежище, оборудованное в саду виллы, в которой он жил (хотя вход на территорию виллы посторонним был строго воспрещен). Когда мы подошли к спуску в бомбоубежище, оно было уже полно людьми. Власов не захотел, чтобы из-за него кто-то должен был выйти, и просидел всё время до отбоя в саду около входа в бомбоубежище.

Развитие контактов

По возвращении из поездок по Германии обнаружилось, что положение Власова, вопреки всем неуспехам и враждебности «сверху», стало более прочным, чем нам казалось возможным. Без сомнения, это было следствием выдвижения его как пропагандной фигуры после запрета Кейтелем его активной политической деятельности и отказа Гитлера от создания национальной русской армии. Личность Власова, в двойственном свете противоречивых указаний различных ведомств, начала настолько заинтересовывать, что скачкообразно стало расти число лиц, искавших с ним контакта. Это были представители различных кругов немецкой и русской общественности из Германии и с занятых территорий. Конечно, этому немало способствовала и разъяснительная деятельность его ближайших сотрудников, и работа Дабендорфа. Без этого вряд ли был бы возможен рост его популярности, особенно если принять во внимание неосведомленность и дезориентированность общественности вообще.

Нелегко систематизировать и учесть все контакты Власова в этот период. К Власову ежедневно устремлялся поток посетителей, и личному его штабу стоило немало трудов регулировать этот поток. Много такта и осмотрительности проявили при этом мой друг Фрёлих и начальник канцелярии Власова, бывший полковник императорской армии К. Г. Кромиади.

Посетителей можно разбить на две основные группы: немецкую и русскую. К немецкой группе относились: «старые» друзья Власова из германского офицерского корпуса, знавшие его с 1942 года или же поддерживавшие его, не будучи вовсе с ним знакомыми; «новые» друзья, интересовавшиеся им и представляемым им русским освободительным движением, так как понимали растущую угрозу Германии; представители прессы; представители хозяйственных кругов.

К русской группе относились: представители русской эмиграции; офицеры с фронта; представители русского православного духовенства.

Русские православные священники в Берлине были люди высоких принципов и не могли пройти мимо тяжелой судьбы своих соотечественников. Они старались окормлять всех, кого могли. К тому же, они чувствовали, что Власовское движение открывает путь и к

улучшению материальных условий, и к восстановлению свободы и иных ценностей, столь долгое время отрицаемых и подавляемых марксизмом.

Более сложным было установить хорошие отношения с эмигрантами: каждая из сторон подходила к другой с глубоким недоверием. У советских людей это недоверие было следствием окружающей среды и воспитания. Эмигранты же зачастую придерживались линии: «Что доброго может быть из Назарета?» (т. е. из Советского Союза). Старые эмигранты, которые, частично, признавали ген. Бискупского, или казаки, бывшие под командованием генерала Краснова, не могли принять и не принимали «красного генерала» как руководителя всего движения. Некоторые эмигранты отказывались понять, что борьба против Сталина может вестись только советскими гражданами и что перед старой эмиграцией стоят иные, но не менее важные задачи в сфере культуры, политики и экономики. С течением времени трудности эти частью были преодолены. Упорствующие оставались в оппозиции, другие согласились на сотрудничество, среди них проф. Руднев, полковник Кромиади, генерал Туркул, и офицеры Кравченко, граф Ламздорф, Путилин, Томашевский, барон Людингсхаузен-Вольф. Упомянуть хочу я и Д. Левицкого, Л. Рара, Н. Рышкова и других, которые сначала несли службу по охране власовского дома на Кибицвег в Далеме, а потом, осенью 1944 года, создали и вели личную канцелярию Власова.

Возможно, я забыл некоторых, даже важных, помощников. Пусть они простят мне это. Мне пришлось восстанавливать все имена по памяти, так как тогдашние заметки не содержат ни имен, ни дат: я должен был считаться с тем, что мои записки могут попасть в руки Гестапо.

В дальнейшем описывается, в общих чертах, конечно, ряд типичных контактов Власова с представителями как немецкой, так и русской групп. Количество немецких посещений продолжало все время расти – казалось, что многие до тех пор незнакомые нам доброжелатели хотели во время наступившего безвременья выразить Власову свою солидарность с его целями.

«Старые» друзья Власова среди немцев были уже не раз указаны при изложении истории Движения. Часто появлялись доктор Кнюпфер из Восточного министерства, офицеры из ОКВ/ ВПр, мои бывшие товарищи из «клуба». К «новым» принадлежали высшие офицеры и чиновники министерств, а также представители промышленности и прессы (в частности, генерал Штапф, начальник Хозяйственного штаба, и полковник И. Г. Фрейтаг-Лорингхофен). Я не забуду полковника Крафта, коменданта лагеря военнопленных в Саксонии, который пришел с пачкой номеров газеты «Заря» и со списком вопросов. Он остался доволен полученными разъяснениями и мы скоро услышали, что он провел целый ряд мер, значительно улучшивших положение военнопленных.

Жиленков любил повторять: «Если мы не двигаемся с места, действуя через армейцев, мы должны пытаться пробиваться через политиков или через партийцев. А Зыков прибавлял: «Мы должны бороться на всех возможных фронтах».

Да. Но как завязать нужные контакты? Оказалось, что Жиленков познакомился с некоторыми офицерами войск СС. Они не были из высших кругов, но, казалось, проявили понимание истинного положения дел.

Фрёлих, со своей стороны, решил прощупать почву через своих друзей в Риге. Где есть желание, там найдутся и пути. И впрямь открылись какие-то возможности.

Контакты с промышленниками были установлены, прежде всего, через Клауса Боррьеса, личного референта начальника Главного управления железа и стали в министерстве Шпеера.

Клаус Боррьес, будучи офицером, пережил много тяжелого на разных участках фронта. После ранения он и стал личным референтом начальника Главного управления железа и стали. Под свою ответственность, он разрешил в свое время размножение «революционных» меморандумов капитана профессора Оберлендера, Гизельгера Вирзинга и Гюнтера Кауфмана. Точно также и теперь он стал действовать в пользу идей Власова и его новой европейской схемы.

Связи Боррьеса создали контакты с банками и с промышленностью. Исключительно открытыми и простыми были разговоры с господами Плейгером и Керлем, сразу же решившими действовать в своих отраслях в пользу лучшего отношения к восточным рабочим и военнопленным, с учетом пожеланий Власова. Боррьес организовал в Берлине «Деловое сотрудничество с Востоком» на Унтер ден Линден, во главе которого встал член правления Дрезденского банка Раше. Оно выступало в министерствах и в хозяйственных кругах за разумную восточную политику и за облегчение условий жизни населения занятых областей, в духе установок Власова и симпатизировавших ему немецких кругов.

Первые переговоры о создании денежного фонда для Власовского движения велись как раз с Боррьесом и Раше. С самого начала у Власова были четкие установки в этом вопросе: не правительственные субсидии, а заем для Русского Освободительного Движения, который следует получить по возможности из частных кругов. Стоит здесь упомянуть, что по инициативе Боррьеса и Раше год спустя удалось организовать переговоры при участии министра финансов графа Шверин-Крозигка о предоставлении Освободительному Движению первоначального кредита в размере полутора миллионов рейхсмарок; в этом случае это был бы уже правительственный кредит Русскому Освободительному Комитету генерала Власова. Было, однако, оговорено, что трансакция состоится лишь после признания Комитета независимой силой. Весь проект саботировался, и целый ряд частных банков предложил предварительные кредиты. И снова Власов удивлялся степени еще возможной в нацистской Германии частной инициативы. Когда же в январе 1945 года соглашение о займе было подписано, – было уже поздно.

Тем не менее, стоит подчеркнуть дух независимости Власова и в этом вопросе. Он был верным сыном своего отца-крестьянина, который от немца-соседа принял денежную помощь на обучение сына в качестве займа, а не подарка.

Один друг заинтересовал нашим делом обер-бургомистра Берлина, доктора Юлиуса Липперта. Но Липперт не видел никакой возможности

сделать что-либо для нас, так как Гитлер больше не слушал его.

Другая возможная линия вела к гаулейтеру Заукелю, ответственному за отношение к восточным рабочим и их трудовое использование, и к лектору Роберту Лею, главе немецкого Рабочего фронта. Контакта с Заукелем не последовало. (О встрече Власова с Леем см. ниже.)

Намечен был прием Власова генерал-адмиралом Дёнитцем, главнокомандующим всеми военно-морскими силами, который якобы интересовался идеей европейской интеграции с участием России. Прием этот, однако, так никогда и не состоялся, но заместители Дёнитца приняли нас несколько раз.

Моя встреча с графом Шверин-Крозигком была устроена Клаусом Боррьесом и одним промышленником. В первый раз мне представилась возможность изложить наше дело имперскому министру. Разговор был долгий. Шверин-Крозигк ставил политические и, в особенности, экономические вопросы, касающиеся занятых восточных областей. Он расспрашивал о самом Власове и о его непосредственных советниках. Наконец, он поднял проблему восточных рабочих, вопрос об их специальном значке, – о клейме, как он сказал, поставленном на людях, работающих фактически также на Германию. Министр резко отмежевывался от «теории об унтерменшах» и возмущался лозунгом о «русских, жидах, поляках и прочем сброде». Эти лозунги были в ходу в его собственном министерстве; но парадоксальным образом он утверждал, что только под прикрытием таких лозунгов можно было делать что-то положительное. В конце беседы он поблагодарил меня за информацию.

– Направление политики. – сказал Шверин-Крозигк, – решает, конечно, по-прежнему фюрер, но теперь у меня создалась по крайней мере ясная картина в той области, о которой мы говорили. – И он прибавил, что будет всё это иметь в виду, если ему представится возможность действовать.

Граф Шверин-Крозигк произвел на меня благоприятное впечатление всей своей личностью и открытостью своей натуры, а весь

разговор вдохнул в меня новую надежду. Я всё еще верил, что мнение министра в Третьем рейхе должно иметь какой-то вес.

По дороге к выходу меня перехватили и пригласили поговорить с одним из статс-секретарей министра Рейнхардтом. Он знал о цели моего визита и хотел также прослушать мою информацию о Власовском движении.

– В наше время, – сказал он, – не последнюю роль играют и статс-секретари. Иной раз они могут сделать даже больше министра.

Он обещал передать мою информацию расположенным к нам статс-секретарям других министерств. Больше я о нем, однако, никогда не слышал. Без сомнения, он так же натыкался на глухие стены.

Мелитта Видеманн, главный редактор антикоммунистического журнала «Акцион», была привлечена к нашему делу неутомимым Дюрксеном. Госпожа Видеманн поставила себе задачей установить связи с офицерами войск СС, критически настроенными по отношению к режиму. С их помощью она надеялась добиться поддержки стараниям Власова облегчить положение военнопленных, восточных рабочих и гражданского населения. К этому кругу офицеров войск СС принадлежали влиятельные лица, вроде фон Герфа, Гильдебранда и губернатора Галиции доктора Вехтера. Опыт, приобретенный ими в оккупированных восточных областях и показавший им всю порочность теории «унтерменшей», сблизил их взгляды с нашими.

В офицерском корпусе вермахта, каждый, кого госпожа Видеманн знакомила с Власовым, становился его новым союзником. Госпожа Видеманн была искренней и в то же время хорошим тактиком. Она, конечно, не могла добиться, чтобы Гиммлер и его организация изменили свой курс. Ее усилия были направлены на привлечение отдельных людей среди высших офицеров войск СС на сторону Освободительного Движения. Что могла еще сделать женщина? Если бы было побольше мужчин с ее мужеством и убежденностью.

Без сомнения, изменение расположения к нам отдельных офицеров СС происходило часто из чистейшей воды практических соображений,

как это было к в вермахте. Но и это уже был прогресс.

Проходили недели, и я всё более убеждался, что Третий рейх управляется не элитой и не партией, а одним человеком, чей разум, должно быть помутнен…

– Одним человеком? – Жиленков улыбнулся. – Это невозможно. Диктатор тоже не может обойтись без вспомогательных инструментов – своих начальников полиции, своих военных отрядов. Надо бы добраться до Гиммлера и попытаться использовать его. Может быть, можно найти пути.

Власов, Малышкин и Трухин с этим не соглашались. Но прошло некоторое время, и это стало судьбой Движения. Судьба эта сама нашла к нему пути.

Тяжелое впечатление произвел на нас разговор Власова с рейхслейтером доктором Робертом Леем, но и он заслуживает передачи. Разговор этот принял характер острого спора.

– Офицер из ОКХ в качестве переводчика? – спросил Лей еще прежде, чем мы заняли места. – Плевать мне на этот ОКХ. – добавил он и сказал, обращаясь ко мне:

– Не в обиду будь сказано, у меня свой переводчик.

Власов не любил чужих переводчиков, он опасался неточной передачи своих слов. Но переводчиком у Лея был мой петербургский школьный товарищ Пауль Вальтер, тотчас же мне по-русски шепнувший:

– Не беспокойтесь, я уже знаю… всё знаю…

Я мог на него положиться. Для Власова эта интермедия не прошла, конечно, незамеченной.

Начиная разговор, Лей спросил – почему генерал, награжденный орденом Ленина и другими советскими орденами, теперь борется с

большевизмом? Власов стал подробно рассказывать о своем революционном настроении в 1918–20 гг., о своем участии в борьбе с белогвардейскими генералами Деникиным и Врангелем и о своей вере в народ и в дело революции.

– Когда я сегодня обо всем этом вспоминаю, я спрашиваю себя: может быть, те генералы были такими же подлинными русскими патриотами и борцами за свободу, как и мы.

Он, раздумывая, помолчал, а Лей, который до сих пор слушал, заявил:

– Это всё меня не интересует; что вы рассказываете, было уже давно.

И он просил Вальтера передать генералу, чтобы тот говорил более кратко.

До 1930 года – продолжал Власов – он не был членом партии. Затем всё же вступил в нее, так как иначе, при тогдашних условиях, была бы поставлена под вопрос вся его карьера. Он же хотел оставаться в армии. Он описывал, как открылись его глаза и он постепенно стал понимать советскую действительность, и как с течением лет и по мере служебного возвышения оценка его становилась всё более отрицательной. Он видел, что хотя Кремль проводил один пятилетний план за другим, народ продолжал жить в нужде. Наконец, он пережил чистки и террор сталинского режима.

Лей прервал его:

– Это тоже меня не интересует. Я знаю ваше Открытое письмо, но ведь оно написано для дураков, то есть для быдла. Меня интересуют действительные причины перемены ваших взглядов.

Вальтер перевел. Власов встал и сказал:

– Тогда не лучше ли нам распрощаться? Если обо всем этом я не должен говорить, доктор Лей никогда не поймет, почему я начал борьбу

с большевизмом.

На это Лей, обратясь к Вальтеру, заметил:

– Я думал, что этот человек рассорился со Сталиным потому, что тот его обидел.

Власов к этому времени достаточно понимал по-немецки, а кроме того он услышал и пренебрежительный тон, которым были сказаны эти слова. Сдерживая себя, он сказал:

– Речь идет совсем не о моей личности, а о деле, о моем страдающем народе.

Лей попросил Власова продолжать рассказ. Власов начал описывать свое пребывание в Китае в 1938–39 гг. и, как всегда, при этом оживился. Он с похвалой отозвался о генералиссимусе Чан Кай-ши и предсказал поражение японцев. Лею не понравились такие речи о японских союзниках, и Вальтеру потребовалось много такта для продолжения разговора.

Когда зашла речь о проблеме «восточных рабочих» и их дискриминации, о теме «унтерменшей», Власов не скупился на критику. А затем он стал предсказывать (как он теперь любил) и нарисовал картину будущего Германии в самых мрачных красках, если – Господи избави – Красная армия перейдет ее границы. Тогда порабощенные и униженные восстанут и, грабя, прокатятся по всей Германии. Горе немецким женщинам и невинным детям! Но вина за то, что наступит, – на тех, кто сегодня попирает ногами права человека.

– Довольно предсказаний! – прервал его Лей. Видно было, что он старается сдерживать себя. Он перевел разговор на свою деятельность и заслуги по созданию Германского рабочего фронта. При этом он хвастливо расплывался в деталях. Затем он сказал, что он, Лей, хотел бы хорошего отношения к русским рабочим. Но ведь восточную политику делают другие – Розенберг, Кох, Заукель! На это их поставил фюрер. А фюрер – гений! Он знает, чего он хочет.

– Ну, что уж знает ваш фюрер о России! – откликнулся Власов. – Может быть, вы сможете это ему сказать как-нибудь. Я вижу, что вы сильная личность. Скажите Гитлеру, что если он так будет продолжать свою восточную политику, он потеряет не только восточные области, но и войну.

Лей отмахнулся:

– Фюрер уж справится. Мы заняли Украину, и пусть Сталин попробует ее у нас отнять.

Власов бросил свои попытки объяснить ему хоть что-то. Лей был представителем тех, кто кадил фимиам культу голой силы, к тому же ему еще, очевидно, в голову не приходило, что всё их здание покоится на пороховой бочке. И это был человек, которого Гитлер когда-то назвал своим «самым большим идеалистом».

Власов поднялся и в вежливой форме выразил свое сожаление, что ему не удалось разъяснить, почему миллионы людей в России борются против большевизма. А сам он – только один из многих, человек из народа.

Лей также выразил свое сожаление. Он сказал, что генерал излагал всё слишком напыщенно и сложно. Он, Лей, тоже простой человек из народа.

– Если бы вы, генерал, сказали мне просто, что вы ненавидите жидов и что вы боретесь против Сталина потому, что он окружил себя жидами, я понял бы вас. Особенно если, как вы сказали, вы лично не обижены Сталиным. А так я теперь вообще больше ничего не понимаю.

– Точно так же, как и я не могу понять вашего отношения к евреям, которые сегодня не имеют никакого влияния на Сталина. Вы воюете против невинных еврейских детей, вместо того, чтобы воевать против Сталина. Это то, чего я не понимаю и что вы должны сказать вашему фюреру.

Едва Вальтер начал переводить – Лей вскочил с побагровевшим

лицом. Вальтер, который, как мне кажется, был когда-то воодушевленным национал-социалистом, даже рейхскомиссаром по топливу, видимо, стыдился за Лея.

– Какая дубина! – шепнул он мне незаметно. Повернувшись, мы молча вышли. Власов был в мрачном настроении и сказал мне по дороге к дому:

– Немецкие офицеры слишком благовоспитанны и вежливы, чтобы добиться у Гитлера своего. Только такие быки, как этот ваш Лей, и могут пробиться. Я испробовал всё, чтобы его убедить, но он же – бык, с ничтожными мозгами; такого, пожалуй, я и не встречал еще. Иосиф Виссарионович не может желать себе лучших союзников, чем эти люди вокруг вашего фюрера.

Хотя ни Гитлер, ни Кейтель «не нуждались» во Власове, военно-воздушный и морской флот заинтересовались его Движением. Для морского флота первоочередным вопросом был вопрос отношения к «хиви». У нас было несколько разговоров с адмиралом Годтом, во время которых мы с Деллингсхаузеном могли обрисовать цели Власовского движения.

Наша связь с военно-воздушными силами установилась через энергичного подполковника Гольтерса, начальника «Восточного бюро обработки данных» в главном штабе военно-воздушных сил. У Гольтерса был прекрасно организованный лагерь в Восточной Пруссии. В этом лагере были объединены в лётное соединение боровшиеся на немецкой стороне русские лётчики – офицеры и солдаты; ими командовал русский лётчик, полковник Мальцев. Гольтерсу очень быстро удалось для этого русского персонала добиться такого же положения, как у нас в Дабендорфе. Благодаря, однако, лучшему снабжению и экипировке в военно-воздушных войсках, русские офицеры-летчики выделялись среди своих товарищей в Дабендорфе, когда они, по договоренности с Гольтерсом, также смогли участвовать в учебных курсах. Этим первым лётным соединением Гольтерс стремился заложить основу будущей военной авиации Русской Освободительной Армии.

Насколько хорошо чувствовал себя русский персонал, благодаря заботам Гольтерса и его штаба, выяснилось при посещении Власовым лагеря «Восточного бюро». Отвечая на вопросы Власова, русские единодушно говорили, что полковник Гольтерс, а в особенности его адъютант-эстонец, «не за страх, а за совесть» способствуют делу русской освободительной борьбы. И Гольтерс понимал, что благоприятных условий снабжения и организации недостаточно, нужна более твердая, идейная основа для настоящего сотрудничества. Может быть, Власовское движение было ответом на этот вопрос.

Полное взаимопонимание между Власовым и Мальцевым обеспечивало тесное сотрудничество с русским штабом в Дабендорфе. При этом обнаружилось, что и в лагере «Восточного бюро» военно-воздушных сил эволюция взглядов, а также и «тактических» действий выявила много аналогий. В основном и здесь всё началось с надежд, которые мы еще в 1942 году питали в нашем «клубе» Генерального штаба группы армий «Центр» в Виннице. Гольтерс надеялся вскоре завоевать свое высшее начальство, то есть рейхсмаршала Геринга, для нашего дела и неоднократно говорил: «Наше дело двинется много скорее, чем ваше». Вскоре мы заручились и поддержкой генерала Ашенбреннера, бывшего атташе военно-воздушных сил в Москве, командующего лётчиками-добровольцами. Он побывал в Дабендорфе и у Власова в Далеме. Оба генерала быстро договорились. Ашенбреннер знал Москву и окружение Сталина, и считал, что там есть люди, которых можно было бы, несомненно, привлечь на свою сторону при развороте дела. Они, может быть, и сами сбросили бы Сталина, если бы Гитлер повел иную, не захватническую политику и если бы нацисты не смотрели на советских людей как на уголовников и «унтерменшей». Ашенбреннер назвал целый ряд советских руководителей, которых он считал своими друзьями, среди них – Микояна и Ворошилова. Власов, со своей стороны, знал нескольких крупных генералов, настроенных резко антисталински.

Впоследствии, когда Дабендорф атаковали со всех сторон и генерал восточных войск не пришел нам на помощь, совместно со штабом Гольтерса-Мальцева был подготовлен план переноса лагеря Дабендорф

в Пиллау в Восточной Пруссии, под предлогом, что всё учащающиеся воздушные налеты союзников на Берлин мешают учебному процессу. Гелен дал на это свое согласие. План этот не был осуществлен, но тогда мы должны были готовиться к отражению возможных неприятностей.

Наше положение становилось день ото дня труднее. Поздней осенью 1943 года оно стало почти невыносимым.

Дабендорф находился под постоянным обстрелом со стороны явных и скрытых противников, бюрократических и военно-бюрократических, мешавших работе больше, чем авиация союзников. Хотя и падали иногда зажигательные бомбы на бараки лагерного городка, хотя, бывало, срывало взрывами крыши, – все эти внешние повреждения можно было быстро исправить. Роты маршировали к противоосколочным рвам в ближайшем лесу, а после отбоя возвращались в свои помещения. Несколько нарушали расписание дневные налеты авиации, и приходилось продлевать курс обучения.

Наши немецкие враги были, однако, гораздо опаснее. Я уже упоминал ревнивое отношение Восточного министерства в вопросе национальных меньшинств и обвинение власовцев в великорусском шовинизме. Но всё новые и новые нападки СД мешали деятельности руководства и угрожали его личной безопасности. Какие-то неопределимые учреждения СС, СД и различных партийных органов, используя все имевшиеся в их распоряжении средства, старались очернить и оклеветать русских и немецких членов руководства. Непосредственное вмешательство государственных и полицейских органов было пока невозможно, так как дело шло об армейском учреждении, военно-правовой статус которого был бесспорен.

Вот несколько примеров обвинений:

Дабендорф – коммунистическое гнездо. В Дабендорфе – антигерманские и антинационал-социалистические настроения. В Дабендорфе нет ни одного портрета фюрера. Дабендорф – убежище для жидов и поляков, шпионов и уголовников. Дабендорф подпольно держит связь с британской разведкой и с французским резистансом.

В Дабендорфе нет дисциплины, сильно развито пьянство, едят огромное количество чеснока, – и Бог знает какие еще обвинения нам ни бросались, только чтобы дискредитировать наше дело. Даже то, что питание было лучше, чем в германских тыловых частях, ставилось в упрек германскому командованию Дабендорфа.

Все эти обвинения основывались на доносах неопознанных «информаторов». Я думаю, среди них были и немецкие коммунисты, и ярые нацисты, и опустившиеся эмигранты, и продавшиеся красноармейцы, и агенты НКВД… Эти нападки были направлены, главным образом, лично против начальника Дабендорфа Штрик-Штрикфельдта, которому приписывались связи даже с Интеллидженс Сервис (подчиненных мне офицеров неоднократно вызывали в отдел Абвера генерала восточных войск, где их допрашивали, поскольку туда поступали на меня доносы из СД); против его заместителя фон Деллингсхаузена; против Фрёлиха; против коменданта лагеря Эльбена; против немецкого руководителя учебной части барона фон дер Роппа и, понятно, против офицера Абвера барона фон Клейста (о последнем говорилось, что он «у русских в кармане», что он всё свое время проводит в кругу русских офицеров и слеп к антинемецкой инфильтрации среди русского персонала, поэтому его следует немедленно отстранить). Эти нападки были, конечно, подкреплены свидетельствами.

Как уже упоминалось, борьба с советской инфильтрацией, о которой мы, конечно, знали, была передана немецким штабом Дабендорфа русским, она велась тонко и успешно.

Трудность была в том, что, защищаясь с одного фланга, мы открывали другой. Если, например, мы указывали, что Трухин не может быть коммунистом, поскольку он придерживается национально-русских воззрений, то ответ был, что русский националист неизбежно должен быть антинемецких настроений (что было не лишено оснований).

Нападки со стороны штаба генерала восточных войск зачастую носили очень опасный характер. Планы штаба Власова находили поддержку генерала восточных войск, если они отвечали основному положению: «территориальные, не национальные русские войсковые

единицы, не крупнее батальона, надлежащее вознаграждение и, по возможности, не обязывающие ни к чему обещания безо всякого русского, украинского или иного национального политического акцента».

Подполковнику Герре, назначенному в 1943 году начальником штаба генерала восточных войск, удалось, формально, добиться многого, что было на пользу персоналу и курсантам Дабендорфа. Ему содействовали соответствующие отделы генерального штаба сухопутных сил (сам Герре пришел из Отдела ФХО). Были подготовлены или расширены положения о жаловании, отпусках, обеспечении семейств, служебных и боевых знаках отличия.

Однако всё это не могло скрыть того обстоятельства, что в основных вопросах у генерала восточных войск с немецким штабом Дабендорфа, а также отчасти и с отделом ОКВ/ВПр, существовали серьезные расхождения во мнениях, принявшие со временем весьма неприятные формы.

Это отчетливо проявилось в поведении начальника военной разведки генерала восточных войск, капитана Михеля. Вначале он живо интересовался Русским Освободительным Движением, выступал за него и устанавливал связи с влиятельными политическими кругами. Но после того, как Гитлер в июне 1943 года отклонил курс на Власова, он резко изменился: он стал требовать «равнения» дабендорфских взглядов по взглядам штаба его генерала. Он мало знал русские дела, и наше дело не было ему так уж близко. Как и многие другие, он пошел по линии наименьшего сопротивления. Он говорил, что Дабендорф должен подчиниться Абверу; русские генералы и офицеры должны быть взяты под контроль, они должны стать русскими наёмниками, а «так называемая Русская Освободительная Армия должна использоваться для пропагандных целей» – в духе директивы Гитлера Кейтелю. Как было уже сказано, Дабендорф как русская часть подчинялся генералу восточных войск. Михель сказал мне, что назначена следственная комиссия, которой поручено проверить состояние дел в Дабендорфе. У меня не было оснований протестовать.

И на этот раз, как всегда при угрожающем развитии дел, за нас

вступился Гелен: вместо следственной комиссии к нам прибыл для расследования мой бывший начальник из Генерального штаба капитан Петерсон.

Объективный отчет Петерсона о расследовании вскрыл положительные и теневые стороны дабендорфской организации. Его основное заключение, что немецкое руководство лагерем «позволило взять руль управления из своих рук», как раз подтверждает, что мы достигли того, к чему с самого начала стремились и я, и мои немецкие сотрудники: предоставить русскому руководству наибольшую, возможную в данных условиях, самостоятельность. Заключение Петерсона о преподавании на курсах – «без сомнения антибольшевистское, но и не прогерманское» – опять же лишь подтверждает, что власовцы были не наёмниками, а русскими патриотами. Объективность Петерсона и выдержка начальника штаба генерала восточных войск полковника Герре привели к тому, что и эта угроза была отражена.

Петерсон написал мне в личном письме:

«Подчиняясь официально приказам, следует действовать по требованиям совести, но так, чтобы это не бросалось в глаза и в то же время служило нашей цели».

Петерсон выполнил тактически разумно свое задание, в рамках предписаний и по своей совести. Совесть подсказывала ему, что он должен нас поддерживать. Поэтому в заключение он написал, что «учебный лагерь выполняет поставленные ему задачи и имеет большую ценность, так как он дает обученных (и по большей части компетентных) пропагандистов для фронта и для восточных рабочих».

Но и укрепившиеся за это время зарубежные связи русских в Дабендорфе были предлогом для подозрений.

Ю. С. Жеребков, руководитель Полномочного представительства русских эмигрантов во Франции, происходил из казачьей семьи. Его дед был генерал-адъютантом царя и старейшим по чину донским казаком. В противоположность многим эмигрантам, Жеребков сразу поверил, что

Власовское движение может сыграть большую роль в освобождении родины. Он осознавал, что старые эмигранты, десятки лет не имевшие связи с русским народом, не смогут, в данной обстановке, взять на себя руководящую роль в борьбе за свободу на русской земле. Но они, благодаря знанию западного мира, могли бы оказать очень ценную помощь русским борцам за свободу и новым эмигрантам. Жеребков, который часто приезжал в Берлин, познакомился с генералом Власовым. Власов относился поначалу настороженно ко всем представителям старой эмиграции. Но Жеребкову, тем не менее, импонировала личность Власова. Он решил пропагандировать среди эмигрантов во Франции идеи Русского Освободительного Движения и попросил Власова выступить в Париже перед русскими эмигрантами. По понятным причинам Власов не мог последовать этому приглашению. Вместо него во Францию поехали Малышкин и Боярский.

Малышкин выступил перед представителями русской эмиграции и перед прессой. Он говорил о целях Русского Освободительного Движения и о новой свободной и единой России».

Успех Малышкина был огромным. Подавляемое многие годы русское национальное сознание прорвалось в спонтанном воодушевлении, когда к своим соотечественникам обратился бывший советский генерал, в форме и со столь памятными погонами российской императорской армии. Антинемецки настроенные круги русской эмиграции поняли аргумент, что в интересах русского народа надо преодолеть свои настроения и принять помощь немцев в борьбе против большевизма.

Любой умный немец с благодарностью приветствовал бы этот успех Малышкина. Национал-социалистическое правительство, однако, не проявило даже малейшего понимания. Уже на следующий день после доклада Малышкина Гроте пришлось отбивать нападки СД, Генерального штаба ОКВ и других инстанций. Агенты СД, находившиеся в зале, где говорил Малышкин, донесли о «наглых выпадах Малышкина против указанной фюрером политики». СД потребовало немедленного вмешательства и наказания виновных. Жеребкову, благодаря его связям в штабе военного главнокомандования

во Франции, удалось достать нечто, заменившее стенографическую запись доклада, при помощи чего была «исправлена» общая картина и отбит также и этот опасный удар.

Парадоксальность общего положения отразилась в том, что в то же время, когда против Русского Освободительного Движения и самого Власова всё учащались нападки, – вопреки запрету Гитлера и вопреки, а может быть, и вследствие, противоречивых установок различных ведомств по отношению ко всей проблематике восточной политики, были созданы крупные национальные воинские соединения. К ним относятся: казачья дивизия (развернутая позднее в кавалерийский корпус), под командованием немецкого генерала Гельмута фон Панвица, и ранее сформированный в Югославии Охранный корпус, состоявший из представителей старой эмиграции и возглавлявшийся бывшим царским генералом Штейфоном. Доходили случайные отрывочные сведения и о других подобных формированиях. Так, капитан Оберлендер образовал соединение из представителей кавказских народов. Об этом я узнал из ходившего по рукам меморандума Оберлендера. Оберлендер требовал в нем образования (только что запрещенного Гитлером) русской и украинской армий и признания их в качестве союзных вооруженных сил. Существовал и так называемый тюркский легион.

Наёмники вместо Освободительной армии

Время от начала войны в июне 1941 года и до отхода немцев от Москвы я назвал «русской народной революцией против сталинского режима». Осенью 1943 года такое определение уже было неприложимо к действительности. Власов и Малышкин придерживались такого же мнения. И всё же они были твердо убеждены, что еще не поздно повернуть дело в нужном направлении.

Они, вероятно, были мудрее меня. И они, как и раньше, готовы

были даже теперь стать во главе Русского Освободительного Движения против Сталина.

Конечно, так называемая (несуществующая) Русская Освободительная Армия реальным военным фактором не была. Но Власов и его друзья верили, что революция русского народа и других народов России еще возможна.

Правильность этого положения была подтверждена фактами. Даже спустя год, в конце 1944 года, при операциях победоносной Советской армии, были случаи перехода красноармейцев к власовским частям. Также и штандартенфюрер Гунтер д'Алькэн писал Гиммлеру в рапортах в июне 1944 года, что после его «власовской акции» число перебежчиков увеличилось в десять раз.

По словам Фрёлиха, в 1944 году, после Пражского манифеста, ежедневно поступало 2500–3000 заявлений о желании вступить добровольцами в Русскую Освободительную Армию – из оккупированных областей, из лагерей военнопленных и от остовцев в Германии. Полные мешки таких заявлений почта приносила каждый день в канцелярию Власова. Так что в 1943 году Власов и Малышкин, очевидно, занимали более правильную позицию, нежели я.

Осенью 1943 года Гитлер и Кейтель отнесли часть вины за различные прорывы на фронте на счет «восточных войск» в составе германской армии. «Восточные батальоны», якобы, даже целиком переходили к партизанам. Это было сообщено Гитлеру и тот, в гневе, приказал разоружить и распустить так называемые территориальные формирования, а людей – примерно 800 000 человек – направить на работу в шахты и на фабрики.

Ни один здравомыслящий офицер не мог понять, как представлял себе Гитлер разоружение этих частей при всё возрастающем давлении противника на фронте. Кто мог взять на себя ответственность за резкое ослабление силы армии и, может быть, за вооруженные столкновения в собственных рядах? И как можно было устроить и толково использовать на шахтах и в промышленности более полумиллиона необученных и не пригодных к тому людей?

ОКХ выдвинуло обоснованные возражения. Гельмих и Герре смогли сперва задержать проведение в жизнь этого плана, указав начальнику Генерального штаба на катастрофические последствия его. Генерал восточных войск Гельмих срочно запросил все дивизии фронта и уже через несколько часов смог представить начальнику Генерального штаба Цейтцлеру бесспорные свидетельства, что имеющиеся в Ставке фюрера донесения о ненадежности территориальных частей не отвечают действительности. Число так называемых перебежчиков, а также попавших в плен бойцов «восточных войск» не дает никаких оснований к беспокойству: потери находятся, примерно, в тех же пределах, что и в немецких частях. Нам передавали, что даже фельдмаршал Кейтель имел серьезные возражения против намеченных мер.

В середине октября пришло решение: разоружения не будет. Фюрер приказал все восточные войска перевести на Запад – во Францию, Италию и Данию.

«По крайней мере, уцелеет живая сила», – так комментировал Герре этот приказ. Герре сам хотел верить в это, и всем нам не оставалось ничего иного, как постараться поверить.

Но за истекшие недели, пока длилось состояние неопределенности, беды произошло всё же немало. Так, мы в Дабендорфе получили приказ направить на шахты офицеров и солдат ряда восточных батальонов, проходивших у нас курс обучения. Приказ пришел за несколько дней до окончания курса, когда добровольцы ожидали лишь получения нового обмундирования.

Деллингсхаузен и я, в согласии с генералом Трухиным, решили немедленно отправить всех этих людей обратно в их части на восток. Это было возможно, так как курс был продлен и срок их пребывания в Дабендорфе уже, собственно, истек.

Однако генерал восточных войск настаивал на том, чтобы все курсанты были переданы в распоряжение генерального уполномоченного по трудовым ресурсам Заукеля. Дело дошло до резкого спора между штабом Гельмиха и штабом Дабендорфа. А за это

время люди уже были отправлены в свои части и лишь ничтожно малое число – те, что ранее не были приписаны ни к какой части, – были переданы в горную промышленность. Острота положения была снята вмешательством Герре в Генеральном штабе ОКВ с аргументом «о сохранении живой силы».

Гораздо более серьезный случай произошел, когда по распоряжению Гельмиха должна была быть распущена одна русская часть в тылу фронта. Случилось так, что генерал Жиленков, по поручению Власова, как раз приехал в эту часть. Солдаты грозили начать мятеж, и Жиленков сообщил мне по телефону, что он, к сожалению, должен будет стать во главе мятежников. Герре, начальник штаба Гельмиха, не мог мне помочь, и я поспешил в Мауэрвальд. И в этом, крайне щекотливом случае вмешался Гелен. Благодаря ему, это событие не имело административных последствий и всё было улажено между штабом Власова и ответственным за случай штабом генерала восточных войск. Герре оказался, конечно, в невозможном положении: кто мог действовать явно вразрез с приказом главнокомандующего, даже если этот приказ невыполним?

Это были тяжелые дни. У нас была выбита почва из-под ног. Хотя благодаря переводу «восточных войск» на запад снята была угроза худшей катастрофы (что было, как я узнал позже, заслугой Гельмиха и Герре), решение Гитлера означало не что иное, как полное крушение предпринятых Геленом и офицерами ОКХ – Вагнером, Штифом, Штауфенбергом, Альтенштадтом и др. – попыток повернуть ход войны на востоке.

Это – с немецкой точки зрения. Для русских же добровольцев это решение означало крушение их надежд увидеть когда-либо свой родной дом. Может быть, они еще ясно не осознали, что им предстоит, но у них были страшные предчувствия.

Как я уже говорил, большинство добровольцев попало в плен к немцам в начале войны. Позади у них был сталинский террор. О западном мире они тогда ничего не знали. Они видели превосходство немцев и верили в немецкую победу. Они собственно не были революционерами. У них не было ни политических целей, ни вождя, ни

организации. Многие из них хотели лишь пережить войну, не умереть с голода. Они боялись плена в чужой стране. Они хотели остаться на родине, в знакомом им мире, где у них были родные и друзья и где говорили на родном языке. Немецкие переводчики, с которыми они столкнулись прежде всего, были дружелюбными людьми, говорили также на их родном языке и понимали их нужды. К тому же, Сталин считал всех пленных изменниками родины. Они стали «хиви» или добровольцами, ибо так распорядилась судьба. И каждый из них хотел бы посчитаться со Сталиным.

Лишь на немецкой стороне у них открылись глаза, и они увидели, как велика была разница между обоими мирами. За месяцы и годы они узнали, что немцы смотрят на русских как на людей второго сорта, – их немецкие командиры частей и те немецкие солдаты, с которыми они имели дело, возможно были исключением. Русские наблюдательны, и они всё примечали. Они пережили перемещения фронта туда и сюда. Не было победы, не было и возвращения к семье. Пришли сомнения, надежды потускнели.

И вот появился Власов. Он обращался к ним на их языке. Он знал их нужды. Он указывал новый путь. Жизнь и борьба снова обрели какой-то смысл. Но потом о Власове ничего не стало слышно. Где он? Что он делал для них?

Правда, они получали теперь жалование, обеспечивались снабжением. Но они спрашивали о смысле! Война не может длиться вечно. Ситуация уже изменилась. Красная армия наступала по всему фронту. Партизаны звали переходить в свои ряды. От имени Сталина они обещали перебежчикам прощение. А главное, когда немцы отходили, партизаны оставались на родной земле. И это было заманчиво!

Несмотря на такое тяжелое психологическое состояние людей, боровшихся на немецкой стороне, число тех, кто в критический момент покидал воинские части, судя по данным штаба генерала восточных войск, было невелико. Это говорило о моральной стойкости добровольцев и показывало, сколь ложны были идеи Гитлера и Кейтеля. Но их решение было принято!

Когда я рассказал Власову о роковом решении Гитлера, он тотчас же заявил, что с этими наёмниками, само собой разумеется, он не хочет иметь дела. Это явный обман – называть добровольцами людей, которые лишь пушечное мясо для немцев. Русское Освободительное Движение должно отвергнуть самую идею войны против американцев, англичан и французов.

«Особую заслугу» генерала восточных войск, – с немецкой точки зрения, – то есть идею «сохранения живой силы», Власов заклеймил как позор и предательство. Русские добровольцы никогда не брали на себя обязательства служить германским интересам. Под Новгородом, под Москвой, под Харьковом и на Дону люди эти заявляли о своей готовности бороться за освобождение родины. Это было их единственной целью.

Власов сказал еще, что генерал Лукин был, к сожалению, прав. И он сам тоже вернется в лагерь военнопленных.

– И о том вашем генерале, что в университете вел откровенный разговор со мной, больше ничего не слышно, – с горечью добавил он. Мне нечего было ему ответить.

Затем Власов собрал Малышкина, Трухина, Жиленкова и Зыкова и попросил участвовать в обсуждении положения. Все они заняли иную позицию. Они говорили, что от «самоубийц» иного, в сущности, нечего было ожидать. Но эти русские люди на фронте обмануты немцами и находятся теперь в тяжелом положении. Ни при каких обстоятельствах нельзя предоставлять их своей судьбе.

– Русской Освободительной Армии не существует. Но эти несчастные – наши соотечественники, и для нас они – наша РОА, – так суммировал положение Трухин.

– Наше стремление, нашу собственную задачу отнять у нас не может даже Гитлер, – добавил Зыков.

К счастью, Власов был способен слушать чужое мнение. Он отложил свое решение.

* * *

Понятно, что приказ о переводе частей на Запад в высшей степени обеспокоил также ВПр/IV, и Гроте с Дюрксеном искали какого-либо выхода. Генерал фон Гейгендорф – командир одной из «тюркских дивизии», неоднократно посещавший лагерь Дабендорф, – пытался личными докладами в генштабе ОКВ добиться отмены или хотя бы приостановки перевода частей; его попытки были безуспешны.

Переброска «восточных батальонов» началась сразу же. Это был приказ фюрера, и он исполнялся в первую очередь. Переброска была закончена уже в январе 1944 года.

Дело облегчалось тем, что многие немецкие дивизии перевели своих добровольцев на статус «хиви» и не отдали их. Таким образом оказывалось гораздо меньше добровольцев. Полковник Герре и его штаб закрывали на это глаза и помогали всюду, где только могли.

Добровольцы всё еще не знали о причинах перевода их на Запад. Хотя начальник разведывательного отдела генерала восточных войск, Михель, распространил инструкции и разъяснения, но русские теперь отвергали всё, что бы ни говорили немцы.

На Западе, они попали в новый, может быть, лучший мир, но они чувствовали себя оторванными от родной среды и бездомными. Большинство немецких командиров и солдат во Франции или в Италии не знали почти ничего об этих русских, украинских, кавказских и туркестанских добровольцах, появлению которых предшествовала молва о их ненадежности.

Хотя и был создан Командный штаб генерала восточных войск при командующем войсками на Западе, начальник его был так же беспомощен, как и другие. Как мог он «внушить» рассеянным по атлантическому побережью Франции немецким военным учреждениям,

что эти «унтерменши» с востока должны сперва освоиться с чуждым, им миром и потому к ним нужен особый подход? «Унтерменши» или «союзники»? Часть русских офицеров и «дабендорфцы» имели дерзость говорить о «союзниках», другие же открыто возмущались новым обманом со стороны немцев.

Очень скоро должно было обнаружиться, что такие военно-политические эксперименты опасны. Повсюду происходили ссоры и недоразумения. К тому же большинство «восточных батальонов» было плохо вооружено и недостаточно технически обучено для западного театра военных действий. Трения увеличивались с каждым днем. Командование опасалось, что дело дойдет до открытого мятежа. Долго так не могло продолжаться.

Русские добровольцы настаивали, чтобы им объяснили, чего им понадобилось искать на Западе, и объяснить это им должен был сам Власов! Гельмих был поражен, убедившись, как высок был авторитет Власова. Он думал, что только в Дабендорфе усиленно выпячивали личность Власова и что его можно было в любое время заменить другим лицом.

И не только добровольцы хотели услышать Власова.

В этой напряженной обстановке в Отделе ОКВ/ ВПр, а может быть и сам Йодль, заместитель Кейтеля в генштабе ОКВ, пришли к мысли о желательности побудить Власова составить новое Открытое письмо, в котором он дал бы успокоительные ответы на вопросы людей в «восточных батальонах» о причинах переброски их на Запад. Во всяком случае, Йодль вспомнил о Власове.

В этом новом «власовском письме» добровольцам должно было быть разъяснено, что цель их перевода на Запад – объединить мелкие воинские отряды в полки и дивизии Освободительной Армии. Такое переформирование не могло быть проведено на восточном фронте в силу давления противника. Переброска на Запад лишь временна, и задача освобождения родины остается в силе. Гроте, Дюрксен и несколько русских работали над составлением наброска по предложениям Йодля. Этот проект был передан Власову. На вопрос

Власова, действительно ли Йодль думает то, что он говорит о Русской Освободительной Армии, я не мог ничего ответить. Гроте же сказал, что Йодль лично дал указание составить такое письмо и представить ему на утверждение. У меня было ощущение, что Гроте не хотел отягощать моей совести, чтобы я чувствовал себя совершенно свободным в своих отношениях с Власовым. «Но что, если Йодль в самом деле утвердит содержание письма? – думал я. – Тогда он должен держать свое слово! Он уже не сможет отступить!»

Власов сказал, что если в генштабе ОКВ решили теперь действительно покончить со старой политикой, он готов дать свое согласие на Открытое письмо, с условием, что в текст будут внесены поправки и дополнения – самая существенная из них, что командование всеми русскими частями будет передано ему.

Гроте сказал, что, к несчастью, это сейчас не удастся поставить на обсуждение.

И действительно дело вообще не дошло до обсуждения поставленных Власовым условий. Первоначальный набросок Открытого письма был просто направлен из Отдела ВПр в генштаб ОКВ. А 5 ноября 1943 года Йодль утвердил этот текст – без изменений, которые хотел внести Власов. Таким образом, так называемого второго «Открытого письма» генерал Власов никогда не писал и не подписывал.

Не стоит и говорить, каково было психополитическое действие подобного поступка одного из самых высших по рангу офицеров германской армии на ведущий русский круг и на Власова.

Власов объявил, что, как и раньше, он не будет иметь ничего общего с «восточными войсками» во Франции, пока они будут выступать только в немецких интересах и под немецким командованием. Он настаивал, чтобы это его заявление было передано как Йодлю, так и генералу восточных войск, а затем отстранился от всяких дел.

* * *

Чтобы предотвратить угрозу полного хаоса в отрядах, в Дабендорф пришло распоряжение командировать во Францию инспекторов. Они должны были успокоить общее возбуждение. Инструкции, данные Трухиным и Жиленковым этим инспекторам, противоречили, естественно, инструкциям генерала восточных войск. В результате многие офицеры из Дабендорфа были арестованы, а другие отправлены обратно в Дабендорф. В то же время в Дабендорф пришел приказ подготавливать больше инструкторов. Уже царил форменный хаос.

Назначенный для опеки над русскими «пропагандистами» во Франции ротмистр фон Бремен не только владел многими языками, но и умел правильно подойти к людям и обладал гражданским мужеством. Когда он узнал, что дружественно к нам настроенный подполковник Ганзен, начальник Оперативного отдела в штабе генерала восточных войск, не в силах уже ничего сделать, фон Бремен сумел найти доступ к генералу Блюментритту, начальнику штаба генерал-фельдмаршала Рунштедта. Хотя Блюментритт обнаружил полное понимание вещей, дело зашло уже слишком далеко. Кроме того, и расстояние от высших штабов к «батальонам» по атлантическому побережью было большое.

Немецкий и русский штабы в Дабендорфе, вследствие переброски «восточных войск» на Запад, стояли перед огромными организационными трудностями. Русские части были включены, под названием «четвертых батальонов» в германские полки, размещенные вдоль атлантического побережья. Но они находились также и в Дании, Норвегии, Италии. Наконец, были также отряды и на восточном фронте, вопреки «приказу фюрера»: просто потому, что командиры немецких частей скрыли, как уже было упомянуто, «своих» добровольцев. Всех этих так далеко разбросанных людей нужно было обслуживать из Дабендорфа. Прежде всего, нужно было снабжать их информацией, то есть газетами на русском языке – у них остался только этот один источник сведений. Нужно было наладить новые связи. И вскоре Дабендорф организовал постоянную и надежную курьерскую связь – Берлин-Париж-Верона-Рига-Копенгаген-Осло. Мои четыре начальника

были мало осведомлены обо всем этом. Барон фон Деллингсхаузен, который образцово организовал эту сеть, никогда не говорил ни слова сверх необходимого.

Помимо того, оба дабендорфских штаба были, конечно, убеждены в необходимости сохранить контакты русских руководителей с «батальонами», чтобы, по принципу Герре, «сохранить живую силу». Поэтому Малышкин и Жиленков отправились во Францию, а Трухин – в Италию. Их задача была расплывчата и даже двусмысленна. Эти части были не под их командованием, однако могли быть рано или поздно вверены им. Один лишь факт был в их руках: «генерал Йодль и/или германское верховное главнокомандование утвердили так называемое Открытое письмо генерала Власова». Интерпретировать этот факт они могли по собственному усмотрению. В своих речах в «батальонах» Малышкин и Жиленков подчеркивали, что переброска на Запад – временное мероприятие. Борьба против англичан и американцев не входит в задачи батальонов. Это дело самих немцев. Освободительная Армия, как только она сможет действовать самостоятельно, поведет борьбу за освобождение родины.

Такие заявления явно противоречили распространявшимся генералом восточных войск лозунгам, по которым борьба с западными союзниками была частью борьбы со сталинским большевизмом. О выступлениях двух русских генералов тотчас же донесли, и на Дабендорф вновь обрушился поток обвинений. Но нападки зимой 1944 г. были уже не так опасны, как раньше: генштаб верховного командования и его начальник Йодль придавали большое значение тому, чтобы в русских частях не было никаких волнений. С их точки зрения, не было больших оснований беспокоиться, если русские офицеры говорили больше, чем следовало и возбуждали у добровольцев надежды. Их можно было не оправдывать, а результат был в данный момент выгоден.

Малышкин и Жиленков вернулись в Берлин глубоко потрясенные всем виденным и признали, что Власов был прав и что добровольцы стали жертвой предумышленного обмана. Но что они могли сделать?

Я поехал во Францию вместе с Зыковым, чтобы исследовать

положение на месте. Прежде всего с немецким офицером связи фон Бременом и с Жеребковым мы подробно обсудили задачи русской прессы во Франции, вытекавшие из присутствия на территории французского государства воинских частей русской и других национальностей.

Затем, в штабе генерала восточных войск при главнокомандующем западного фронта я попытался выступить в качестве посредника, разъясняя позиции русской и немецкой сторон и стараясь привести их к соглашению. Ничего из этого не вышло. Случайно Гельмих и его начальник разведывательного отдела Михель были в одно время со мною в Париже. Как всегда, и на этот раз Гельмих был откровенен; он заявил, что предпринимал всё, что было в его возможностях (и это было правдой), но как солдат он вынужден повиноваться. При создавшемся положении он испытывает тяжкий внутренний конфликт и больше всего хотел бы вновь стать во главе какой-нибудь немецкой дивизии – он тогда знал бы, за что он как солдат несет ответственность.

Михель занял иную позицию. Он всё время подчеркивал, что деятельность дабендорфских штабов противоречит воле Гитлера, а потому он вынужден принять меры против лиц, опекающих русских. Хотя так называемое Открытое письмо Власова утверждено Йодлем, нет никаких сомнений, что содержащиеся в нем обещания нельзя принимать всерьёз. Дабендорф превратился гнездо конспираторов и пристанище антинемецких элементов. Давно пора его прикрыть.

Я возражал и предостерегал, что обман добровольцев не приведет ни к чему хорошему. Интересно, что этот последний разговор с Гельмихом и Михелем происходил, когда мы уже покинули служебное помещение, – прямо на улице, среди парижского уличного движения. Прощаясь, Гельмих посоветовал мне продумать его слова о солдатском подчинении и сказал что-то доброе, чтобы меня успокоить.

Контрастом к ограниченному образу мыслей обоих этих моих собеседников были слова Зыкова, сказанные им в тот же вечер во время прогулки по старинным кварталам Парижа. В узком переулке, глядя на постройки времен ancien regime, он заметил:

– Смотрите-ка, Вильфрид Карлович, здесь могли бы сейчас появиться три мушкетера или загадочная карета с придворной дамой. Я никогда не бывал в Париже, и всё же я чувствую в этот первый вечер здесь, что я уже его давно знаю. Это потому, что мы, как и вы, – европейцы. Мы принадлежим Европе, Европа – наша общая духовная родина.

Идея европейской семьи народов завладела мыслями сотрудников Власова. Она же толкала их на пути, опасные, при существовавших тогда отношениях, как для них самих, так и для поддерживавших их немцев. Так, Зыков не побоялся установить в Праге связь с сотрудниками бывшего чехословацкого Генерального штаба, причем, конечно, не было допущено ничего, что могло бы создать впечатление заговора против Германии. В Югославии также были установлены контакты с кругами сторонников идеи сообщества европейских народов.

Как уже было отмечено, добровольческие части были направлены и в Италию, Данию, Норвегию. Надо было посылать и туда инспекторов из Дабендорфа. Но в этих странах трудности были не так велики, как во Франции. В частности, отрадным моментом в поездке генерала Трухина в Италию был его доклад у фельдмаршала Кессельринга. Кессельринг проявил полное понимание установок русского руководства Дабендорфа и русских частей. Хотя он также не мог ничего сделать для решительного изменения положения, но некоторое облегчение этот доклад все же принес. В Дании и Норвегии работа инспекторов, опекавших русские части, проходила без помех.

Тех, кто опекал оставшиеся на восточном фронте части, поддерживали, особенно из Риги, не только воинские учреждения, но и многие здравомыслящие лица, действовавшие по собственной инициативе (например, доктор Капп из генерального комиссариата Латвии, генерал войск СС Шредер и другие). Полезными оказались также связи Фрёлиха с авторитетными представителями латышской общественности.

* * *

1 января 1944 года генерал Гельмих был заменен генералом-от-кавалерии и бывшим германским военным атташе в Москве Кёстрингом. Одновременно наименование «генерал восточных войск» было изменено на «генерал добровольческих частей». Нам казалось, что в ОКХ пытаются оживить идею Рённе, поддержанную Геленом, о необходимости «политического ведения войны».

Штауфенберг, оправившись от полученного в Африке тяжелого ранения, вернулся к штабной работе в Общем управлении сухопутных сил и с большой энергией выступал во всех имевших к этому отношение штабах в пользу добровольческих частей (он их называл своим «больным ребенком»). Он же добивался и назначения Кёстринга.

Кёстринг родился в России, там же учился, и потому русский язык был для него вторым родным. Успешно прослужив позднее много лет в качестве военного атташе на «своей русской родине», он отлично знал психологию русских людей. Вполне закономерно, что Кёстринг пользовался большим уважением среди руководящих кадров советских вооруженных сил и что некоторые видные советские генералы были его друзьями.

Кёстринг до войны предупреждал Берлин, что, несмотря на чистку в Красной армии, боеспособность ее нельзя недооценивать. Он отмечал рост советской военной промышленности. Он не был согласен с Гитлером, что Советский Союз собирается напасть на Третий рейх: Кёстринг знал Россию достаточно хорошо, чтобы видеть, что Сталин стремится к мировой революции, но ему так же хорошо был известен классический советский рецепт, по которому капиталистические страны должны сначала перегрызть глотку друг другу, а потом упасть, как спелый плод, в руки Кремля.

Особенно интересно (Кёстринг мне сам об этом факте говорил позднее): он еще до 1939 года предупреждал об усилении патриотической пропаганды в Советском Союзе и предсказывал, что это

может стать решающим фактором в случае войны.

И этот человек, с его знанием противника и его редким опытом, по своем возвращении из Москвы в 1941 году не был сразу же привлечен в Ставку фюрера в качестве советника! В то время этого никто не мог понять.

* * *

Как я уже упоминал, наш добровольческий батальон Дабендорф подчинялся генералу восточных войск, а теперь, после переименования, значит, генералу добровольческих частей, то есть Кёстрингу.

Лишь спустя несколько недель после вступления Кёстринга в должность я был вызван к нему в Егерхёэ под Лётценом. Полный напряженного ожидания, вошел я в рабочую комнату генерала, о котором так много слышал.

Первый наш разговор длился почти три часа. Вначале я должен был ответить на ряд конкретных вопросов. Генерал ставил их мне в приятной, спокойной форме: возникновение Дабендорфа, отношения с ОКВ/ВПр и с ОКХ; Власов и его сотрудники; перевоспитание и обучение в Дабендорфе, и многое другое. Генерал часто прерывал мои объяснения остроумно-едкими репликами, что ободрило меня говорить с полной откровенностью. Решился я указать и на возникшие в последние месяцы разногласия между генералом восточных войск и штабом в Дабендорфе.

Казалось, что старый знаток России уже всё знает и всё понимает. Затем, другим тоном, начал говорить он о своем опыте последних десяти лет. Он рассказал, что в 1941 году, по своем возвращении из Москвы, докладывал «фюреру» о корректном отношении с русской стороны к персоналу германского посольства после начала войны и на всем пути от Москвы на юг. Гитлеру так не понравилось это сообщение,

что он в течение всего обеда ни разу не обратился к своему военному атташе. И никогда позже, добавил Кёстринг, главнокомандующий не выказал ни малейшего желания узнать его – Кёстринга – взгляды на текущие проблемы.

– Сталин, – заметил Кёстринг, – как и Черчилль, часто резко менял курс своей политики; Гитлер же никогда не изменит своей политики в отношении России. «Фюрер» заявил раз и навсегда, что он и не помышляет предоставить народам России независимость. Поэтому Русская Освободительная Армия останется фикцией.

Он, Кёстринг, получил подтверждение этого, когда принимал эту должность. Поэтому ему, как солдату, не остается, к сожалению, ничего иного, как подчиниться этой установке. Как генерал добровольческих частей он может лишь продолжать старания своего предшественника Гельмиха об уравнении солдат и офицеров этих частей с германскими военнослужащими:

– Я могу и я буду делать все возможное, чтобы обеспечить гуманное и корректное отношение к этим людям, борющимся на нашей стороне. Я буду стоять за их равенство с немцами. Я сделаю, что возможно, для восточных рабочих. Но этим уже и намечен предел моим действиям.

Несмотря на мое разочарование, я был поражен прямолинейностью и честностью этого человека: он был готов выполнить солдатский свой долг, полностью осознавая трагедию, в которую он был замешан. Позже я услышал о мерах, предпринятых им для улучшения положения добровольцев; эти меры выходили далеко за пределы данных ему инструкций.

Я нахожу, что его интуиция и опыт подсказывали ему «великороссийский» путь. И всё же он заявил, что во всех вопросах национальной политики он должен будет держаться установок Розенберга. Как и Власов, он считал, что после свержения большевизма (теперь уже – лишь теоретическая возможность) народы России должны получить право на самоопределение в рамках общеевропейского сообщества. Мы обсуждали эту возможность, когда я попытался найти с

ним точки соприкосновения. Когда же я поднял вопрос – не подготовить ли встречу его с Власовым, Кёстринг отклонил это предложение:

– Власов стал пугалом для «фюрера» и господ на верхах ОКВ. Поэтому я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с ним. Никто не сможет мне потом сказать: «И ты, Брут!» И ты, Кёстринг, зачарован этим русским. Лучше, если я его не буду знать.

Когда я позволил себе указать на популярность и на сильное влияние личности Власова на его соотечественников, он решительно возразил мне:

– Этому я не верю. В России военные никогда не были так популярны, как в Германии. Русские думают и чувствуют иначе. А факт остается фактом, что Гитлер не хочет ничего слышать о Власове. И если в будущем нам придется когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, – что нужно было бы, кстати, сделать еще в 1941 году, – то мы должны будем найти другого человека.

Здесь наши взгляды расходились. В моих глазах Власов был не просто одним из многих военных руководителей. Он стал знаменем. Он стал воплощением желаний и надежд миллионов людей, страстно стремившихся к лучшему порядку и к лучшей жизни.

Под конец Кёстринг заметил, что я могу всегда рассчитывать на его поддержку во всех военных вопросах, но он хочет оставаться вне какой-либо политической игры. На этом и закончился наш разговор.

В течение первой половины 1944 года я несколько раз имел возможность говорить с Кёстрингом. В апреле 1944 года полковник Герре передал майору Фёлькелю должность начальника штаба, при генерале добровольческих частей: он также просил о своем откомандировании на фронт.

Но не всегда можно было разграничить военные и политические вопросы, как того хотел Кёстринг. Так, например, он не мог не дать

своего подтверждения на заявлении Власова, касавшегося отношения добровольцев к еврейскому вопросу (к этому я еще вернусь). Оно было передано на его утверждение после того, как дабендорфский немецкий редактор Борман, чтобы выиграть время, умышленно и очень тактично наладил «диспут» между разными ведомствами об отношении добровольцев к антисемитизму.

В этой связи я вспоминаю об одной сценке в рабочей комнате Кёстринга, характерной для тогдашней политической атмосферы, психологического состояния людей на высоких постах и необходимости правильной, но и слегка двусмысленной реакции на опасные вопросы.

Один офицер высокого ранга и убежденнейший нацист, во время обмена мнениями, в резкой форме набросился на адъютанта Кёстринга ротмистра фон Герварта (который очень неодобрительно относился к расистским теориям национал-социалистов):

– Похоже на то, господин фон Герварт, что вы отождествляете себя с проеврейскими установками этих бывших русских большевиков. Почему, собственно, вы это делаете?

– Потому что я, как я уже подробно изложил, разделяю точку зрения этих людей, – холодно ответил Герварт. – И еще, впрочем, потому, что я не хочу все этим временным вздором погубить мою будущую карьеру.

Этическое обоснование своего неприятия антисемитизма могло бы повредить Герварту, да и не было бы понято этим человеком. Но циничный ответ ротмистра (по гражданской профессии дипломата) был для него убедителен:

– Ага, – сказал он, – ясно, карьера; это я понимаю.

– Видите, – сказал Герварт, когда мы остались наедине, – так нужно говорить с этими людьми. Другого этот человек вообще бы не понял.

Герварт не мог мне тогда сказать о своей принадлежности к движению сопротивления.

Я был в трудном и, лично, в неприятном положении из-за нежелания Кёстринга встретиться с Власовым. Для Власова новый генерал добровольческих частей был редким представителем германского генералитета, с которым он не только мог бы всё обсудить на своем родном языке, но и, при знании деталей военного и политического порядка на стороне противника, мог сделать обоснованные прогнозы. И это тем более, что он знал, как уже в начале войны Кёстринг предостерегал от недооценки советского вооруженного потенциала и силы русского патриотизма.

(Вследствие уклончивого поведения Кёстринга, Власов встретил его в первый раз 14 ноября 1944 года, в день объявления Пражского манифеста и основания Комитета Освобождения Народов России.)

Я изложил Власову точку зрения генерала Кёстринга и не скрыл при этом моего уважения к этому человеку. Власов, который уже много слышал о Кёстринге, не обнаружил, однако, никакого понимания линии его поведения.

– Форма, жалованье, снабжение… Страшно важно, когда фронт трещит, – заметил он с усмешкой. – Зачем всё это, если Красная армия раздавит вскоре не только вашего генерала наёмников, но и всю Германию.

Власов отлично знал, что Кёстринг не мог сделать ничего, чтобы предотвратить надвигающуюся судьбу. Но в его глазах старания Кёстринга улучшить условия службы добровольцев только подчеркивали их статус наёмников. Он отказался иметь что-либо общее с «кёстрингскими наймитами». Напрасно я пытался убедить его, что этот немецкий генерал предельно честен и обладает большим чувством ответственности.

Благодаря стараниям Гельмиха и Герре, для целого ряда мероприятий уже были разработаны планы. Под начальством Кёстринга были теперь закончены подготовительные работы, и планы вступили в действие. Большинство этих мероприятий должно было бы быть проведено уже осенью 1941 года! В частности: при каждой дивизии стали работать специальные отделы, занимавшиеся делами

добровольцев; были созданы специальные госпитали и дома отдыха; русские врачи и младший медицинский персонал подготавливались на специальных профессиональных курсах; были урегулированы право на пенсию и на выплату содержания вдовам и сиротам; были разработаны устав внутренней службы и дисциплинарный устав для добровольцев; уже существовавшая в Дабендорфе практика выдачи разрешения на заключение брака была Кёстрингом распространена на всех добровольцев; было вновь признано право добровольцев на награждение Железным крестом, которое было введено осенью 1941 года и уничтожено приказом Гитлера; немецкие военные должны были отдавать честь русским офицерам.

Это была одна сторона медали, и, несомненно, всё это было в большой степени заслугой Кёстринга. Но, что касается главной нашей цели, – летом 1944 года мы, казалось, были от нее дальше, чем когда-либо.

III. СС и Освободительное движение

В поисках выхода

Вполне понятно, что Власов и его сотрудники очень внимательно следили за угрожающим положением на фронтах. В самом узком кругу, в который привлекли также Деллингсхаузена, Фрёлиха и меня, обсуждались планы действий на случай крушения Третьего рейха.

Представители так называемого западного крыла предлагали уже сейчас установить контакты с англосаксонскими державами и с французским движением сопротивления. Напрашивалась возможность использовать для этого содействие НТС, – как эмигрантская организация, он имел своих членов во многих странах, включая и страны, воюющие с Германией.

Те же мысли занимали и меня, причем я питал надежду, что после падения нацистов, может быть, всё же дело придет к созданию союза всех свободных народов, включая немцев, направленного против второй угрозы Европе – теперь уже со стороны диктатуры Сталина и большевизма.

Власов видел, пожалуй, яснее, чем и его земляки, и я. Пребывание в Китае сделало его взгляд более острым:

– В глазах американцев и англичан мы, вероятно, не «унтерменши» и не «подмастерья мясника», употребляя выражения Гиммлера, но мы – изменники, потому что мы боремся против правительства своей страны. Что это правительство не имеет никаких полномочий от своего народа, что оно его поработило и управляет им против его воли, – этою никто сегодня не хочет больше знать, хотя как раз англичане, американцы и

французы поддерживали с 1918 года по 1920-й белые армии в борьбе против советского правительства, присылая оружие, снабжение и даже войска! Но сегодня Сталин – союзник англосаксов в борьбе против их общего врага – Гитлера! Поэтому мы сегодня предатели. Чего можно ожидать от англосаксов? Забыты гарантии свободы, данные Польше, балтийским народам, чехам, югославам и грекам! И англосаксы отвернутся от наших посланцев, поскольку они придут к ним как просители, с пустыми руками. А кроме того, союз свободных народов Европы осуществим лишь при участии Германии, которая признала бы концепцию новой Европы. И всё это не в нашей власти. Что же мы можем всё-таки сделать? По отношению к Гитлеру я не признаю никакой лояльности. Но иное дело те немцы, которые всегда видели в нас людей и союзников. Думаю, что единственный выход – всеми силами стараться сохранить и по возможности растить русскую «живую силу» до краха нацистов. Только если мы станем фактором силы, мы, вместе с чехами, поляками, югославами, благоразумными немцами и другими народами Европы, можем рассчитывать, что, рано или поздно, англосаксы признают нас.

Так аргументировал Власов, в нашем маленьком кругу не было никого, кто мог бы ему что-то на это возразить. Живая сила должна быть сохранена. Но русские борцы за свободу ныне должны были идти этим путем одни.

* * *

Еще в январе 1944 года я изложил генералу Гелену, при ночной с ним беседе, мои мысли о предстоящем конце войны и дополнял их кратким пересказом взглядов Власова. Я предложил ему тогда, если это желательно, отправиться в Португалию, чтобы там установить связь с моим старым школьным другом, занимавшим до 1929 года видное положение на британской службе. Но я не знал о нем ничего с начала войны, и связь пришлось бы налаживать заново. Гелен поблагодарил

меня за откровенность и с такой же откровенностью сказал, что подобные контакты немцами по разным линиям недавно уже намечены, так что надо подождать результатов; если же будет нужно, он вернется к моему предложению.

Я рассказываю об этом только, чтобы показать, насколько откровенно мог говорить подчиненный со своим начальником в ОКХ, когда дело шло о служении народу, еще в январе 1944 года. С бароном Фрейтаг-Лорингхофеном, который часто посещал Власова в Далеме, открыто обсуждались все вопросы возможного развития дел после поражения Третьего рейха. Как балтийский немец, он свободно говорил по-русски.

Барон Фрейтаг-Лорингхофен успешно проводил операции с казачьими частями при группе армий «Юг». Полковник Генерального штаба, он отказался занять предложенную ему должность начальника штаба генерала добровольческих частей. Он пережил унижение Германии и безнадежное положение немцев после поражения в первой мировой войне. Он видел, как национал-социализм уничтожил безработицу и принес благосостояние народу. Затем ему пришлось быть свидетелем того, как Третий рейх, выросший из реакции широких слоев народа на унизительные и экономически тяжелые условия Версальского договора, перешел к жестокому закабалению других народов. И он стал врагом нацистов.

В одном из разговоров с Власовым Фрейтаг-Лорингхофен поднял принципиальный вопрос: допустимо ли вообще, с моральной точки зрения, – учитывая насильнические методы национал – социалистов, – помогать Гитлеру выиграть войну против Советского Союза.

– Вы говорите, «выиграть войну». Неверна ваша предпосылка, отсюда неверен и вывод. Германская победа в России невозможна, и стала она практически невозможной после отказа, в первые месяцы 1941 года, пойти на союз с русскими свободолюбивыми силами. Еще сегодня, вероятно, возможна победа над Сталиным русского освободительного движения. С немецкой или с иной поддержкой. Я говорю сперва «с немецкой» не потому, что я люблю немцев, а потому, что немцы пока единственные, кто борется со Сталиным. Через два года

картина может сильно измениться.

Фрейтаг-Лорингхофен возразил:

– А что если из этой борьбы победителями выйдут немецкие и русские нацисты?

Власов:

– Ну, ни я, ни мои сотрудники – не национал-социалисты. Это вы, вероятно, заметили. А если Гитлер думает обойтись нашими подхалимами, которые пресмыкаются перед ним и на всё согласны, то это – его дело. В один прекрасный день и его марионеточные правительства перестанут плясать под его дудку! Просто, такое положение не может долго продлиться. Важно вот что: Гитлер боится завтрашней национальной России, а проигрывает войну против Советской России уже сегодня… У меня же теперь лишь одна забота, чтобы Освободительное Движение не пошло ко дну во время крушения Германии.

Потом он добавил:

– Это будет возможно, если найдутся германские офицеры, с которыми мы решимся на этот последний отчаянный шаг для спасения свободы всех европейских народов, включая народы Советского Союза.

Между тем, в январе 1944 года рухнул Северный фронт. После тяжелых боев, командованию группы армий «Север» удалось отвести войска на линию Нарва-Чудское озеро-Псков-Опочка-Полоцк. Гитлер снял фельдмаршала фон Кюхлера и заменил его генералом Моделем.

Отважные финны под командованием фельдмаршала Маннергейма вынуждены были просить перемирия.

На Среднем и Южном фронтах Красная армия продвинулась с декабря 1943 года по апрель 1944 года почти до Буга и до Карпат. Она стояла у границ балтийских государств, Польши, Галиции, Венгрии и Румынии.

Но германская армия еще занимала русскую территорию, равную по площади Баварии, Саксонии, Вюртемберг-Бадену и Гессену, с 12 миллионами населения – запуганных, отчаявшихся и ловящих проблески надежды людей.

В то время как мы, с одной стороны, ломали себе головы над возможностями спасти, в этой запутанной ситуации весны 1944 года, что еще можно было, с другой стороны, нам приходилось всё чаще защищать Дабендорф от подозрений и прямых обвинений СД. Один упрек, повторявшийся непрестанно, гласил:

«В газетах Власова “Заря” и “Доброволец” слишком мало места отводится борьбе против еврейства. В статьях на эту тему, – если они вообще публикуются, – нет силы убеждения. Причина: главный редактор – Зыков – по-видимому, еврей. Вообще здесь приходится думать о саботаже».

Зыков и его помощник Ковальчук подали Гроте и мне жалобу, так как немецкий редактор Борман, до той поры обнаруживавший большие такт и находчивость в своем незавидном положении между молотом (нацистскими требованиями) и наковальней (русскими стремлениями), не видел больше никакого выхода.

Но ни Гроте, ни я на этот раз также не могли найти выхода. И наконец сам же Борман предложил: попросить у соответствующих инстанций соображения, изложенные в меморандуме под заголовком «Особое отношение восточных добровольцев к еврейскому вопросу». Министерство пропаганды, Восточное министерство и СД должны были сперва основательно поспорить между собой по этому вопросу, сойтись на чем-либо или перессориться, и сообщить свое заключение. Это была блестящая идея: таким путем мы могли, по крайней мере, выиграть время. Мяч, брошенный соперничавшим ведомствам, застрял, к нашей радости, в сетке пререканий.

В этой связи, мне кажется, следует коротко остановиться на отношении Власова к еврейскому вопросу. Тем более, что после войны ему делались упреки, а ответить на них он уже не мог.

Власов редко упоминал о влиянии еврейских интеллигентов-революционеров на события в России, начиная с 1917 года. С другой стороны, он всегда повторял: «Сталин – не еврей! Палачи из ЧК и ГПУ Дзержинский и Ежов были не евреи! Берия, как и Хрущев, свирепствовавший на Украине, – не евреи. Наша борьба направлена против бесчеловечности Сталина и его палачей, безразлично какой они национальности».

Власов не стеснялся крайне резко осуждать «расовый бред» национал-социалистов и часто говорил: «Вы ведете бесчестную войну против евреев, против безоружных мужчин, женщин и невинных детей».

Власову чужда была ненависть. Его критика немцев была резкой. Кое над чем он подсмеивался, многое осуждал, но он всегда готов был понять и простить. Ему был чужд антисемитизм. Он считал, что среди евреев есть хорошие и плохие люди, как среди русских и среди немцев. Он говорил: «В целом же я убежден, что евреи, как один из древнейших культурных народов, обладают чрезвычайными способностями. С их интеллигентностью, деловитостью и широчайшими связями, они могут быть ценными согражданами. Я бы хотел, чтобы у нас было много Зыковых! Русский народный организм достаточно здоров, а процент еврейского населения так мал, что нашей стране не могло бы повредить, даже если бы все евреи, как это утверждают национал-социалисты, обладали только отрицательными: качествами. Но кто так говорит, – порет чушь. Когда национал-социалисты утверждают, что евреи виновны в нужде, в которую попал немецкий народ после 1918 года, я хотел бы спросить: разве не большинство народа, не сами немцы ответственны, в первую очередь, за свою судьбу? Почему же вы дали меньшинству забрать такую власть? Ведь это же ваша собственная вина. Если бы вы были достаточно умны и так же держались друг за друга, как евреи, тогда всё было бы в порядке. Но когда национал-социалисты заявляют, что германский народ страдал от евреев, – о чем я судить не могу, – мне вспоминается старая русская пословица: “что русскому здорово, то немцу смерть!”»

Эти взгляды Власова, как мне известно, разделяли Малышкин,

Трухин и вообще большинство в его штабе. Конечно, не все его сотрудники думали так же.

Другая серьезная атака СД по так называемому еврейскому вопросу была направлена, главным образом, против немецкого руководителя учебной части в Дабендорфе барона фон дер Роппа. Его обвиняли, будто он с кафедры заявил русским курсантам, что еврейский вопрос есть в национал-социалистической программе, но к русским он не имеет отношения; Сталин – абсолютный диктатор, и евреи не оказывают на него никакого влияния.

Такие высказывания – указывалось из СД – противоречат официальной линии и направлены против политики фюрера, поэтому необходимо провести расследование и соответственно наказать виновного. Высказывания фон дер Роппа соответствовали линии Власова, говорившего, что он не знает в Кремле, кроме Кагановича, ни одного видного члена партии – еврея. Троцкий, Зиновьев и другие евреи были в оппозиции Сталину и уничтожены, как и бесчисленное множество русских. Русское Освободительное Движение направлено не против евреев, как и не против какого-либо другого народа, а только против сталинского угнетения.

К этому приведу еще одно высказывание Власова:

«Мы не можем, – говорил он, – слепо перенимать всё у немцев. Мы, конечно, не принимаем теорию, что все русские, поляки, евреи и цыгане, – унтерменши. Только скунсы гадят в свою собственную нору». Это последнее относилось к тем, кто даже в Дабендорфе работал информатором в СД.

Трухину и его штабу в Дабендорфе были известны источники таких опасных доносов. Это были агенты, засылаемые в Дабендорф со стороны не только НКВД, но и СД. Они добывали себе таким путем от партийных органов в Берлине различные привилегии.

Атаку СД на фон дер Роппа удалось отбить с помощью здравомыслящего и влиятельного офицера СС д-ра Хенгельхаупта, так прокомментировавшего его ответ, что бомба СД не взорвалась. В этой

связи вспоминается одно небольшое происшествие, весьма показательное для того, чем занимались партийные чиновники в то время, как германские армии отступали на всех фронтах.

Было обращено внимание на одну из моих листовок, трактующую, как надо обращаться с русскими, и заявлено: «Обращаем внимание отдела ОКВ, ответственного за публикацию этой листовки, что в ней вообще нет слова “унтерменш”». Борман пригласил меня пойти к одному из его друзей в Министерство пропаганды. «Не упоминается слово «унтерменш»? – сказал Борман, – мы это исправим. Напишем так: “в каждом народе есть унтерменши, и мы резко выступаем против них”. Так и слово будет внесено, и цензор – удовлетворен». Друг Бормана улыбнулся. Он был интеллигентным человеком, но притом и циником, он не верил ни в какие расовые теории, а может быть, ему доставило удовольствие «смазать» своему «коллеге», столь неуместно поднявшему этот вопрос. Предложение Бормана было принято, и листовка прошла таким образом официальную проверку.

СС на новых путях

То, чего Штауфенберг опасался еще в 1942 году, весной 1944 года стало действительностью.

14 октября 1943 года Гиммлер в Бад-Шахене на Боденском озере держал перед офицерами воинских частей СС зажигательную речь против Власова. Можно предполагать, что Гиммлер сделал это как предостережение, так как среди офицеров частей СС всё более распространялся взгляд, что изменения положения на Востоке можно добиться лишь с помощью Власова. Гиммлер обозвал Власова «подмастерьем мясника», и сказал «эта свинья Власов». Девиз Власова – «Россия может быть побеждена только русскими» – он объявил наглостью. (Что эта фраза принадлежит не Власову, а сказана Фридрихом Шиллером 100 лет тому назад, было Гиммлеру, конечно,

неизвестно, как и призыв к свободе в «Вильгельме Телле», запрещенном в нацистской Германии.)

Мартин ознакомил меня со встречей эсэсовцев в Бад-Шахене и затем добавил: «Действуйте, но будьте теперь сугубо осторожны».

Но, вопреки этим словам Гиммлера, казалось, что СС теперь бьется над новой политической концепцией, в которую должно быть включено и отношение к народам Восточной Европы. Наряду с бельгийскими, голландскими и норвежскими частями СС, были созданы эстонские и латышские части. В процессе организации находились галицийские формирования, силой до дивизии. Сообщалось, что приток добровольцев, несмотря на германские поражения на восточном фронте, превосходит все ожидания.

Итак, почему бы не создать и русские части?

СС уже перенял от вермахта несколько русских частей. В то время как Гиммлер еще говорил об «унтерменше Власове», его офицеры занимались формированием «восточных» частей, которым, впрочем, как и ранее в армии, не ставилось никаких политических целей в их борьбе. На вопрос русских «за что мы боремся?» и со стороны СС ответа не было. Но некоторых руководителей СС этот вопрос уже занимал. Я упоминал о визитах старших офицеров СС к Власову. Они – подобно неутомимому д-ру Р. – стремились к отмене анти-славянской политики и подготавливали, таким образом, почву для сотрудничества с Власовым.

Весной 1944 года Гроте свел меня с молодым издателем журнала СС «Черный корпус», Гюнтером д’Алькэном. Это был человек быстро всё понимавший. Я думал: вот бы из этого Савла сделать Павла! В разговоре с д’Алькэном участвовали также Жиленков, Зыков и Деллингсхаузен. д’Алькэну удалось добиться согласия Гиммлера на участие нескольких власовских офицеров в пропагандной акции СС на восточном фронте с целью привлечения перебежчиков. Штандартенфюрер д’Алькэн руководил пропагандой СС. Жиленков и Зыков дали необходимые разъяснения о задачах Русского Освободительного Движения, Деллингсхаузен и я комментировали их с

практической точки зрения. Непременным условием участия русских было, что это будет акция Русского Освободительного Движения, а не войск СС. Войска СС должны предоставить русским только технические возможности. Никакого наемничества! Никакого обмана при этой, может быть, последней, попытке!

д'Алькэн сразу понял суть наших условий. Он заверил, что это не будет локальная операция на узком отрезке фронта, что она должна лишь оказать пробивное действие и повлиять на изменение курса на всем восточном фронте.

Его слова казались нам заслуживающими доверия. Началась подготовка этой акции.

Но еще до начала этой акции, получившей название «Скорпион», Русское Освободительное Движение постиг новый тяжелый удар. Я находился в Германсштадте, когда Сергей Фрёлих и пастор Шаберт передали мне из Дабендорфа известие о похищении М. А. Зыкова. Зыков, вместе со своим адъютантом Ножиным, были взяты несколькими людьми в штатском в маленьком местечке Рюдерсдорф под Берлином, где они обычно бывали по воскресеньям. Их вызвали в гостиницу на опушке леса, под предлогом телефонного разговора. Оба бесследно исчезли. Показания свидетелей были путанны и противоречивы. Так как оба имели при себе оружие, трудно было представить себе насильственный захват без сопротивления. Несмотря на расследование, предпринятое Деллингсхаузеном и д'Алькэном, об их местопребывании выяснить ничего не удалось.

Чьей работой было похищение Зыкова? Гестапо? Или, может быть, противники д'Алькэна из другой гиммлеровской организации были замешаны в этом грязном деле?

Потеря Зыкова была тяжелым ударом для Власова. И позднее, при составлении «Пражского манифеста», ему не хватало этого умного и независимого советника. Зыкова не все любили. Как начальник, он бывал суровым, даже грубым. Но он был по природе упорным борцом и наибольшим «западником» в небольшом руководящем кругу Освободительного Движения. Мы прошли вместе тяжелое время, и он

всегда был надежным, хорошим товарищем.

Этот таинственный удар одного из двух больших врагов Освободительного Движения меня лично потряс, и я снова резко ощутил свое бессилие.

* * *

Акция «Скорпион» была проведена на одном отрезке южного фронта.

Как Жиленков, так и д’Алькэн вскоре сообщили мне об исключительном успехе предприятия. Число перебежчиков из Красной армии на участке, где действовали люди Власова, сильно возросло (по данным д’Алькэна, примерно, в десять раз). д’Алькэн намеревался лишь доказать своему шефу Гиммлеру, что боевая сила Красной армии, несмотря на немецкое отступление и трудное положение на фронте, может быть еще расшатана, но лишь обнародованием политических целей Русского Освободительного Движения. Начальный успех акции «Скорпион» принес это доказательство.

Жиленков сообщил мне, что д’Алькэн предложил ему перенять от Власова руководство Русским Освободительным Движением.

Это не было интригой д’Алькэна. Он знал, что Власов для Гиммлера – как красная тряпка для быка, а выходкой в Бад-Шахене («подмастерье мясника») Гиммлер так утвердился в своем мнении, что ему просто трудно изменить свою позицию. Для д’Алькэна же дело шло, прежде всего, о достижении быстрого успеха в большом масштабе. Он думал заменой «фигуры» Власова в кратчайший срок получить согласие Гиммлера. Жиленков отклонил это предложение. Значит, всё же оставался Власов.

Я не знаю, как д’Алькэн, в конце концов, добился своего у

Гиммлера. Во всяком случае, он был не только умен, – он не боялся ответственности и обладал большим гражданским мужеством, отстаивая свои убеждения. Добиваясь этой перемены отношения к Власову, он шел на большой личный риск.

Может быть, Гелен в свое время имел бы успех со своей акцией «Просвет», если бы у него был прямой доступ к Гитлеру. Цейтцлер понимал положение, но, будучи в первую очередь и главным образом солдатом, он всегда склонялся перед волей своего начальства. Кейтелю же не хватало как понимания, так и моральной силы.

Как я уже говорил ранее, я не знаю, что происходило в кругах СС. Однако ясно, что к тому времени часть руководящих эсэсовцев начала понимать критическое положение, угрожавшее самому существованию Третьего рейха. Меня бомбардировали телефонными звонками и просьбами об информативных встречах с разных сторон, включая промышленников и министерство Шпеера. Мне говорили: «Это очень важно и спешно. Дело идет о том, чтобы получить информацию о «Власовском движении» из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь. И нам тоже!» Но о целях или намерениях моих собеседников ничего заранее не говорилось. Порою лишь при встрече я узнавал имена моих собеседников и лишь после нее мог составить себе представление об их служебном положении или функциях. Я вспоминаю отдельные имена: Керль, Плейгер, Олендорф, Шелленберг, Вехтео, Циммерман, Арльт. Что было у них на уме, оставалось неизвестным. Говорились общие слова и любезности и высказывались мнения, что известное сотрудничество с Власовым могло бы быть взаимно выгодно. Естественно, я пользовался случаем подробно информировать собеседников о позиции и целях Власова. Д-р Арльт, начальник штаба Главного управления добровольческих частей СС, был наиболее открытым и, в личном плане, даже приятным собеседником. Он открыл мне кое-что о новых намерениях СС, а именно: национальные силы и воинские части народов России в будущем должны привлекаться к сотрудничеству с СС. Это относится и к великороссам, хотя они не должны играть руководящей роли, а быть на равных началах с украинцами, кавказцами, тюркскими народами, латышами, эстонцами и другими национальностями.

Мои разговоры с Плейгером и Керлем были откровенны, но ограничивались проблемой отношения к восточным рабочим. Они обещали добиваться улучшения отношения к ним по рекомендациям Власова.

Всё же решающей беседой, приведшей к коренной, хотя и запоздалой, перемене в развитии дела, был разговор с СС-обергруппенфюрером Бергером. В приемной у него уже ранее меня был Томас Гиргензон, СА-фюрер высокого чина, пожаловавшийся мне, что он ждет более часа, хотя пришел точно в назначенное время. Мне было неловко, когда, после короткого ожидания, в обход Гиргензона я был приглашен в кабинет к Бергеру. Благодаря моему опыту, приобретенному в военные годы в ведомственных джунглях, и учитывая беседу с Арльтом, я оценил эту внеочередность приема как указание, что разговор со мной весьма важен для Бергера. И я не ошибся: Бергеру было что мне сказать!

Сперва Бергер попросил меня обстоятельно рассказать ему о Власовском движении, что я и сделал в привычной уже форме. Бергер слушал внимательно, не перебивая и не пытаясь подшучивать или же поучать меня, что было хорошим признаком. После моего доклада Бергер сказал, что хочет познакомиться с Власовым лично; он полагал, что лучше всего это сделать за обедом. Мы обговорили детали и решили, предвосхищая согласие Власова, что приглашение должно быть послано по официальным каналам.

– Мы хотим помочь вашему Власову, – весело сказал он. – Приводите его.

Это было всё.

После некоторого колебания Власов согласился на встречу, и порядок ее был установлен официальным путем. Я не помню, где был устроен этот обед. По желанию Бергера, я сидел за столом между ним и Власовым.

– Так лучше, – сказал он, – легче будет нам разговаривать.

Власов сказал мне потом, что не почувствовал в нашем хозяине фальши и поэтому изложил Бергеру свою политическую программу. Бергер с полной откровенностью заявил, что было сделано много ошибок не только в отношении России. Надо теперь их исправлять, почему он и пригласил Власова. Ошибки были сделаны и на Балканах, и в отношении Турции, которая, если бы подойти правильно, давно уже могла бы вступить в войну на стороне Германии. Самое важное – обращаться с людьми корректно и гуманно. Со всеми людьми и со всеми народами. Надо бы привлечь на свою сторону и персов, и индийцев, и арабов, – продолжал он. Он совсем отошел от темы, но в нем не чувствовалось заносчивости, а тон его был дружеским. Его замечание об отношении ко всем народам было для нас новостью. Такого мы никогда еще не слышали, да и к тому же из уст эсэсовского вельможи. И мы слушали с большим недоверием, стараясь проникнуть глубже слов.

Неожиданно Бергер наклонился ко мне и сказал:

– Как вы думаете, если мы назначим оберфюрера Крёгера связным офицером от Власова к рейхсфюреру? Вы ведь знаете Эрхарда Крёгера?

(Значит, дело зашло уже так далеко!)

Я поверхностно знал молодого рижского адвоката Крёгера, участвовавшего в движении «Heim ins Reich» («За возвращение на родину»), – в переселении балтийских немцев в Германию, организованном Гитлером после начала войны 1939 года. Сам я никогда к этому движению не принадлежал, но знал, что Крёгер играл в Прибалтике руководящую роль среди «движенцев», к которым принадлежала часть балтийских немцев, в основном молодежь, разделявших идеи национал-социализма. Однако весной 1943 года я решил посетить Крёгера и обратить его внимание на губительные последствия теории об «унтерменшах». (Крёгер был самым крупным эсэсовцем, которого я знал; он стал в Германии активным членом национал-социалистической партии и занимал высокое положение в СС). Крёгер целый час внимательно слушал меня, делал себе заметки и обещал свою поддержку, дав при этом понять, что он не одобряет политики германского правительства на Востоке. Это было всё, что я

знал о Крёгере, но когда Бергер неожиданно спросил меня о нем, я решил, что должен ответить положительно: если уж связь с СС неизбежна, то многое говорило за выбор Крёгера в качестве связного; он, как балтийский немец, более подходил к этой роли, чем какой-либо эсэсовец высокого ранга из самой Германии. Во всяком случае, я так тогда подумал.

Разговор с Бергером привел, таким образом, принципиально к договоренности, но меня мучили двойственные чувства. Меня передернуло при «фаустовской» мысли о пакте с Мефистофелем, когда Бергер, со своей простецкой манерой взяв меня под руку, сказал мне при расставании:

– Вы знаете Власова и его русских; вам и судить, подходит ли для них Крёгер. – И, обратясь к Власову, он заявил: – Я надеюсь, что мы скоро увидимся. Рейхсфюрер спрашивал меня, знаю ли я уже вас. Теперь я вас знаю.

Казалось, что СС ранним летом 1944 года решил использовать возможность, упущенную в 1941 году главным командованием вооруженных сил. Но я был уверен, что перемена курса была не добровольной, а вынужденной тяжелым положением на фронте. Цели этих людей были по-прежнему неясны. Мы не знали их, а нам придется теперь с ними работать.

Власов также был сдержан, но он видел, что это, быть может, последний шанс.

Очевидно, незадолго до нашего посещения Бергера д’Алькэн добился согласия Гиммлера на встречу с Власовым. Состоявшийся обед показал, что Гиммлер вовлек в доверие и Бергера. д’Алькэн сказал нам, кроме того, что Гитлер также дал согласие на встречу Гиммлера с Власовым и на мероприятия, могущие из нее последовать. Встреча ненавидящего русских Гиммлера с «унтерменшем» Власовым была намечена между 20 и 23 июля 1944 года.

Этот политический поворот на 180 градусов был столь поразителен, что я с большим недоверием наблюдал неожиданное развитие дел.

Власов же вновь увидел проблеск надежды. Он сначала не строил никаких планов. Он хотел иметь солдат, оружие и свободу действий. Всё остальное – приложится! Жиленков отнесся к этому повороту событий осторожно, Малышкин и Трухин – с подозрением.

В это время, в июне 1944 года, руководство НТС было арестовано и заключено в тюрьмы. Трухин, член НТС, как офицер «Русской Освободительной Армии» оставался еще на свободе. Надолго ли? Старшего преподавателя учебных курсов в Дабендорфе А. Н. Зайцева не арестовали только чудом.

20 июля 1944 года

Между тем, западные союзники высадились в Нормандии.

Малышкин поехал во Францию. То, что он доложил по возвращении, потрясло нас:

– После высадки союзников находящиеся там русские части надо списать. Русские добровольцы вне себя. Они не могут понять, зачем они должны драться против войск союзников! Немецкая пропаганда насчет того, что русские солдаты завоюют свою свободу через немецкую победу над западными союзниками, бессмысленна. Немцы нарушили свое обещание свести небольшие русские части в полки и дивизии под общим командованием Власова. Добровольцев вновь обманули. Они говорят вполне законно: почему из частей удалили русских офицеров? Где генерал Власов? Почему русские батальоны по-прежнему включены в немецкие полки? И вообще на этом загадочном и зловещем Западе всё чуждо и бессмысленно.

Часть добровольцев прошла вместе с германской армией с 1941/42 годов уже, как говорится, огонь и воду. У них, несмотря на поражения, оставалось чувство, что немецкая армия сильнее своего противника. К

тому же, они были «дома», они могли что-то делать, была какая-то цель. Здесь они стали просто пушечным мясом. Хозяевами положения оказывались американцы и англичане. Превосходство в воздухе и отличная техника производили сильное впечатление.

Малышкин рассказал, что некоторые добровольческие части храбро дрались и были разбиты, другие – русские, кавказские, среднеазиатские – бунтовали.

Пропаганда союзников обещала бойцам русских «батальонов» возвращение на родину, то есть к Сталину, или убежище в США и Канаде. Первое было равносильно выдаче в руки НКВД, второе – ссылке в еще более дальний и чуждый мир. Это показывало, что союзники не понимали, почему эти добровольцы дрались на немецкой стороне.

Большинство немецких командиров также недоумевало: что им делать с этими русскими, которых перебросили с восточного на западный фронт «из-за ненадежности»? Они требовали переводчиков и экспертов по русским делам, только не из Дабендорфа – этого «гнезда русских заговорщиков».

Импровизированное немецко-русское командование добровольческими частями работало скверно и часто теряло связь с подчиненными ему частями. Малышкин и его офицеры, естественно, были бессильны что-то сделать.

Генерал фон Нидермайер попытался, как было ранее задумано и обещано, свести батальоны в более крупные соединения. Хотя ему и удалось сформировать одно такое соединение под командованием русского полковника Буняченко и этим осуществить часть плана, но его дальнейшие намерения были сорваны похожим на бегство отступлением германских войск. Во Франции уже царил хаос.

Власов отказался от «батальонов» во Франции после того, что он называл «обманом Йодля». Про себя же он всё еще питал надежду, что растущая угроза самой Германии предоставит ему возможность собрать под своим знаменем разбросанные русские части и повести их на

борьбу с подлинным врагом их народа. То, что Малышкин увидел на местах, окончательно разрушило эти надежды. И всё же Власов твердо решил поднять вопрос об этих людях, если его встреча с Гиммлером состоится. Оставалось ждать 21 июля.

«Что вы думаете о положении во Франции?» – спрашивали меня русские. Что я мог ответить?

Я решил попытаться облегчить положение «батальонов» на Западном фронте. Как всегда, я рассчитывал на поддержку Гелена. 19 июля я выехал в Восточную Пруссию, в главную квартиру ОКХ. Но Гелен лежал в лазарете с тяжелым заражением крови. Кёстринга (в штабе которого о положении во Франции знали еще меньше, чем я), Альтенштадта и Фрейтаг-Лорингхофена также не было. Поэтому, ничего не добившись, я выехал ночным поездом обратно и ранним утром 21 июля вернулся прямо в Берлин и Дабендорф.

На дороге от станции к лагерю мою машину остановили Власов, Трухин и Боярский. Они рассказали мне о покушении на Гитлера 20 июля и о его последствиях. Им были в то время известны два имени убитых заговорщиков: граф Штауфенберг и генерал Ольбрихт. Меня охватили мрачные предчувствия.

– Наши друзья, – сказал я.

– О таких покойниках не говорят как о друзьях, – заметил Власов. – Их не знают. Не забывайте этого никогда, Вильфрид Карлович. Я прошел сталинскую школу. Это только начало. Сейчас в Германии пойдет всё точно так, как у нас в Советском Союзе!

Вскоре мы получили более полные сведения о покушении на Гитлера и о смерти графа фон Штауфенберга. Постепенно стали известны имена офицеров, ставших жертвами нацистского режима. Это были имена тех наших друзей, которые с 1942 года стремились к изменению политики в отношении России и к ведению войны политическими методами. У них, вероятно, были различные конечные цели, и не все из них были готовы безусловно поддерживать планы Власова. Но, несомненно, эта группа делала все возможное в отношении

Русского Освободительного Движения. Вот их имена: полковник граф фон Штауфенберг, полковник барон Фрейтаг-Лорингхофен, генерал Остер, генерал Ольбрихт, полковник барон фон Рённе, подполковник Кламмрот, полковник Шмидт фон Альтенштадт, подполковник Шрадер, генерал Штиф, генерал фон Треско, генерал Вагнер и многие другие. Генерала Гелена не было среди этих жертв. Счастливая случайность сохранила его нам. Из погибших после 20 июля 1944 года я особо хочу вспомнить полковника Фрейтаг-Лорингхофена.

Я уже упомянул об аресте руководителей и части членов НТС органами СД. Вскоре после этого, т. е. в конце июня, СД потребовал голов Трухина, Боярского и ряда других русских из Дабендорфа. ОКВ был бессилен. Генерал добровольческих войск Кёстринг, верный своему принципу быть только солдатом, отказался вмешаться. Мой третий начальник – начальник Берлинского округа – сказал, что русские политические дела вне его компетенции.

Когда полковник Мартин официально сообщил мне об этом и заметил, что он, к несчастью, не может вступиться ни за меня, ни за «покрываемых мною заговорщиков», я напомнил ему, что обвиняемый командир Дабендорфа лично подчинен, наряду с тремя другими инстанциями, ОКХ. Мой командир из ОКВ Мартин усмехнулся и сказал:

– Прекрасно, тогда я передам ваше дело, в порядке служебной принадлежности, вашему Отделу в Генеральном штабе! И это не в первый раз.

Я снова поехал в Мауэрвальд и явился сначала в штаб Отдела ФХО и затем в отдел II Генерального штаба, к Фрейтаг-Лорингхофену, который сразу же занялся вопросом об угрожавших арестах и коротко заявил:

– Всё необоснованно. СД будет разочарован. Головы не покатятся!

Этого было пока достаточно, чтобы отвратить непосредственную опасность: отдел II Генерального штаба ОКХ, а не СД отвечал за Дабендорф. Начальник этого отдела подполковник Шрадер составил

едкий ответ СД. Когда мы совещались над проектом этого ответа, Шрадер заметил, что настало время «весь Дабендорф» изъять из ведения ОКВ и всецело подчинить его ОКХ:

– Рано или поздно ОКВ откажется от вас, тогда как мы здесь всё же достаточно сильны, чтобы противодействовать таким козням.

– O sancta simplicitas! – вмешался Фрейтаг, – неужели вы всё еще не поняли, что Штрик, со всей своей лавочкой, потому только и жив, что у него четыре разных начальника и, следовательно, нет никакого настоящего начальства. Он и тут сидит сейчас с нами лишь потому, что ловко балансирует между этими четырьмя стульями уже в течение ряда лет. Нет, дорогой, оставьте уж его действовать по-своему, пока это возможно, – при этом он крепко пожал мою руку.

Мартин порадовался моему успеху.

А когда я 27 июля позвонил в наш старый «клуб» в ОКХ, я был поражен страшной вестью о произошедшем накануне самоубийстве Фрейтага. Его выступление в защиту нашего дела и меня лично было его последней дружеской услугой.

Глубоко потрясенный, я поспешил к Власову в Далем. У него сидели Малышкин и Жиленков.

– Еще один очень близкий друг мертв: Фрейтаг-Лорингхофен, – сказал я.

– Я не знаю его, – сказал Власов с видом совершенно равнодушным.

– Ну как же, дорогой Андрей Андреевич, тот блестящий полковник Генерального штаба, который так часто бывал у вас…

– Не помню.

Я вышел из комнаты и пошел наверх. Через несколько минут ко мне пришел Власов. Мы были одни.

– Я вам уже однажды говорил, дорогой друг, что нельзя иметь таких мертвых друзей. Я потрясен, как и вы. Барон был для всех нас особенно близким и верным другом. Но я думаю о вас. Если вы и дальше будете так неосторожны, следующий залп будет по вам.

Я возразил, что говорил в присутствии лишь двух генералов, наших ближайших друзей.

– Два лишних свидетеля, – спокойно сказал он. – Я ни минуты не сомневаюсь в их порядочности. Но зачем втягивать их? А если их когда-либо спросят: «Говорил ли капитан Штрик об этих заговорщиках как о своих друзьях? Что тогда? Из легкомыслия вы подвергнетесь смертельной опасности и потянете за собой других. Я знаю методы ЧК и НКВД, ваше Гестапо скоро будет таким же.

Ввиду развития событий после 20 июля, встреча Власова с Гиммлером была отложена на неопределенное время. Бергер, как начальник Главного управления СС, предложил поездку на отдых в Рупольдинг (Бавария), где для Власова могла быть зарезервирована квартира в доме отдыха для выздоравливающих тяжелораненых чинов боевых частей СС – «Штифт Целль». Сопровождать Власова должен был Фрёлих: положение Дабендорфа было столь критическим, что мне не хотелось его покидать. Однако Власов так настаивал, что я, в конце концов, согласился ехать с ним, хотя и знал, что он ни с кем не будет в такой безопасности, как с Фрёлихом.

В Рупольдинге нас сердечно встретила госпожа Биленберг, заведовавшая домом отдыха. Госпожа Биленберг потеряла своего мужа, врача войск СС, павшего на фронте. Всю любовь свою она отдавала теперь своей маленькой дочке Фрауке и выздоравливающим солдатам, многие из которых навсегда стали инвалидами.

Условия пребывания в Рупольдинге с самого начала не походили на интернирование. Казалось, Бергер доверял нам. Мы совершали беспрепятственно дальние прогулки по окрестностям горного курорта, и никто как будто не обращал на нас внимания. Длинными вечерами госпожа Биленберг музицировала. Мы и смеялись, и шутили, но и говорили о многих серьезных проблемах, уйти от которых было

невозможно.

Госпожа Биленберг не говорила по-русски, но Власов за это время настолько овладел немецким языком, что возможны были серьезные разговоры. Между ними возникло чувство, приведшее потом к браку. (Власов каким-то образом получил сведения, что его жена арестована и думал облегчить этим ее участь.)

Мирная, спокойная жизнь в небольшом баварском горном селе была полной противоположностью жестокой действительности внешнего мира. Об этом нам иногда напоминали бомбардировщики, пролетавшие над чудесным альпийским ландшафтом. Росло, из-за неопределенности, и наше внутреннее напряжение, порою становясь невыносимым.

Но вот, однажды утром меня позвали к телефону. Мне сообщили, что «рейхсфюрер СС ожидает генерала Власова 16 сентября в своей походной ставке в Восточной Пруссии».

Встреча Власова с Гиммлером

16 сентября мы с Власовым прибыли в главную квартиру Гиммлера под Растенбургом.

Как вновь назначенный (после 20 июля) главнокомандующий войсками резерва, Гиммлер был в состоянии вооружить сильные добровольческие соединения. Так мы думали. В полнейшем неведении об ожидавшем нас обмане, мы строили планы создания русского военного потенциала как фактора силы, обеспечивающего Власову право голоса в политике.

Мы были приняты офицерами СС. С первого взгляда картина едва ли отличалась от обстановки в штабе ОКВ. Когда мы подошли к

кабинету Гиммлера, ко мне обратился сопровождавший нас генерал СС и сказал, что до начала общего совещания Гиммлер хочет минут десять поговорить с Власовым наедине. Власов насторожился и заявил, что без меня он не войдет к Гиммлеру, – в таком случае он предпочитает уйти. Я стал уговаривать Власова не возвращаться, не поговорив с Гиммлером. Если они хотят, чтобы он шел один, – не отказываться: он достаточно хорошо знает немецкий язык и может защищать свое дело, а сейчас наступил решающий момент. – Моего немецкого хватает для Рупольдинга, – ответил Власов. Дверь уже открылась, а Власов всё еще колебался. Я вынужден был слегка сдавить его руку и подтолкнуть через порог.

В приемной, где я остался, ко мне подсел полковник СС, и мы молча ждали. Прошли и 10, и 20, и 30 минут. Полковник предложил мне пойти с ним позавтракать, так как «интимный разговор рейхсфюрера, по всем признакам, будет продолжаться еще долго». Он заметил, что он, конечно, не знает, что говорится в кабинете рейхсфюрера, но уверен, что сегодня будет, наконец, заключено «разумное» соглашение с Власовым; оберфюрер СС Крёгер находится у рейхсфюрера, так что Крёгер – «тоже русский» – может быть переводчиком.

Мое беспокойство несколько улеглось, и постепенно наш разговор стал оживленным. Полковник СС сказал, что «давно бы надо было отстранить путающегося Розенберга» и что «рейхсфюрер готов теперь поставить на карту Власова». Он заметил, что нехорошо было забывать обо мне, но, в конце концов, суть в результатах.

– Знаете, Вильфрид Карлович, всё прошло хорошо! – сказал Власов, выйдя от Гиммлера. – И совсем не так, как я себе представлял. Гиммлер – глава немецкой полиции… рейхсфюрер СС… Я думал увидеть кровожадного чекиста вроде Берии, настоящего великого инквизитора, для которого я только «русский унтерменш»… А встретил я, как мне, по крайней мере, показалось, типичного буржуа. Спокойного и даже скромного. Никаких заскоков, как, скажем, у Лея… Напротив, скорее, некоторая неуверенность. Ни слова о сверхлюдях, ни звука о евреях… Да, Гиммлер как бы извинился передо мной, что его довольно долго вводили в заблуждение «теорией об унтерменшах»… Я не думаю, что

Гиммлер умен. Он кажется мне, скорее, ограниченным, узким и педантичным. Он из деревни, а значит, как я, крестьянин. Любит животных… Он открыто признал многие ошибки, сделанные до сих пор. И это мне понравилось. Он сказал, что говорил с фюрером и получил его согласие на немедленное проведение мроприятий, обеспечивающих новую политику. Если я его правильно понял, мы сможем сформировать десять дивизий. Русский Освободительный Комитет может сразу же начать действовать как суверенный и независимый орган. Унизительная нашивка «OST» для рабочих будет изъята и наши рабочие и военнопленные приравняются к рабочим и пленным других стран. Его глаза блестели.

– Видите, – прервал я генерала, – хотя бы этой цели мы всё же добились. Вы помните: она была в основе нашей связи.

– Я добился и еще кое-чего. Мы получаем статус союзников… Гиммлер предложил мне занять должность главы правительства, но я сказал, что ни я, ни Русский Освободительный Комитет, который теперь будет создан, не могут взять на себя полномочий правительства. Это может решать русский народ, а вернее, народы России в свободном волеизъявлении. Я ни на йоту не отступил от своих требований. Я изложил мою политическую программу. Я сказал ему, что сталинский режим и сегодня еще обречен, если народ в России возьмет власть в свои руки. И сначала – объединение всех антисталинских сил и разгром противника, а потом каждый народ в пределах России может решать свободно свою судьбу в рамках нового европейского порядка. Кажется, он это понял, – во всяком случае, соглашался. Наконец, я просил его перевести из Франции наши «батальоны», если это еще не поздно, и подчинить их моему командованию.

Власов был удовлетворен. Он выиграл эту битву после многих унижений, которым он подвергался в течение двух лет. Служа своему народу, он заключил сейчас соглашение с Гиммлером, как Черчилль в свое время со Сталиным.

Во время нашего разговора группа эсэсовских офицеров тактично и терпеливо ждала в некотором отдалении. Минут через пятнадцать один из них, группенфюрер СС со значком Генерального штаба, подошел ко

мне:

– По достойному сожаления недоразумению вы не были привлечены к беседе с рейхсфюрером. Но мы придаем большое значение тому, что вы, как доверенное лицо генерала в течение ряда лет и как представитель немецкой армии и ОКХ, были при этом. Я подчеркиваю: были при этом! Генерал вам рассказал, конечно, всё, а я готов его дополнить, если нужно. Значит, вы были при этом, и я прошу вас подтвердить это членам русского штаба… Конечно, также и генералу фон Веделю, и господам в ОКВ или ОКХ… Я надеюсь, что вы меня поняли?..

– Я отлично понял вас, – ответил я. – Я умею, когда нужно, молчать. Но, если мои начальники меня спросят, я должен сказать правду. Я не был при этом… Я надеюсь, вы поймете меня, господин генерал: я – офицер.

После короткого раздумья он сказал:

– Я тоже офицер, а посему я уважаю вашу точку зрения и беру обратно свое требование. Но говорите не больше того, что вы находите совершенно необходимым в интересах дела, – теперь уже нашего общего дела.

* * *

На обратном пути в Берлин, в спальном вагоне, я оказался в одном купе с «лейб-медиком» Гиммлера Феликсом Керстеном, врачевателем с помощью природных средств и довольно странным человеком. Он утверждал, что уже давным-давно выступал в пользу «нашего правого дела», и говорил, что мог влиять на Гиммлера во время сеансов лечения. Он, будто бы, делал уже не раз «добрые дела» и спас жизнь многим людям, попавшим в беду без вины.

– Такое случается, когда идет война, – заметил он.

Он изъявил готовность помочь Власову.

«Так, – подумал я, – теперь вы все тут как тут!»

Я поблагодарил Керстена, хотя во время разговора у меня было крайне неприятное ощущение.

(Однако позже я слышал много хорошего о старшем медицинском советнике Феликсе Керстене. Оказалось, что действительно много людей обязаны ему жизнью. Привожу этот эпизод, чтобы восстановить справедливость и показать психологическую сложность нашего положения.)

«Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер принял в своем полевом штабе генерала Власова, командующего Русской Освободительной Армией. В длительной беседе было достигнуто полное соглашение о мероприятиях, необходимых для мобилизации всех сил русской нации для освобождения родины». Таково было официальное коммюнике для прессы.

Германская пресса уделила значительное внимание встрече Власова с Гиммлером. Сообщение о встрече, с нашей точки зрения, содержало ряд неточностей, но всё развитие было столь неожиданным, что вызвало всюду сенсацию. Вдруг заговорили о новом «чудесном оружии – Власове», который изменит ход войны.

В Дабендорфе и в Далеме нас встретили восторженно. Казалась достигнутой цель, к которой стремились годы, – получение статуса равенства. Теперь, наконец, можно было приступать к практическим мероприятиям, военным и политическим.

Узкому кругу своих сотрудников я рассказал всю правду. Когда выздоровел Гелен, я сделал и ему такой же откровенный доклад.

Гиммлер назначил Бергера своим уполномоченным по всем вопросам Русского Освободительного Движения, а Крёгера – офицером

для связи. Оберфюрер войск СС Бург получил распоряжение о формировании русских дивизий.

Гелен просил меня остаться при Власове, сколько я смогу.

Вскоре Власов получил от Гиммлера телеграмму, в которой речь шла о формировании трех русских дивизий. Власов был глубоко разочарован: десять дивизий было ведь обещано! Но Крёгер заявил, что Гиммлер говорил лишь о трех дивизиях. Власов ли ослышался, или, быть может, Крёгер оговорился, переводя на встрече у Гиммлера? Но меня вновь охватило недоверие.

В телеграмме, кроме того, говорилось о Русском Освободительном Комитете. Гроте пояснил, что не только в ОКВ, но и в Восточном министерстве, и в Министерстве иностранных дел, и в штабе генерала добровольческих частей Русский Комитет может быть признан лишь наряду с ранее образованными национальными комитетами. Власов же, напротив, понял Гиммлера так, что образуемый по его инициативе Комитет будет центральным органом для всех народов России, охватывающим все антибольшевистские силы, координирующим и направляющим антибольшевистскую борьбу.

Кёстринг запросил у своего начальства директив «в связи с новым курсом в отношении Власова». Кейтель ответил, что ни у кого нет намерения «растить Власова». Йодль, со своей стороны, сообщил Веделю (начальнику ОКВ/ВПр), что всё это, вероятно, лишь «маневр» Гиммлера. И можно усомниться, что Гитлер утвердит этот новый курс.

Розенберг чувствовал себя глубоко уязвленным и развил бурную деятельность, подбивая нерусские национальные комитеты на протест против «пакта Гиммлер-Власов». Была оживлена активность и тех из них, которые до сих пор существовали лишь на бумаге. Нам сообщили, что Розенберг собирается апеллировать к Гитлеру.

Не обращая внимания на грозовые вспышки на бюрократическом горизонте, Крёгер приступил к созданию своего штаба. Он настаивал, по данным ему инструкциям, на том, что «новый Власовский комитет» должен быть объединяющим центром. При деятельном участии Гроте

было принято предложение Власова и его сотрудников образовать единый орган из представителей народов России под наименованием Комитет Освобождения Народов России (КОНР).

Начались затяжные переговоры Власова с представителями национальных комитетов, которые, получая поддержку Розенберга, сопротивлялись объединению. Крёгер грозил оказать на них давление, но Власов решительно отклонил какое-либо вмешательство с немецкой стороны. Твердость, с которой Власов отстаивал принцип самоопределения в рамках европейского содружества и для национальностей России, произвела на меня глубокое впечатление.

В конце концов, некоторое число представителей национальных меньшинств изъявили готовность сотрудничать и были введены в Комитет. Этим было сохранено лицо. Более известные отказались войти в него. Они не хотели или не могли понять, что во Власове и Малышкине они найдут честных партнеров, которые не будут вести политику крайних шовинистов, ищущих привилегий только для своего народа.

(Приведу один пример из дипломатической деятельности Комитета:

Известный казачий генерал П. Н. Краснов наотрез отказался подчиняться «бывшему красному генералу». Он требовал, с другой стороны, чтобы Власов уже сейчас гарантировал казакам в будущей России их традиционные права и привилегии. Оставалось впечатление, что генерал Краснов не видит создавшегося военного и политического положения. Власов и Трухин приложили все силы, чтобы прийти к какому-либо реалистическому соглашению с ним. Но между ними простиралась пропасть.)

На пути в Прагу

Немецкий штаб в Дабендорфе отошел теперь совсем на задний план. Его члены по-прежнему были советниками и помощниками своих русских друзей, но лишь на основе приобретенного за все это время личного доверия. К Деллингсхаузену, Фрёлиху, Шаберту, Роппу и другим обращались за советами чаще, чем когда-либо, так как русско-немецкие контакты участились и усилились. В области управления, прессы, пропаганды и политики, в особенности же в военной области необходимо было срочно создавать русские учреждения. Дабендорф стал главным штабом Освободительного Движения. Теперь только стало ясно, каким точным было предусмотрительное планирование генерала Трухина. Несомненно, что и в Дабендорфе были отдельные темные личности, которые стремились лишь к своим собственным корыстным целям. Но я думаю, что если бы не Дабендорфская организация, всё предприятие провалилось бы с самого начала. Я сомневаюсь, что эсэсовское начальство это понимало.

Подыскивались новые жилые и рабочие помещения. Все время происходили какие-то собрания и конференции. Появлялись офицеры войск СС и разного рода «уполномоченные» и брали на себя функции связи с организуемыми или уже работавшими русскими учреждениями. При этом между русскими и эсэсовцами происходили споры и разного рода неприятные столкновения. Немецкому штабу Дабендорфа удавалось их улаживать. Но положение стало таким напряженным, что Крёгер однажды даже пригрозил мне арестом. Я сказал ему: «Этого вы не сделаете». – «Почему же?» – «Потому что вы мой земляк». Он молча протянул мне руку.

Полковника Мартина перевели на другую должность, а его место начальника Отдела ОКВ/ВПр занял эсэсовский офицер Кригсбаум. Он был порядочным человеком, но всё же это показывало, насколько ОКВ инфильтрируется СС. Никакого прогресса в отношении формирования первой добровольческой дивизии не было. В конце концов, Гиммлер передал заботу об этом генералу добровольческих частей Кёстрингу. И мы оказались вновь на том же месте. Непрерывные воздушные налеты на Берлин усугубляли трудности.

Психологическое состояние людей в лагерях военнопленных было

тяжелое. Пражский манифест еще только разрабатывался. Новый курс пробивал себе дорогу очень медленно, также и в отношении улучшения положения восточных рабочих.

Власову было обещано, что будут выпущены арестованные руководители НТС. Это сделано не было.

Добровольческие части на Западе были распущены и превращены в рабочие батальоны, как то и предвидел Малышкин. Время проходило, и надежды наши испарялись. Нет, «новый курс» Гиммлера не принес реальных перемен, не был новым началом.

* * *

Уже некоторое время ряд комиссий работал над проектом Манифеста, который должен был быть оглашен на торжественном учредительном собрании Комитета Освобождения Народов России. Собрание это, по предложению Жиленкова, должно было происходить в одном из славянских городов, так как на территории России Красная армия уже отвоевала обратно города со славным историческим прошлым. Выбор пал на Прагу.

Большинство пунктов Манифеста были приняты легко. Некоторые подверглись обсуждению: пункт 7 проекта Манифеста, например, предусматривал восстановление частной собственности, заработанной личным трудом. Далее, восстановление свободной торговли и свободы промыслов. Наконец, вообще признание частной хозяйственной инициативы.

Большинство совещавшихся русских (то есть бывших советских) экономистов рекомендовали, однако, сохранить государственную монополию внешней торговли.

Национал-социалистический экономист, приданный комиссии в

качестве советника, охотно согласился с этим положением, дав следующее обоснование:

– Когда мы начнем торговать с Россией, нам будет много проще иметь дело с одной центральной инстанцией, чем с отдельными торговцами. Для Германии, безусловно, это было бы наилучшим решением.

Я случайно был на этом обсуждении. Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естествен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может сохранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами. В заявлении национал-социалистического эксперта они увидели лишь подтверждение своих взглядов. Я счёл своим долгом обратить внимание Власова на роковые последствия такого решения. И Власов повел собственную линию:

– Я, конечно, не слишком много понимаю в экономике, и вы, как специалисты, должны знать, что вы предлагаете. Но если нас потом американцы, англичане и другие свободные нации будут называть большевиками потому, что мы внесли в нашу программу требование монополии внешней торговли, – а это красная тряпка для свободного предпринимательства, – ваше требование окажет нам плохую услугу. Я решительно возражаю против подобного решения.

На последнем заседании этой комиссии вместо меня присутствовал Фрёлих. После заседания он вернулся, улыбаясь, и рассказал, что Власов добился своего: требование это было снято. Возможно, и в других комиссиях дело проходило похоже.

Проект Манифеста составляли русские – главным образом, бывшие советские граждане. Содержание документа было обращено к Красной армии и ко всему населению России, без различия национальностей.

Манифест Комитета Освобождения Народов России был обнародован 14 ноября 1944 года в Праге. Текст его приведен в конце книги. Этот документ и сегодня заслуживает серьезного внимания, так

как содержит принципиальную политическую программу, сохраняющую свое значение и на будущее: он отражает стремление решать национальные судьбы народов России в свободном волеизъявлении и на демократической основе.

Невозможно было, конечно, полностью избежать привлечения к составлению текста национал-социалистических «экспертов», как и назойливого вмешательства эсэсовцев, непрерывно пытавшихся втиснуть кусочки своей идеологии, что им, однако, не удавалось. Показательно, что во всем тексте Манифеста есть лишь одно-единственное место (в третьем абзаце), содержащее выпад против «сил империализма во главе с плутократами Англии и США». Но этот выпад может быть воспринят и как зеркальное отражение протеста против гитлеровского закабаления народов так же, как и обвинения, направленные против Сталина, можно перенести на Гитлера, диктатора на Западе, по духу родственного Сталину.

Манифест говорит о тяжкой судьбе народов России и бичует преступления Сталина и его клики против отдельных людей и целых народов. Затем идет фраза: «Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли». Манифест бичует захват чужой территории, разрушение памятников культуры и перечисляет все отнятое Сталиным у народов России. Для каждого вдумчивого читателя напрашивались параллели с Гитлером.

Далее в Манифесте сказано:

«Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики».

Никаких реверансов, никаких даже намеков на таковые, в сторону немецкого фюрера или нацистской партии. Никакого упоминания о евреях: права всех граждан гарантируются в одинаковой мере.

И заканчивается Манифест такими словами:

«Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние. Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!»

Можно лишь удивляться, что в обстановке нацистской Германии можно было создать и опубликовать такой документ.

* * *

Проходило время, и все мои надежды постепенно исчезли. Я убедился, что гиммлеровская «перемена курса» не была действительной переменой. Рассказ о явлении Савлу по дороге в Дамаск и о превращении Савла в Павла многое значил в моей жизни. Надежда на возможность преображения каждого человека привела меня и к Власову. Ею мы питались все это тяжелое время. И вот, эта надежда была мертва.

Я сказал Власову, что у меня из-под ног выбита почва и что мои внутренние силы иссякли.

По ночам, когда Власов после утомительных совещаний и переговоров возвращался в свою комнату в Далеме, мы долго обсуждали все эти проблемы. Мы пришли к убеждению, что ни Гиммлер, ни Гитлер не переменятся. Мы пришли и к тому, что слишком поздно ожидать изменения хода войны.

– Если бы, – сказал Власов, – Германия продержалась еще 12–15 месяцев, у нас было бы время создать достаточно мощный военный кулак. Этот кулак с поддержкой вермахта и малых европейских народов мог бы составить нечто, с чем Америка и Англия, так же как и Москва, стали бы считаться. Но этого времени у нас не будет.

Ясно было, что никто из влиятельных немцев не обладает ни достаточным пониманием обстановки, ни силой. И неизбежно мы приходили всё к тем же мыслям: что будет с Движением после поражения Третьего рейха?

– Я вижу только один выход, Андрей Андреевич, – сказал я. – Вы должны ехать в Прагу и обнародовать Манифест. Тогда весь свободный мир услышит о вас. А когда пражские церемонии закончатся, вы должны уйти, заявив, что национал-социалистическое правительство не сдержало данных вам обещаний. Только так вы можете заложить фундамент для будущего развития. Я знаю, что это легко сказать и трудно сделать. Без сомнения, это приведет вас в лагерь или в тюрьму. Но Русское Освободительное Движение будет жить.

Он не сразу ответил на это. Потом он напомнил мне, что я всегда был около него, когда он не видел выхода, и поддерживал его. Он пожалел, что уже нет Зыкова, который мог бы сказать свое слово. («Может быть, Зыков нашел бы решение. Он всегда чуял его», – сказал Власов.) Теперь сложилось положение, что миллионы людей надеются на него, Власова. Он не может бросить их, он должен идти по этому пути до горького конца.

– Но мне придется тогда идти своим путем, – с трудом произнес я. – Я делил с вами трудности, разочарования и надежды, вы дарили мне свое доверие, оказывая его и тем немцам, чьи надежды и цели совпадали с вашими. Теперь же я больше ничего не могу для вас сделать. Моя роль посредника закончена. Я не могу работать с Гиммлером. Я прошу вас освободить меня от данного вам обещания.

Было уже четыре часа утра, когда мы расстались. Власов попросил у меня сутки на размышление.

Когда вечером мы снова встретились, он уже решился.

– Ступайте, мой друг, мой ангел-хранитель, – сказал он. В глазах его стояли слезы.

Мы еще проговорили около часу. Он говорил примерно так:

– Я всё продумал много раз. Я действовал не из честолюбия. Я не рассчитывал ни на что. Обстоятельства просто заставили меня действовать так, а не иначе. Ваш Штауфенберг, Рённе, Фрейтаг и другие ведь не были предателями. Они не хотели зла своей родине. Они хотели служить своему народу. Я и мои друзья тоже хотели служить своему народу. Имея за спиной наш опыт, мы считали нужным действовать так же, как сотни тысяч других русских, боровшихся на стороне немцев против Сталина. Обстоятельства заставили их действовать именно так, даже если непосредственным толчком у иных могло быть стремление избежать голода или смерти. Я боролся сам с собою, и я теперь никому не хочу бросать упрека. Действия человека могут быть поняты лишь из его положения. А сейчас я должен продолжать свой путь. Для меня нет обратного хода как не может солдат бежать перед лицом врага. Вы поймете меня. И если вы поймете меня, мне этого достаточно. Вы свободны от своего обещания. Идите с Богом!

Я покинул Далем, где я жил последние несколько дней (моя берлинская квартира была разбомблена), с тяжелым чувством. Вскоре я должен был получить отпуск, но сначала надо было дождаться дальнейших приказаний Гелена.

* * *

До лета 1944 года мы могли довольно успешно следить за положением на западном и восточном фронтах по карте. Но уже после высадки союзников 6 июня события настолько ускорились, что мы в Дабендорфе были, как в потемках. 14 ноября, когда Власов читал Манифест в Праге, положение было совсем иное, нежели когда в июле начались переговоры с СС.

25 августа союзники уже заняли Париж. Восхищение русских офицеров и солдат вызвало при этом поведение немецкого коменданта Парижа генерала фон Хольтитца. Один из русских выразил это в

следующих словах: «Смотрите – и в этом немцы отличаются от сталинцев. Среди немецких офицеров есть еще люди, берущие на себя ответственность за неповиновение приказу; из соображений человечности они отказываются выполнить преступные приказы своего начальства».

Уже в конце июня началось летнее наступление Красной армии на участке группы армий «Центр». Говорили, что Румыния и Венгрия ищут контактов с западными союзниками и готовы к сепаратным переговорам о мире с Москвой. Кто мог осудить за это Антонеску и Хорти? Подобно Власову и его группе, они думали о том, что будет после разгрома Германии, и о своем долге перед народом. Бухарест был занят 30 августа, а Будапешт – в начале ноября. Балтийские государства были также потеряны для Германии, кроме территории, еще занятой попавшей в мешок курляндской армией. Советская армия подходила к Мемелю. Она неуклонно приближалась, так как уже перешла границу Восточной Пруссии.

Черчилль в тяжелые и опасные для страны часы говорил откровенно и реалистически взвешивал все шансы. А в Рейхе вожди и население одинаково закрывали глаза на то, что с зимы 1941/42 года стало неизбежным.

Немецкий народ все еще был под впечатлением победного продвижения от Арктики до Африки от Атлантики до Волги. Немцы все еще не потеряли своего чувства превосходства. Они сохраняли слепую, опьяняющую веру в своего фюрера – как будто они были загипнотизированы. А когда под действием неопровержимых фактов страх вползал в их души, они цеплялись за свою веру в «новое чудодейственное оружие». И это не только в массах. Я помню, как один генерал еще в феврале 1945 года приехал в ОКХ и говорил, что недалеко то время, когда будет введено «новое чудодейственное оружие»: «Еще два месяца – и ход войны коренным образом изменится». Те, кто верили, были восхищены. Другие скрывали свое неверие: выказать его было слишком опасно. Если офицеры сохраняли свою веру, то чего можно было ожидать от простых людей, подверженных каждый день и каждый час беспрерывной

национал-социалистической пропаганде по радио и через газеты, а кроме того страдающих от беспрерывных воздушных бомбардировок. Союзники требовали полной и безоговорочной капитуляции Германии и немцы чувствовали, что им, каждому из них, грозит уничтожение.

День за днем длящаяся борьба – в этом хаосе из крови, слез, разрушений и безнадежности – стала нереальной реальностью, постоянной и неминуемей. И вот они цеплялись за надежду на «чудодейственное оружие», которое принесет с собою перелом и окончание войны.

* * *

14 ноября 1944 года Власов должен был торжественно огласить Манифест КОНРа на Градчанах в Праге. Я не получил в Прагу приглашения. Однако в последний момент пришло распоряжение Гелена устроить встречу Власова с Кёстрингом – они до сих пор еще не видели друг друга. Нужно было добиться согласия Власова, который заявил, якобы, что Кёстринг для него теперь не интересен и он оставит без внимания присутствие в Праге генерала добровольческих частей. Не говоря уже о деловых последствиях такого отношения, возникла бы, конечно, тягостная ситуация, если бы командующий Русской Освободительной Армией «не заметил» в Праге генерала добровольческих частей. Но Власов был вполне способен на это.

Выполняя приказ, я начал разговор об этом с Власовым. Генерал усмехнулся. Затем с его губ сорвалось непечатное выражение. Но, в конце концов, он согласился забыть прошлое и не обижать старика Кёстринга. Мы условились о встрече втроем-вчетвером сразу по прибытии в Прагу и до начала официальной программы.

На этой встрече Власов был открытым, держал себя естественно. Кёстринг же явно чувствовал себя неловко: в последние недели перед Прагой он слишком тесно связался с силами, стоявшими в оппозиции к

Власову. Может быть, его угнетала и мысль о безнадежности столь позднего развития дела, которому он сочувствовал с 1941 года; может быть, была и мысль о собственном провале. Я старался, по мере сил, поддерживать разговор. То же делал и Герре – единственный союзник, присутствовавший при этой встрече. В итоге разговор остался натянутым, но была, по меньшей мере, соблюдена внешняя форма, и оба генерала согласились на том, чтобы не быть врагами.

По приезде в Прагу на главной вокзальной площади Власов был встречен немецкой ротой, отдавшей ему воинские почести. Комендант города Праги приветствовал его. Затем был устроен завтрак у наместника Богемии и Моравии.

Германское правительство было представлено только наместником К.-Г. Франком и СС-обергруппенфюрером Лоренцем. Однако присутствие крупных представителей генералитета и СС придавало некоторый блеск общей картине.

Русский офицерский корпус, руководимый полковниками Поздняковым и Сахаровым, показал себя отличным хозяином торжества. Прибыло много представителей от русских добровольческих частей и от «восточных рабочих».

Выступил Лоренц и, впервые во всеуслышание говорил о «новом союзнике», передал приветствия германского правительства.

При всеобщем шумном одобрении председателем Комитета Освобождения Народов России был избран Андрей Андреевич Власов.

Крёгер, встретившись со мной в зале заседания, просил меня переводить речь Власова вечером на торжественном банкете. Я отказался.

В этой речи Власов благодарил германскую армию за оказанную ему до сих пор помощь и подчеркнул свою особую благодарность «одному немецкому капитану», все эти годы стоявшему с ним рядом.

Позже, вечером, различные высокопоставленные лица подходили

после банкета к этому капитану и поздравляли его, поскольку «генерал Власов, хотя его и не назвал, но совершенно явно имел в виду».

Однако своей особой благодарностью Власов невольно оказал мне медвежью услугу, так как еще в течение этого вечера меня пригласили к столу, за которым сидели Власов, Жиленков и один высокий чин из СС. При знакомстве выяснилось, что это был заместитель начальника Управления кадров войск СС. Сразу же стала ясна цель приглашения: я должен перейти в СС и остаться с Власовым.

Власов, со своей стороны, подчеркнул, что это предложение не его, а руководства СС, но он был бы рад, если бы я вернулся. Я ответил, что добровольно я не стал бы сотрудничать с СС. На вопрос эсэсовца о причинах моего отказа я ответил:

– Потому что я к вам не принадлежу. Ни в какую организацию национал-социалистической партии после пережитого с 1941 года я входить не желаю. Достаточно того, что я исполняю мой солдатский долг.

Эти фразы я тотчас же перевел на русский язык, чтобы предотвратить неверное толкование. Мой немецкий собеседник внимательно слушал; но, очевидно, этот разговор он вел на основании категорического приказа сверху. Он заметил:

– Мы должны иметь вас в своих рядах, и именно при самом генерале Власове.

– А доктор Крёгер? – спросил я.

– Вместе с Крёгером! В конце концов, если вы не хотите идти к нам добровольно, мы затребуем вас от Управления кадрами армии, и оно переведет вас к нам. Возражений против этого у вас, конечно, не будет.

Это замечание звучало не резко, но весьма категорически. В этом критическом для меня положении я вспомнил об ответе ротмистра фон Герварта на неприятный вопрос о его отношении к еврейскому вопросу, и мне пришла внезапно спасительная мысль. Я сказал:

– В течение этой войны меня дважды представляли к производству. Оба раза пришел ясный отказ, – я думаю, что из-за моего положительного отношения к русским и из-за моей совместной работы с Власовым. Как кадровый офицер, вы поймете, что после двух войн я хотел бы уйти из армии по крайней мере в чине майора, поскольку я уже давно должен был бы быть подполковником. – Это я вполне понимаю, – заметил эсэсовский генерал. – Это правильный подход. Управление кадров армии произведет вас в майоры, а мы переймем вас тогда как штандартенфюрера. Это я тотчас же улажу с Управлением кадров армии, и в две-три недели всё будет готово. Чин штандартенфюрера как раз более отвечает функциям опекающего генерала Власова. Пусть так и будет.

– Но для нас, – заметил Жиленков, – он навсегда останется «наш капитан Штрик».

* * *

– Перевод в СС будет, конечно, проведен быстро, – сказал мне Гелен, когда я сразу из Праги явился к нему. – А если вы окажетесь в СС, возврата уже не будет. Безграничное доверие, которым вы пользуетесь у Власова и у других русских, ценится на вес золота. С самых дней в Виннице вы никогда не обманули этих людей. Это ваш капитал! Я знаю это. Если же вы теперь перейдете в СС вам придется обманывать русских. И тогда вы проиграете ваш капитал. И мы вас тоже потеряем, хотя, быть может, в один прекрасный день вы нам снова понадобитесь.

– Вы всё еще думаете так? – спросил я.

– Никогда нельзя знать наперед, – уклончиво ответил Гелен.

Я не знаю, какими соображениями он руководствовался. Со времени событий 20 июля он стал еще более сдержанным. В «клубе»

при ФХО никогда не говорили о трагических событиях 20 июля, но господствовало убеждение, что «шеф», несмотря на весь его ум и осторожность, уцелел лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств.

– Нужно не допустить, чтобы СС вас забрал, – сказал Гелен. – Прежде всего, вы должны исчезнуть из поля зрения. Вы поедете в Померанию, где будете писать историю Власовского движения. А там посмотрим. Я отдам необходимые распоряжения.

Не помню уже теперь – то ли подполковник Наук, то ли подполковник фон дер Марвиц дал мне адрес одного поместья в Померании, куда я должен был немедленно отправиться, снабженный командировочным направлением от ОКХ.

В одинокой усадьбе господина Кортюма меня приняли сердечно. Кортюм был в курсе дела. Мне предоставили уютную комнату, и я смог сразу приступить к работе.

IV. Конец Освободительного Движения

Бегство

12 декабря меня посетил Деллингсхаузен, а 17 декабря 1944 года – последний посланец Гелена. Меня еще раз извлекли из моего временного «небытия». Задание гласило: установить, возможно ли расквартировать в районе Познани части Русской Освободительной Армии. Первая дивизия должна была получить здесь первое боевое крещение. Считалось, что местность вдоль Вислы была для русских более близка, чем, скажем, в Восточной Пруссии.

Кроме того, было намечено использовать для земляных оборонных работ в Вартегау вооруженные или разоруженные русские части с Запада, а возможно, и добровольцев из остовцев. Таким путем здесь могло быть создано добровольческое ядро под русским командованием. Одновременно все это усиливало обороноспособность Вартегау.

Я посетил командующего войсками Познанского военного округа генерала Петцеля и его начальника штаба. Петцель направил меня к гаулейтеру Грейзеру, сказав, что тот обладает особыми полномочиями по обороне Вартегау и что его нельзя обойти.

Я думал: «Что если они теперь схватят меня и включат в СС?»

Но и там тоже «одна рука не знала, что делала другая». Один знакомый, директор банка в Познани, устроил мне встречу с гаулейтером. Грейзер неожиданно быстро пошел навстречу моим пожеланиям и обещал помочь в подыскании помещений, в предоставлении снаряжения, землекопного инвентаря и прочего. О деталях позаботится Петцель.

Хотя Красная армия стояла уже на Висле, я, к своему удивлению, нигде в Познани не заметил ни спешки, ни нервозности.

В рождественские дни я сдал в Генеральном штабе свой отчет и вернулся в Померанию.

12 января Красная армия перешла к генеральному наступлению – от Прибалтики до Карпат. Как я узнал позже, Гелен разведал не только все подробности предстоящего наступления противника, но и намеченные узловые пункты. Он смог указать и сроки осуществления всей операции.

Вновь Гелен показал первоклассную работу, которую Гитлер, однако, отверг, как «блеф генштабистов». Мне сказали, что Гелен лично докладывал Гитлеру при «обсуждении положения» в присутствии генерала Гудериана, назначенного начальником Генерального штаба взамен Цейтцлера. Вероятно, Гелен был бы снят с должности, если бы его предсказания не подтвердились полностью в самое ближайшее время.

Когда несколько месяцев спустя Малышкин и я встретили в американском плену Гудериана, он рассказал нам, что в те дни у него созрело решение бросить против врага на востоке все наличные силы, чтобы не допустить вторжения Красной армии в Западную Европу. Он решился тогда, в крайнем случае, обнажить весь западный фронт и допустить занятие Германии западными союзниками.

Это была та точка зрения, на победу которой Власов надеялся два с половиной года. Гудериан думал, что была еще возможность договориться с англо-американцами.

При разговоре в плену я увидел, что Гудериан и летом 1945 года был способен думать лишь военными категориями и в его мышлении для понятия о политическом ведении войны не было места. Так, Москва для него была не сердцем России, а всего лишь стратегически важным центром путей сообщения, связи и промышленности. Он отстаивал мнение, что при наличии определенных предпосылок он или командующий группой армий «Центр» могли бы взять Москву в 1941

году. Ему не приходила в голову мысль, что русские продолжали бы воевать и в случае падения Москвы, что слова Шиллера – «Россию могут победить только русские» – и в XX. веке не потеряли своего значения. Когда Малышкин рассказал ему о национальном освободительном движении Власова и указал на страх Сталина перед революцией, Гудериан не находил слов, и у нас создалось впечатление, что это было для него откровением. Теперь он припомнил, что и фельдмаршал фон Бок в разговоре с ним высказывал подобные мысли.

* * *

Я работал в одинокой усадьбе в Померании и питался слухами. «Русские идут!» Бромберг, Дойч-Кроне, Познань, даже и Кройц – заняты Красной армией.

Моя семья жила в Познани, но связи у нас уже не было. Позже я узнал, что она покинула Познань 20 января. Накануне отъезда жена просила о разрешении на выезд для нашей 14-летней дочери. Взбешенный партийный фанатик заорал на нее: «Девчонка может же лить кипяток в щели советских танков!» Но вступился другой сотрудник этого учреждения, любящий детей рейнландец, и обещал жене, что всё будет улажено. На следующий день появился приказ об эвакуации из Познани женщин и детей.

23 января ко мне пробился телефонный звонок Сергея Фрёлиха:

– Немедленно отправляйся во Франкфурт-на-Одере, – он указал мне маршрут. – Мы сейчас стараемся подготовить машину, чтобы выехать тебе навстречу. Если ты доберешься до Кунерсдорфа, оставь там записку, – он назвал адрес.

Незабываемым для меня осталось прощание с господином Кортюмом. Старый владелец поместья отправил свою семью, с тягачом, на запад. Он принес из подвала бутылку шампанского. Пил он быстро и

опьянел:

– Это было неизбежно! Земля! Гитлер никогда не владел землей! Старик Гинденбург знал только одну из его личин, когда назначал его канцлером. Старый фельдмаршал и не предполагал, что в одном человеке может быть столько мерзости. Но я останусь на своей земле, когда придут русские. У нас еще есть ружья, у меня и у моих людей!

Я пытался уговорить старого упрямца ехать со мной, но безуспешно.

– Я дам вам лошадь и надежного возницу-поляка. А сам я останусь.

– Партизанская война – не наш метод вести войну, – заметил я.

– Это верно. Но всё же я останусь здесь!

Я не знаю судьбы этого человека. Возможно, он похоронен в своей земле.

Без приключений я добрался до Франкфурта-на-Одере. Мой друг, писатель Ганс Кюнкель, и его жена приготовили мне горячую ванну и хорошую постель. В четыре часа утра меня разбудили. Приехали Фрёлих и Жиленков. Фрёлих смог получить горючее для служебной машины только везя генерала. И они вдвоем отправились искать меня. В Кунерсдорфе они получили записку с моим франкфуртским адресом.

Около семи часов утра мы были уже в Дабендорфе. Мы выпили чаю, и я простился со своими немецкими офицерами и с генералом Трухиным. В офицерское казино приходило еще много русских, чтобы пожать мне на прощанье руку, хотя мой приезд и держали в тайне.

В это пасмурное январское утро я был в последний раз в Дабендорфе.

Я поехал в Цоссен под Берлином, куда был перенесен Генеральный штаб. Гелен отпустил меня искать свою семью. Человечность – в расчеловеченное время.

После ряда приключений, я нашел семью в маленьком селе Зальгаст, между Финстервальде и Зенфтенбергом. Моя мать хотела остаться здесь: она устала от непрерывного бегства. Всю жизнь она была беженкой.

Когда я позвонил в ОКХ одному из друзей по «клубу», чтобы выяснить обстановку, он сказал мне, чтобы я увозил жену и всю семью как можно дальше на запад. Я попрощался с семьей и вновь явился в Цоссен.

В ОКХ в Цоссене офицеры Генерального штаба обучались обращению с противотанковым оружием (знаменитыми «панцерфаустами»). Из Цоссена я отправился с передовой командой в Бад-Рейхенхалль. Когда около полудня 17 февраля мы прибыли туда, английское радио уже передавало известие о «перемещении ОКХ в Бад-Рейхенхалль».

В последующие недели, по распоряжению Гелена, я числился «отсутствующим по болезни». Это было не так-то просто, и мне приходилось постоянно менять местопребывание: Рейхенвальд, Миттенвальд, Фюссен и т. д. О моем «производстве» и о переводе в СС я, правда, больше никогда не слыхал, но дважды меня вызывали и однажды пришло даже командировочное направление от СС. Случайно я был как раз в Рейхенхалле. Мой непосредственный начальник, подполковник Наук, позвонил Гелену и получил указание, что я вновь должен «исчезнуть». О моем местонахождении не следовало сообщать никому.

В начале апреля я получил в Фюссене новый больничный лист на 14 дней, после чего поехал к своей семье, нашедшей приют в крестьянском доме в Баварии, недалеко от имения Двингера.

Последняя встреча с Власовым

Во время моих наездов в Рейхенхалль, я узнавал кое-что о дабендорфцах, хотя самого лагеря уже не существовало. Через несколько дней после разрушительного налета союзной авиации на Дрезден (это просто памятная дата!) дабендорфцы эвакуировались в замок Гисхюбель близ Карлсбада. Деллингсхаузен остался помощником командира. Он и весь персонал были сначала подчинены капитану Бальдершвангу, а затем вскоре капитану Теодору Оберлендеру. Это был тот самый Оберлендер, которого арестовали за критику гиммлеровской теории об «унтерменшах» и, как мне рассказал генерал Петцель, приговорили к смерти. Приговор почему-то не был приведен в исполнение. Каким-то образом генерал Ашенбреннер вырвал его из когтей СД и назначил командиром бывших «бунтарей» из Дабендорфа.

Я знал, что полковнику Герре удалось, преодолевая большие трудности, вооружить Первую дивизию Русской Освободительной Армии в Мюнзингене. Командиром ее Власов назначил полковника (впоследствии генерала) Буняченко. Вторая дивизия формировалась на учебном плацу в Хойберге. Ее командиром был генерал Зверев. Под командованием генерала Мальцева создавались парашютные части и части противовоздушной обороны, даже зарождались разведывательные эскадрильи русской авиации. Генерал Ашенбреннер принял опеку над этими частями. И, наконец, отстраивалась русская офицерская школа под командованием Михаила Алексеевича Меандрова.

Начальником штаба Русской Освободительной Армии был назначен генерал Трухин, а превосходный тактик, бывший полковник Генерального штаба Красной армии Нерянин стал начальником оперативного отдела.

Потрясала мысль: чего можно было бы достичь, если бы эти офицеры и солдаты были на нашей стороне с самого начала.

Удалось добиться соглашения между руководством национальной украинской группы, в лице украинского генерала Шандрука, и Власовым. Казачье руководство также склонилось к политической линии Власова.

И всё это было с опозданием на четыре года.

Генерал Трухин через полковника Боярского сообщил мне, что Герре проделал сверхчеловеческую работу, чтобы наибыстрейшим образом вооружить Первую дивизию. Свое (и других русских офицеров) признание заслуг Герре Трухин выразил следующими словами: «Раньше мы считали Герре «Кунктатором» и упрекали его во многом. Но теперь своей самоотверженной работой он всё искупил. Я должен был сообщить вам это, – вы также должны это знать, Вильфрид Карлович».

Я вспомнил, как часто я добивался у Власова и Трухина лучшего понимания ими Кёстринга и Герре, хотя и сам я иногда вступал в споры с Герре. Это было последнее сообщение от Трухина.

Когда после войны я встретил Герре, я передал ему дружеское рукопожатие, как того хотел Трухин.

* * *

18 апреля мы с женой сидели в горенке нашего крестьянского дома в Баварии. Вдруг вбежала наша дочь, крича:

– Там на холме много офицеров, с красными лампасами. Они спрашивают тебя.

Я вышел из дому и увидел Власова, Малышкина, Жиленкова и Боярского, в сопровождении других русских офицеров и генерала Ашенбреннера. К моему удивлению, с ними был и Крёгер. Мое местопребывание не было никому известно. Русские, однако, нашли меня.

Мы все вместе прошли в имение Эриха-Эдвина Двингера – Гедвигсхоф.

– Германия рухнула скорее, чем я ожидал, – сказал Власов. – Что

теперь?

Власов сообщил, что он дал согласие на боевое использование в районе Одера своей единственной полностью сформированной и вооруженной 1-ой дивизии, лишь чтобы показать германскому руководству надежность добровольцев даже в тяжелых условиях развала фронта, если они стоят под русским командованием и борются за свободу своего народа. Но одновременно он отдал Трухину и некоторым посвященным штаб-офицерам секретный приказ – беречь и во что бы то ни было спасти личный состав дивизии: первая дивизия и все наличные добровольческие части должны быть сконцентрированы на линии Праги-Линца.

Осуществление этого намерения, о котором с немецкой стороны знал лишь генерал Ашенбреннер, составляло часть плана, направленного на создание сильного военного соединения, в конце концов, на территории Югославии из российских, чешских, югославских и даже немецких добровольцев. Этот интернациональный корпус должен был составить ядро военно-политического сопротивления вторгающемуся в Европу сталинскому большевизму. (Вера в непрочность англо-американского союза с Кремлем не была пустыми мечтаниями. И она была убеждением тех, кто хорошо знал большевизм. История подтвердила правоту этой веры. Мы ошиблись только в сроках. Мы, конечно, ничего конкретного еще не знали о Ялтинском договоре. И тогда эта вера озарила обманчивым светом нашу последнюю встречу с этими людьми, поставившими все на карту.

Но все эти планы без поддержки германского командующего войсками в районе Праги-Линца были заведомо обречены на неудачу. Ашенбреннер установил контакт с германским главнокомандующим фельдмаршалом Шёрнером. однако обнаружилось, что на него рассчитывать нельзя. Связи с симпатизировавшим нашему Движению фельдмаршалом Вейхсом на Балканах установить не удалось. Что же делать дальше?

Двингер предложил авантюрный план: отойти в Баварские Альпы, занять удобные позиции, забрать с собой крупных нацистских деятелей, объявить их заложниками и обменять на «гарантию права убежища для

добровольцев». Двингер даже назвал отдельные, могущие интересовать англо-американцев, имена.

Власов тотчас же отклонил это предложение, сказав:

– Может быть, и эффективно, – но эта идея мне всё же не нравится. До сих пор мы боролись чистыми руками и с чистым сердцем как русские патриоты и борцы за свободу. Мы имели полное право на сопротивление; это право освящено тысячелетиями. Победителей не судят, а побежденным отрубают головы! У нас нет никаких обязательств перед немцами, но мы не можем надругаться над доверием тех из них, кто помогал нам.

Власов сказал, что он уже несколько месяцев назад уполномочил Ю. С. Жеребкова войти в контакт с англичанами и американцами через посредничество Международного Красного Креста в Женеве. Его просьба к МКК была: выступить за признание всех добровольцев политическими противниками сталинского режима, имеющими право на политическое убежище. О результатах переговоров Жеребкова он не получил никаких известий.

Ашенбреннер настаивал, чтобы как можно скорее был налажен контакт с союзным командованием. Тем временем добровольческие части надо стягивать в район Прага-Линц. Он уже уполномочил Оберлендера пробиться к англичанам, чтобы спасти русские лётные части генерала Мальцева. Я должен был выполнить подобное же поручение в районе действий американской армии. Конечно, это должно быть не немецким, а русским шагом.

Власов уточнил: значит, не Штрик, а Малышкин, как парламентер русских, должен идти к союзникам. Потом Власов спросил меня – готов ли я сопровождать Малышкина? И добавил:

– Это самая трудная служба, которую вы могли бы сослужить нам.

Внутренне я уже решился на это. К тому же, Ашенбреннер как представитель Кёстринга был моим начальником и имел право приказать мне.

Мне выправили «власовское удостоверение» на имя Веревкина, полковника Добровольческой армии Комитета Освобождения Народов России.

Крёгер, молча присутствовавший при разговоре, выписал Малышкину и мне разрешения на право свободного передвижения во фронтовой полосе, не открывая цели нашего там пребывания. Эти удостоверения нужны были, чтобы нас не задержали «вервольфы» и другие формирования СС, прочесывавшие фронтовую полосу в поисках дезертиров, с которыми они тут же и расправлялись. Этим Крёгер сослужил последнюю службу Малышкину и мне.

Добрый час провел я затем наедине с Власовым. Власов был внутренне сломлен. Он владел собой в окружении своих офицеров, чтобы поддержать других. Но он знал, что всё кончено.

– Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин в глазах Британского королевства были предателями, – сказал он. Но они вышли победителями в борьбе за свободу. Американцы и весь мир чествуют их как героев. Я – проиграл, и меня будут звать предателем, пока в России свобода не восторжествует над советским патриотизмом. Я уже говорил вам, что не верю, чтобы американцы стали помогать нам. Мы придем с пустыми руками. Мы – не фактор силы. Но когда-нибудь американцы, англичане, французы, может быть и немцы, будут горько жалеть, что из неверно понятых собственных интересов и равнодушия задушили надежды русских людей, их стремление к свободе и к общечеловеческим ценностям.

Когда генерал уже лег спать, я еще раз зашел к нему, и он сказал мне:

– Простите, Вильфрид Карлович, я много пью в последнее время. Я пил и раньше, но никогда не пьянствовал. А теперь я хочу забыться. Крёгер всё время подливает мне и думает, возможно, держать меня этим в руках. Но он ошибается. Я всё вижу и всё слышу. Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать всё до конца. А вы, Вильфрид Карлович, пойдете с Василием Федоровичем и поможете ему, я знаю это. А когда-нибудь вы скажете всем, что Андрей

Андреевич Власов и его друзья любили свою родину и не были изменниками. Обещайте мне это. Когда он стал засыпать, я тихо вышел.

Парламентеры

Немецкие колонны в Альгойе (Бавария) отступали на Россхауптен и Лехбрух. Моя семья, Малышкин и я заночевали в лесу, и тут наша дочка Деля и ее подружка Карин спасли мне жизнь, остановив пьяных солдат, собиравшихся меня расстрелять.

На следующий день, в близлежащем местечке Зееге, умерла моя мать. Я не смог ни увидеть, ни проводить ее к месту последнего упокоения.

Когда я прощался с женой и дочерью, моя дочь, четырнадцатилетняя девочка, дала мне на дорогу наказ, казавшийся ей очень важным:

– Папочка, если ты дойдешь к американцам, то ты должен им сказать, что ты вовсе не русский полковник. Веревкин, а немецкий офицер. Ты должен всегда говорить правду.

Когда мы, наконец, наткнулись на передовые американские заставы, один сержант забрал нас и доставил с завязанными глазами в штаб какой-то американской дивизии. Представившись принявшему нас подполковнику Снайдеру, мы предъявили ему выданные нам Власовым полномочия.

– Русские офицеры? Союзники! Но как же это русские части уже в Баварии, да еще тут, в Альгойе?

Мне пришлось пространно и долго разъяснять подполковнику Снайдеру то, что казалось для него непостижимым. Он потребовал немедленно соединить его по телефону со штабом армии. Я слышал, как

он договаривался о нашей доставке туда на следующий день и вместе с тем просил, чтобы к нашему допросу был привлечен советский связной офицер при штабе армии. Я тотчас же вмешался:

– Нет, господин подполковник, только не это!

– Нет, – сказал Снайдер в телефон, – они этого не хотят. Я объясню… – и он попытался рассказать о необычайном событии своему командиру на другом конце провода.

Я перевел Малышкину то, что говорил подполковник. Едва я сказал о советском связном, Малышкин, словно его толкнули, положил руку на вилку аппарата и прервал разговор.

Это было бессознательное движение, и Малышкин тут же извинился. Снайдер улыбнулся. Потом он пригласил нас поужинать с ним.

– Генерал, прошу, – он пропустил Малышкина вперед. – Полковник, теперь вы, – сказал он мне, – я только подполковник.

Я вспомнил вдруг слова дочери:

– Я только капитан, – сказал я, – капитан германской армии.

Я объяснил, что моя задача – переводить и помочь, чем я могу, генералу Малышкину в выполнении его тяжелой миссии.

Я вынул свой воинский билет.

– Вашего слова достаточно, – поблагодарил американец. – Оставьте вашу воинскую книжку при себе, она еще может вам пригодиться! За ужином мы рассказали Снайдеру о возникновении русских добровольческих частей, об их целях и о смысле русской освободительной борьбы. И почему они встали на сторону одного диктатора против другого, более мощного и жестокого. К этой теме нашего рассказа он проявил особый интерес. Нам пришлось рассказывать обстоятельно, и он слушал внимательно.

Я понял с его слов, что он занимал при президенте Гувере важный государственный пост. Он был довольно осведомлен в европейских делах. И всё-таки ему было трудно представить себе наше положение.

– Мы тоже не всегда были согласны с политикой Рузвельта, – сказал он, – но, в конце концов, он наш президент. Как солдаты, мы должны были подчиняться.

(Как все солдаты во всех странах.)

– А если президент потребует от вас совершить преступление против человечности? – спросил я.

– Чего-либо подобного Рузвельт от нас никогда не требовал. Но я признаю, что может быть разница между подчинением нашему президенту, и вашим подчинением дяде Джо или Гитлеру. Гитлер – преступник. Это мы знаем. Говорить о дяде Джо я не должен, он – наш союзник. Я думаю, что всё же понимаю вас правильно. Я думаю, что бывают случаи, когда надо отказаться подчиняться.

Я не забуду встречи с этим благородно мыслящим американским офицером.

Снайдер обещал подробно информировать свое начальство. Он нас не обнадеживал. Снайдер был солдатом. Он обещал, если удастся, в ближайшие дни посетить мою жену и передать ей письмо от меня, а также сказать, что я был в его штабе живым и здоровым. Он сдержал свое слово. Его известие было единственным подтверждением того, что я жив, которое получила жена за восемь долгих месяцев.

Наутро нас, снова с завязанными глазами, посадили в джип. Я поражался, как генерал Малышкин во время поездки чувствовал направление: на восток, теперь опять на север… Несмотря на повязку на глазах, он – русское дитя природы – ориентировался по солнцу.

В пути нас почему-то разделили и повезли в разных машинах. Что бы это значило?

Когда мы остановились, меня повели наверх по длинной лестнице и лишь потом сняли повязку с глаз. Я был в большой светлой комнате, с окнами в сад. Вскоре в комнату ввели и Малышкина. Мы не знали, где мы находились.

Почти сразу нас провели в другую большую комнату, где нас принял генерал Пэтч, командующий 7-ой американской армией. Рядом с ним стоял сравнительно молодой человек в американской офицерской форме; он приветствовал нас по-русски и сказал, что он сын бывшего царского генерала Артамонова. – Кто это генерал Власов? Как попали русские дивизии в Баварские Альпы? Чего вы хотите? – были первые вопросы американца.

Хотя было видно, что Пэтч уже знает от Снайдера (или его начальника) о нашей миссии, он не пожалел времени, чтобы внимательно выслушать Малышкина. Малышкин превзошел сам себя. В сжатой форме он рассказал о борьбе русского народа за свободу – против сталинской тирании. Он рассказал о русских добровольцах, боровшихся на немецкой стороне, но не за немцев, а против Сталина, причем уже в то время, когда Америка еще не вступала в войну. Он рассказал о Власове, поставившем своей задачей помешать использованию русских добровольцев в качестве наемных войск на службе Третьему рейху, и о том, как Власов старался придать смысл их борьбе.

– Вы говорите, что ваши добровольцы боролись только против Сталина и не немецкие наемники. А как же это мы во Франции встречали так много русских в немецкой форме? – спросил Пэтч.

Этим вопросом Пэтч впервые прервал Малышкина. И как раз именно это было самое уязвимое место. Как мог американец, как мог вообще разумный человек понять, что Гитлер отверг своих естественных союзников против Сталина, что эти антисталинские добровольцы против своей воли попали в германские наемники, а потом были брошены в бой на западном фронте.

Малышкин сделал всё от него зависящее, но, казалось, в этом пункте генерал Пэтч не принимал никаких объяснений.

– Позвольте, – сказал он, – но многие русские действительно ожесточенно сражались на немецкой стороне, против нас.

– С этими «хиви», как их называли немцы, Власов не имел никаких отношений, – ответил Малышкин. – И они никогда не были ему подчинены. А если они хорошо дрались, то лишь потому, что русские всегда были хорошими солдатами.

– Вы утверждаете, что их заставили воевать против американцев. Хорошо. Но против Сталина они шли драться добровольно. А Сталин и русские, в конце концов, наши союзники.

– Мы – ваши союзники, генерал Пэтч, а не те. Мы ведь те же русские. Власов – один из тех русских генералов и героев Красной армии, что защитили Москву от немецкого наступления и нанесли немцам их первое тяжелое поражение. Мы БСС – русские и бывшие красноармейцы. Но мы встали на сторону свободы. А что означает свобода, вы, генерал Пэтч, как американец, знаете много лучше, чем я.

Малышкин говорил убедительно и страстно. По выражению его лица и по его жестикуляции видно было, насколько сильно он переживал трагическую судьбу своего народа и своих солдат. То, что я пишу, – лишь бледное отражение его страстной речи. Перевод полковника Артамонова на английский был превосходен; видно было, что он внутренне сочувствовал Малышкину. Пэтча тоже явно захватило.

– Продолжайте, пожалуйста, продолжайте, – подбодрил он Малышкина, когда тот остановился.

(Надо думать, что у Пэтча были и более срочные дела, чем слушать Малышкина.)

Малышкин обратился к прошлому. Он рассказал о большевистском перевороте 1917 года в Петрограде о разгоне Учредительного Собрания меньшинством – большевиками, о гражданской войне, в которой англичане, французы и американцы поддерживали белые армии против большевистских узурпаторов, о восстании кронштадтских матросов, об ужасах коллективизации, и заключил словами:

– Ваши соотечественники уже были, значит, однажды союзниками русских антибольшевиков, генерал! То есть – нашими союзниками! А теперь мы вас просим не о военной поддержке, а всего лишь о праве убежища. Америка же – оплот свободы!

Пэтч подумал и сказал:

– К сожалению, проблема эта совершенно вне моей компетенции как армейского генерала. Но я обещаю вам тотчас же направить вашу просьбу генералу Эйзенхауэру. Я охотно постараюсь сделать всё, что смогу! Благодарю вас.

Когда мы простились с Пэтчем, я смог еще коротко поговорить с Артамоновым. Видно, он занимал в штабе Пэтча такое же, примерно, положение, как я в свое время у Бока. Очень сжато я обрисовал свои тогдашние и нынешние задачи и просил Артамонова выступить перед американцами в пользу своих русских земляков, как я делал это раньше перед немцами. Очевидно, по служебным мотивам, он не имел права ответить мне на это. Он упомянул лишь, что учился в Пажеском корпусе в Петербурге и сказал, что попытается сделать всё от него зависящее. Но вдруг мною овладел страх: а что, если Артамонов вовсе не американский полковник, а советский наблюдатель. Я назвал имя одного знакомого мне пажа, который мог бы быть его однолеткой. Артамонов его не знал. Мое недоверие росло. Язык Артамонова, его манера держать себя и весь облик говорили за то, что он не лгал. Но страх мой не исчез.

Лишь летом 1967 года я смог мысленно попросить у него прощения, когда узнал, что он отыскал и посетил в Германии своих немецко-балтийских родственников.

Когда на следующий день меня вели через залу, я был свидетелем, как два американских офицера кричали на седого господина. Тот стоял с достоинством и говорил американцам категорическим тоном, что не будет отвечать на поставленный ему вопрос и что они должны запомнить это раз и навсегда.

Американцы орали и угрожали. Но старик сохранял спокойствие

барина. Сопровождавший меня сказал, когда мы прошли мимо, что это адмирал Хорти, бывший регент Венгерского королевства.

Находясь под впечатлением этого, мы особенно оценили рыцарское отношение генерала Пэтча, когда он принял нас во второй раз. Он сообщил нам, что, поскольку наше дело – политическое, генерал Эйзенхауэр должен запросить Вашингтон. Это, конечно, займет время; нельзя сказать, когда придет решение. Поэтому его предложение: никакого дальнейшего бессмысленного кровопролития. («Это означает, – подумал я, – что здесь, на Западе, жизнь человеческая еще чего-то стоит».) Русские дивизии должны тотчас же сложить оружие. Пэтч добавил, что с ними будут обращаться, как с немецкими военнопленными.

Я сразу насторожился:

– Значит ли это, господин генерал, что с русскими будут обращаться по правилам, установленным Женевской конвенцией?

– Почему этот вопрос? – лаконично бросил Пэтч.

– Потому что я после первой мировой войны работал при делегации Международного Комитета Красного Креста в Женеве, потому что Гитлер игнорировал при походе на восток Женевскую конвенцию и потому что я знаю, что это означает.

– Я могу лишь повторить и подчеркнуть, – медленно сказал генерал, – по действующим для немецких военнопленных правилам.

Что это значило? Не имел он права говорить яснее? Может быть, американцы также решили игнорировать положения ими принятой Женевской конвенции? Но тогда это означало отказ от права убежища, а может быть, и выдачу добровольцев Советам. Я содрогнулся.

Такова, значит, расплата за то, что Гитлер нарушил Женевскую конвенцию!

Я сказал это Малышкину, а потом изложил Пэтчу открыто свои

соображения. Артамонов молчал.

Пэтч после этого неожиданно протянул Малышкину руку:

– Как генерал американской армии я сожалею, генерал, что это всё, что я могу сказать вам. От себя лично я добавлю, что делать это мне весьма не по душе. Я понимаю вашу точку зрения и хотел бы заверить вас в моем личном глубоком уважении. Но и вы должны меня понять: я – солдат.

(Так, или почти так, сказал Пэтч крайне удрученному русскому генералу.)

Мы считали себя парламентерами и потому рассчитывали, что нас перебросят обратно через фронт, к Власову, по поручению которого мы здесь находились.

– Как только фронтовая обстановка позволит, вас доставят к вашему штабу, – сказал Пэтч через Артамонова при прощании. Артамонов также высказал нам свои добрые пожелания. Шел день за днем. Но время как бы остановилось.

Устроены мы были хорошо, и отношение было вежливым. Никаких новостей из внешнего мира мы не получали.

Наступило 8 мая. Какой-то майор сообщил нам, что Германия капитулировала и что мы теперь не парламентёры, а военнопленные.

Через несколько дней нас доставили в лагерь для военнопленных в Аугсбурге. Отношение со стороны конвоя было жесткое, но корректное. Рабочий поселок на окраине города был очищен от жителей и превращен в приемный лагерь. То же делали нацисты в Польше и в России, с той лишь разницей, что американцы явно не собирались держать нас здесь долго.

Малышкин и еще несколько русских офицеров были помещены в двухкомнатной квартире.

Питание было хорошее. Перед домом стояла стража – коричневые пуэрториканцы, простые и дружелюбные парни. В закутке для метел мы нашли около сорока неотделанных черенков. Один из русских офицеров умел выжигать по дереву. Черенки тотчас же пустили на изготовление деревянных украшений и продукцию эту меняли у пуэрториканцев на сигареты. Особенно ценились палки с выжженными свастиками.

По утрам была общая прогулка на большом лугу. Пленные сходились сюда изо всех жилых блоков. Тут мы увидели и ряд крупных нацистов, среди них – Германа Геринга и генералов.

Однажды утром неожиданно я увидел среди пленных генерала Гелена. Выяснилось, что он жил в верхнем этаже нашего же дома. Связь по внутренней лестнице была налажена очень быстро: мне разрешили носить ему чай. Гелен сохранял бодрость и самообладание. Он продумывал планы на будущее, в то время как большинство других лишь вспоминали прошлое.

Во время воскресного богослужения мы вдруг обнаружили в церкви Жиленкова. Он также нас увидел. Во второй половине того же дня он уже нашел к нам дорогу – через ряд сообщающихся друг с другом чердаков. Это была одна из его очередных блестящих проделок, там, где ему приходилось натыкаться на стены, он терпеливо выламывал кирпичи, проделывая лазы.

Жиленков рассказал, что Первая дивизия, по просьбе чешских националистов, вошла в Прагу и одержала победу над размещенными там частями СС. Радость чешских националистов была недолгой. Ожидали прихода американцев, но они прекратили наступление. Прага и чешский народ были отданы во власть Советов. Генерал Буняченко должен был отойти на запад. Его дивизия разоружена американцами. Большая часть людей передана Красной армии. Многие предпочли самоубийство.

О судьбе Власова Жиленков ничего не знал.

– Мы, то есть русские при мне, – говорил Жиленков, – до сих пор видели со стороны американцев хорошее отношение. Но мы убедились,

что с немцами, наоборот, обходятся, кажется, по-советски. Поэтому я велел выдать немецким офицерам и солдатам, бывшим с нами, всем тем, кто были порядочными людьми, удостоверения и воинские книжки, указывающие, что эти люди – латыши, эстонцы или литовцы, или же, что они – гражданские чиновники: бухгалтеры и тому подобное. Есть надежда, что обращение с ними будет лучше. Мы знаем уже советские и немецкие методы. Американские, сдается мне, не очень-то от них отличаются. Потому я и попытался «подправить счастье». А теперь и я тоже сижу здесь.

Жиленков добился, что через несколько дней его перевели в наше помещение.

Через три недели наша группа, вместе с другими пленными, была переведена из Аугсбурга в Мангейм. Был вечер, когда наш поезд остановился на маленькой железнодорожной станции. У Жиленкова был еще здоровый инстинкт русского человека.

– Здесь я смоюсь, – тихо сказал он мне, – в кусты.

– Что вы придумали? Когда-то и американцы поймут, что каждый порядочный и любящий свободу русский – желанный союзник свободного мира. Не так ли?

Моя вера в американцев и в справедливость была тогда еще жива. К тому же, я боялся, что Жиленкова могут заметить при побеге и застрелить. Поэтому я советовал ему остаться. Поезд простоял на этой станции с полчаса. Конвоиры болтали между собой и почти не обращали на нас внимания. Жиленков же остался.

Сегодня меня преследует мысль, что жизнь Жиленкова – на моей совести. Он должен был не спрашивать меня, а следовать своему инстинкту, чувству. Может быть, Жиленков и ушел бы, и спасся, – у русских иные ангелы-хранители, чем у нас.

В Мангейме нас разместили в армейской казарме. Меня держали вместе с русскими генералами и офицерами как переводчика. Мы занимали одну большую комнату. Немцы были размещены похуже.

Среди пленных здесь были фельдмаршалы фон Бломберг, фон Лист, фон Вейхс и фон Лееб, генералы Гудериан, Кёстринг, Хойзингер и другие. К своей радости, я встретил и старого друга, советника посольства Густава Хильгера, а также нескольких знакомых промышленников. Все мы делили общую участь военнопленных и потому стирались различия между фельдмаршалом и капитаном, между немцами и русскими. Каждый немец стыдился теперь когда-то всем предписанной «политики в отношении унтерменшей».

Малышкин и Жиленков обсуждали с фельдмаршалами и Гудерианом детали военных действий под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском и на далеком Кавказе. На песке чертились дислокации: вопросы и ответы с обеих сторон! Риттер фон Лееб заявил, что подчиненные ему войска группы армий «Север» могли бы с ходу взять Ленинград, если бы не были остановлены злосчастным приказом Гитлера. Лееб никогда не мог понять, почему Гитлер, наряду с другими соображениями, основанием для отказа выставлял трудность прокормить население этого города:

– Если 50 и более миллионов человек на занятых территориях, плохо ли, хорошо ли, но надо было снабжать продовольствием, то можно было прокормить и еще два-три миллиона ленинградцев. Ведь как раз блокада обрекала их на голодную смерть.

Фельдмаршал не имел никакого представления о намерениях Гитлера уничтожить часть русского народа, как и о боязни Гитлера, что Ленинград, старый Петербург, наизападнейший город и бывшая столица Российской империи, вновь может стать мощным центром свободной национальной России. Внимательно слушал он доводы Малышкина и Жиленкова. Казалось, с его глаз спадала пелена.

Лист рассказывал о своих разногласиях с Гитлером по поводу одновременного проведения военных операций на сталинградском и на кавказском направлениях. Он предостерегал Гитлера от этого и хотел уйти в отставку. Отставка его сперва не была принята; но однажды, когда уже вырисовывалась катастрофа, Кейтель сообщил ему по телефону из Главной квартиры: «Теперь вы можете сделать то, что намечали раньше». На жаргоне Главной квартиры это было равнозначно

освобождению от должности.

Уже упомянутый ранее чисто военный склад мышления Гудериана постоянно толкал его на споры о политическом и психологическом значении занятия Москвы. Доводы Малышкина приводили его в смятение, и он почти ежедневно появлялся у нас со всё новыми вопросами.

Сильное впечатление производил твердый характер Гудериана и его поведение при выпадах американского конвоя против пленных. Так, однажды, когда один назойливый сержант угрожал ему карабином, он стоял и спокойно смотрел на него. Я был рядом с Гудерианом, и нам удалось заставить сержанта опустить оружие.

Несправедливо упрекать этого совершенно аполитичного генерала танковых войск, что он после 20 июля принял от Гитлера пост начальника Генерального штаба. Гудериан был близок к людям 20 июля, но об этом знали лишь немногие. Он должен был считаться с тем, что Гитлер может назначить начальником Генерального штаба человека из СС, имя которого даже уже называли. Назначение же неквалифицированного дилетанта на этот ключевой пост могло иметь в его глазах катастрофические последствия.

Лучше всего проблемы Освободительного Движения понимал фельдмаршал фон Вейхс. Он интересовался ими уже с 1941 года. Занимал его также Гитлер и его комплекс непогрешимости. В письме к Малышкину, которое я перевел на русский язык и копия которого у меня сохранилась, Вейхс изложил свои мысли.

Хильгер рассказывал много интересного о своей дипломатической деятельности в Москве. (С Малышкиным он говорил по-русски.) Он был опытным дипломатом и верой и правдой служил своему народу.

Однажды к нам доставили фон Тиссена, одного из крупнейших немецких промышленников. Он вначале поддерживал Гитлера, но потом отошел от него. Старик совершенно обессилел и только за шахматами, казалось, забывал окружающее. Малышкин был прекрасным шахматистом, и мы с ним чередовались, чтобы оказать

скромную услугу старику в широкополой соломенной шляпе.

Но среди пленных были и неприятные люди, обделывавшие свои не всегда честные делишки. Таким был бывший «придворный фотограф» Гитлера Гофман, не находивший теперь ни одного хорошего слова для своего «Адольфа». Как и многие другие, Гофман уверял, что он «никогда не был нацистом».

Жиленков, без сомнения, был наилучшим товарищем, которого можно было себе пожелать в плену. Гордый и независимый в отношениях с победителями, всегда готовый помочь и жертвенный в отношении всех остальных. Он раздавал свои сигареты и часто даже часть своего пайка.

Он чинил обувь и одежду. Каждое утро он собирал и уничтожал во дворе американские окурки, чтобы, как он говорил: «уберечь немецких пленных от искушения и унижения».

Бывшему гаулейтеру Вартегау, сильно исхудавшему Грейзеру, Жиленков, проходя мимо, подсовывал иногда что-нибудь съестное, когда тот, сидя один за столом (остальные избегали его), жевал свою скудную пищу. Он жалел даже и этого человека, которого раньше никогда не видел.

Этот некогда высокого ранга политический комиссар и генерал вспомнил опыт своей жизни беспризорника и развил поразительную деятельность, в которой сочетались ловкость, находчивость, юмор и чисто русская человечность. Ему помогали многие русские офицеры. Наша комната вскоре стала временами походить на сапожную или портняжную мастерскую. Материал и инструменты Жиленков доставал у американцев легально или же, как он говорил, «с маленьким взломом» кладовой, в которой американцы хранили постельные принадлежности, брезент и другие вещи.

Так мы и жили изо дня в день.

И вот, однажды утром произошло невообразимое. По дороге к столовой маленькую русскую группу американцы остановили и

окружили. Стали выкликать имена, среди них Малышкина, Жиленкова и других офицеров. Меня отделили от русских. Им же приказали принести свои вещи. Русские обнимали меня и целовали на прощание.

– Это конец, – сказал Малышкин. – Спасибо вам, Вильфрид Карлович, за всё, что вы сделали для нас и для нашего народа. Когда-нибудь военнопленные, красноармейцы и остовцы также поблагодарят вас. Но мы не доживем до этого дня.

Нас разделили. Я побежал к фельдмаршалам и крикнул им:

– Это выдача!

Лист, Вейхс и Гудериан пошли к стоявшему поблизости американскому капитану, бывшему всегда лояльным и даже дружелюбным в отношении нас, и закричали: «Мы протестуем? Наши русские товарищи не должны быть выданы Советам!»

Славный парень – американец – успокаивал нас, говоря, что он только выполняет приказ и что русских переводят в другой лагерь. Он лично не допускает мысли о выдаче русских. Это шло бы вразрез с традициями американского народа.

Еще и сегодня я вижу их стоящими там – трех немцев: двух маршалов и одного генерала, – некогда могущественных людей, а теперь беспомощных просителей, а перед ними – молодого американца, явно искренне верящего в традиции своей великой нации.

Мы тоже верили в право, – мы еще не знали, что в Ялте понятие права было попрано.

Вечером того же дня Вейхса и меня посадили на грузовик и повезли в неизвестном направлении. Вейхс был совсем больной и еле шел. Нас высадили во дворе какого-то барачного лагеря.

Когда нас вели по длинному коридору, Вейхс шел согнувшись и с большим трудом. В последний раз я видел Вейхса в тот момент, когда солдат пинком ноги втолкнул его в камеру. Старик рухнул на пол.

Меня ввели в камеру № 97. Дверь за мной захлопнулась.

Камера – зарешеченная дыра с двухэтажными деревянными нарами. На нарах – мешки с соломой. Камера была так узка, что вытянуть руки в стороны я не мог.

Мне следовало бы, возможно, на этом кончить свои записки. Личные переживания, обычно, интересны лишь близким. Но, описав мои личные переживания на фоне больших событий, может быть, я всё же могу коротко оглянуться на мое одиночество в тюрьме.

Два раза в день – в 8 и в 16 часов – в камеру приносили еду: гороховый суп и сардинку или кусок шоколада. Еды было немного, но качество ее было хорошим. Иногда ничего не давали, но, видимо, без умысла, а просто потому, вероятно, что моя камера была последней. И вот, иногда не хватало порций.

Дважды в неделю меня выводили на несколько минут в тюремный двор, всегда в сопровождении конвоира. Однажды, когда я делал по двору свои два круга, конвойный беспрерывно направлял на меня свой автомат. Он был нетрезв.

Если пленному нужно было в уборную, он должен был дать нечто вроде железнодорожного сигнала. Но бывало, что дежурный, судя по настроению, лаконично извещал: «No – на сегодня довольно!»

Однажды мне сделали прививку и не сказали, против чего или почему. Один раз у меня был прострел, и я мог лежать только на полу. Врач помог мне в течение нескольких дней встать на ноги и запретил охране выгонять меня в холодную умывалку, что делалось ежедневно по утрам.

Не давали ни чтения, ни курева. В лагере в Мангейме нам раздали томики маленького английского издания Нового Завета, – мне удалось сохранить его.

Решетка на левом верхнем углу окошка, выходившего во двор, была обломана; в отверстие, шириною в руку, был виден край крыши

соседнего барака, стоявшего поперек к нашему. Я был счастлив и благодарен Творцу, когда там садились воробьи и я видел живые существа.

При приеме сюда, записывали наши личные данные. При этом сержант бросил мне прямо в лицо толстую книжку:

– Вы видели это? Фотографии из Дахау! Посмотрите-ка!

Сержант не поверил мне, что я не знал о страшных жестокостях, творившихся в немецких концлагерях. Он не верил мне так же, как и мы, немцы и русские, не могли поверить в измену свободе со стороны свободной Америки.

Охране было запрещено разговаривать с нами, и караульные ограничивались короткими указаниями. Только через звуки поддерживалась для меня связь с внешним миром. И удивительно обостряется слух: щелчок электрического выключателя, дребезжание посуды, отпирание и запирание дверей камер… вот в коридор въехала тележка с едой… она приближается… справа… ближе… еще ближе… моя дверь следующая… Дадут сегодня поесть? или опять пропустят?..

Однажды со мной случилось то же, что со старым Вейхсом. Когда меня привели от лагерного врача к моей камере, я не смог быстро сориентироваться в полутьме и не заметил открытой двери камеры. Пинком ноги солдат втолкнул меня в камеру. Я растянулся на полу. Когда я поднялся, мне казалось, что я не смогу и не должен пережить этого унижения. Я сел на край нар, вынул спрятанное мною лезвие безопасной бритвы, чтобы вскрыть себе вены. Тут взгляд мой упал на томик Нового Завета. Я открыл его наугад и прочел в Евангелии от Иоанна: «…без Меня не можете творить ничего».

Да. Вы можете калечить мое тело, – я посмотрел на мои ободранные ноги, – но меня, мою честь, Божий лик во мне вы не можете затронуть. Тело – лишь оболочка, не я сам. Без Него, без Господа, моего Господа, вы не можете творить ничего.

Я почувствовал прилив душевных сил. Я сидел и прислушивался к

совершающемуся во мне чуду душевного перелома. Вдруг повернулся тяжелый ключ в дверном замке. Вошел молоденький американский солдат. Приложив палец к губам, он прошептал: «Я видел всё. Вот вам печеная картошка». Он вынул несколько картофелин из кармана брюк и протянул мне. Затем быстро вышел и запер дверь.

* * *

Кончая мои записки, я хотел бы вспомнить еще капитана Дэвида. Может быть, это было и не настоящее его имя. Капитана Дэвида мы узнали в лагере Мангейм – там отношения между победителями и побежденными носили отпечаток человечности. Дэвид был евреем, германского происхождения, вероятно, пострадал от нацистов. Но чувство мести было ему чуждо. Это он, вместе с пленными, оборудовал в Мангейме помещение для богослужений; это он, незаметно, но очень настойчиво, добивался различных облегчений для нас.

Я уже месяцы сидел в одиночной камере, не имея представления, где я нахожусь и почему меня так держат. Однажды, совершенно неожиданно, в темном коридоре, когда меня вели от лагерного врача, я встретил капитана Дэвида. Дэвид узнал меня и спросил номер моей камеры. Через несколько минут он пришел ко мне и спросил:

– Как дела? Впрочем, что за глупый вопрос! я вижу, что вам не хорошо. Но будьте довольны, что вы здесь, в американской тюрьме, на свободе – тоже нехорошо. Хотя вы и не советский подданный, но вы были так тесно связаны с русскими, что лучше, если вы посидите здесь.

(Лишь позже я понял, что означали эти слова: понял, когда узнал, что союзники обязались в Ялте выдать Советскому Союзу всех бывших советских граждан; под действие этого соглашения, при определенных условиях, попадали и немцы. В Декларации Объединенных наций о правах человека заявляется, что каждый имеет право искать политического убежища в чужой стране. Но в «освобожденной

Германии» русских людей выдавали, против их воли, советским палачам, при этом, в некоторых случаях, американские солдаты с автоматами выгоняли русских даже из церквей.

С отказом от прав человека наступил конец Освободительного Движения Народов России.)

Капитан Дэвид подробно расспросил обо всем, что меня волновало, но заметил при этом, что в нашем лагере он лишь временно заменяет товарища. (Из этого я сделал вывод, что наш лагерь размещен недалеко от Мангейма.)

Совсем неожиданно для меня он вспомнил, что в Мангейме я декламировал свои стихи, и сказал: – Я пришлю вам бумагу и карандаш… и что-нибудь почитать… и табак для вашей трубки, и спички…

Он сам принес всё это мне в камеру. Для чтения – Гульбрандсена «И вечно поют леса».

Капитану Дэвиду обязан я и тем, что в последние недели заключения уже не страдал от ставшего почти невыносимым одиночества: в мою камеру поместили образованного и симпатичного молодого русского эмигранта. Игорь – как звали моего нового друга – декламировал стихи Пушкина и Лермонтова, а я переводил их на немецкий язык. За те несколько недель, что мы провели вместе, мы стали настоящими друзьями.

Капитану Дэвиду я обязан и первым настоящим допросом за все месяцы сидения в камере и, наконец, моим освобождением.

Эти воспоминания – не запись моих переживаний. И я не хочу вызывать в памяти своего отчаяния и своих страхов. Но и выстраданный мною опыт, и память о выпавшей на мою долю милости Божьей останутся со мной всю мою жизнь.

От автора

Эти воспоминания я писал на основании заметок, сделанных мною во время моей «ссылки» в Померании осенью 1944 года. Я ограничиваюсь в них изложением тех фактов и событий, активным свидетелем которых я был. Поэтому они отражают лишь совсем небольшую часть истории того времени.

В моих заметках не было ни дат, ни имен, и мне приходилось восстанавливать их по памяти. Отдельные места я несколько отредактировал. С февраля 1945 года я не делал больше никаких записей, и последняя часть написана мною по памяти после освобождения из американского плена.

Я счел своим долгом опубликовать эти воспоминания, так как обещал генералу Андрею Андреевичу Власову свидетельствовать об освободительной борьбе и против Сталина, и против Гитлера, которую вели русские люди. Равнодушие и ложь исказили облик этих борцов за свободу. Но придет время, когда умы людей освободятся от влияния искажений и начнутся поиски правды.

В Советском Союзе, следуя сталинской линии, генерала Власова и его сторонников заклеймили как предателей. На немецких офицеров, помогавших им из соображений человечности и вопреки линии Гитлера, навешены ярлыки агентов Гестапо и «гитлеровских фашистов», хотя многие из них вошли в историю как мученики немецкого народа. Но и на Западе мало известно об Освободительном Движении, хотя о нем опубликовано уже несколько трудов.

Немцев, поддерживавших Освободительное Движение, упрекают в наивности: зачем затевать дело, заведомо обреченное на неуспех? Говорят: «Стоило только почитать “Mein Kampf” Гитлера, как становилось ясно, что нацисты никогда не изменят своей политики по отношению к России».

Но на вопрос: «А что же мы должны были тогда делать?» – ни один из критиков не дал вразумительного ответа.

Мы же действовали так, как не могли не действовать по своей совести. Мы предприняли попытку освободить мир от врага не менее страшного, чем нацизм, конец которого был нам виден. И кто мог тогда с полной уверенностью утверждать, что эта попытка будет безуспешной? Эти утверждения делаются постфактум.

Кто же эти «мы»?

Это – русские и другие борцы из Советского Союза, стремившиеся к свободе и лучшему будущему; их было много миллионов. Это – члены немецкого Движения Сопротивления. Это – немцы балтийского, российского происхождения и бесчисленное множество других простых немцев, которые хотели «устранить существующее зло». (Я воспринял от своего учителя – доктора Эрнста Гельдерблома принцип: «Кто стремится быть нравственным, тот должен стремиться и устранить существующее зло».)

Наша попытка и описана в моей книге. Она охватывает события между 1941 и 1945 годами, – события, вызывающие в памяти притчу о смоковнице, которая должна погибнуть, если она не принесла плода.

1941 год был годом, когда история дала Гитлеру последнюю возможность изменить свой курс. Но ослепление и самонадеянность его сделали это неосуществимым.

1942–1943 годы были годами, когда немецкие и русские офицеры из внутренних, идейных побуждений рискнули встать на путь, ведущий к миру и свободе, – вопреки Сталину и вопреки Гитлеру.

В 1944 году Гиммлер обратил внимание на Освободительное Движение. Но эта перемена курса была неискренна, и к тому же она слишком запоздала.

1945 год принес крушение надежд и конец Движения.

Власов и его единомышленники пытались внести свой вклад в дело раскрепощения, примирения и единения народов. Их вклад был игнорирован, и не только нацистами. Он игнорируется до сих пор.

Андрей Андреевич Власов не был основателем Освободительного Движения. Оно родилось в сердцах угнетенных и униженных задолго до его появления, – в сердцах русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, народов Кавказа и Средней Азии. Власов лишь возглавил его, пытался внести в уже шедшую борьбу политическую стратегию и дать ей цель (при безусловном отрицании нацистского духа). Он стремился объединить людей и создать силу, способную с успехом для России закончить войну.

Различные народы России, без сомнения, питали различные надежды и вынашивали различные цели. Власов и его советники видели национальную проблему в новом свете и предвидели ее разрешение в едином европейском целом. Их точка зрения не встретила понимания в то время, и не только у нацистов. Ее не понимают и сейчас.

Власовым не руководили ни честолюбие, ни расчет. Судьба, обстоятельства, его собственный опыт – всё это вместе привело к тому, что он действовал именно так. Принимая на себя ответственность, он был не одинок. Его идейные сотрудники отлично сознавали, что вторая мировая война открыла возможность (которая может больше никогда не представиться) освободить народы России от большевистского гнета. Можно ли здесь говорить об измене? Немецкий теолог Дитрих Бонхёффер, участник немецкого Движения Сопротивления, казнённый нацистами, говорил, что в известных обстоятельствах измена является патриотизмом, а патриотизм – изменой.

Когда один американец спросил меня, был ли Власов изменником, я задал ему встречный вопрос: были ли Вашингтон и Франклин изменниками?

Если верно, что тот, чья цель – служить своей стране, а не вредить ей, – не изменник, то ни немец Клаус граф фон Штауфенберг, ни генерал А. А. Власов – не изменники. Это же относится и к тем, кто был с ними.

Если покойный социал-демократ Юлиус Лебер имел право призывать, чтобы весь мир, включая коммунистов, сплотился на борьбу против Гитлера, то покойный генерал Власов имел право призывать, в свете своего личного опыта, чтобы все народы России, да даже весь мир, включая национал-социалистов, сплотились на борьбу против Сталина.

Русское Освободительное Движение было раздавлено. Власов и его друзья были казнены, как казнены были Штауфенберг и другие заговорщики 20 июля. Но они отдали свои жизни за свободу и справедливость, и они могут быть примером для тех, кто ценит свободу и справедливость.

Список сокращений

Абвер – *Abwehr* – военная разведка (контрразведка)

Гестапо – *Gestapo (Geheime Staatspolizei)* – тайная государственная полиция, нацистская служба госбезопасности

КОНР – Комитет Освобождения Народов России

НТС – Национально-Трудовой Союз (в настоящее время Народно-Трудовой Союз)

ОКВ – *OKW (Oberkommando der Wehrmacht)* – Верховное командование вооруженных сил Германии

ОКВ/ВПр – *OKW/WPr (Oberkommando der Wehrmacht/Wehrmachtspropaganda)* – Отдел пропаганды Верховного командования вооруженных сил

ОКМ – *OKM (Oberkommando der Marine)* – Верховное командование военно-морских сил

ОКЛ – *OKL (Oberkommando der Luftwaffe)* – Верховное командование воздушных сил

ОКХ – *OKH (Oberkommando des Heeres)* – Верховное командование сухопутных сил

РОА – Русская Освободительная Армия

РОД – Русское Освободительное Движение

СА – *SA (Sturm-Abteilungen)* – штурмовые отряды нац.-социалистической партии

СД – *SD (Sicherheitsdienst)* – служба госбезопасности при СС

СС – *SS (Schutz-Staffeln)* – охранные отряды нац.-социалистической партии (см. также Примечания к схеме)

ФХО – *FHO (Fremde Heere Ost)* – Отдел Генерального штаба Иноземные войска Востока

Хиви – *Hiwi (Hilfswillige)* – букв, перевод: «желающие помогать», добровольные помощники.

Приложения

Приложение 1

Биографическая справка

Генерал Андрей Андреевич Власов родился в 1900 году в селе Ломакино Нижегородской губернии в крестьянской семье. Учился в духовной семинарии и предполагал стать священником. Примкнул к революционному студенческому кружку. Октябрьский переворот приветствовал, вступил добровольцем в Красную гвардию. Был командиром роты, затем полка и вскоре стал командиром дивизии и. наконец. корпуса. В 1938–39 гг. находился в Китае как военный советник при штабе Чан Кай-ши. В 1941 голу участвовал в обороне Киева, а затем Москвы, где особенно отличился. При разгроме немцами 2-й советской ударной армии попал в Волховское окружение и в июле 1942 года был захвачен немцами. Зная настроения в Красной армии и в стране вообще, Власов ясно видел возможность свержения Сталина и его клики при помощи толчка, который должна была дать Русская Освободительная Армия, созданная русскими добровольцами на немецкой стороне фронта. Но невежество и заносчивость Гитлера и его окружения сорвали план создания русской армии. В мае 1945 года Власов и его ближайшие сотрудники были выданы американцами советским властям. Казнен 1 августа 1946 года.

Приложение 2

Почему я стал на путь борьбы с большевизмом

(Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть.

Я – сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, «Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и

командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 год я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кай-ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной Армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной Армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг. Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания Русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной Армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу, делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я

отгонял от себя постоянно встававший вопрос: да полно,

Родину ли я защищаю, за Родину ли посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?..

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 грамм сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ? Я ясно сознавал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов.

Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов он связал судьбу Русского народа с судьбой Англии, он вверг Русский

народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм и, в частности Сталин, главным врагом Русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, ненужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германским народом. Интересы Русского народа всегда сочетались с интересами Германского народа, с интересами всех народов Европы.

Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою вместе с

горстью верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России – Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена Русской Освободительной Армии, дают мне право сказать, что я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, – правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными

руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг – борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия – наша! Прошлое Русского народа – наше! Будущее Русского народа – наше!

Многомиллионный Русский народ всегда на протяжении всей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А. А. Власов

Приложение 3

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплоатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов. За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на

неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее – еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим – не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, – что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплоатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эту свободу террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплоатированных и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ – ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то

безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплоататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со

всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплоатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния – городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил – Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая

в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов – большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

Приложение 4

Сообщение ТАСС

2 августа 1946 года в центральных советских газетах было опубликовано следующее сообщение ТАСС:

«От Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело

Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д., Шатова Н. С.

по обвинению в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, то есть в

преступлениях, предусмотренных статьями 58–1, 58–8, 58–9, 58–10 и 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в смысле предъявленных им обвинений.

В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых

Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буняченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.»